

PERFECT STRANGERS

J.T. GEISSINGER

Писательница Оливия Росси не может написать ни одного слова с тех пор, как два года назад трагедия всколыхнула ее мир. С разбитым сердцем и все еще преследуемая прошлым, она принимает предложение провести лето в квартире подруги в Париже в поисках исцеления и своей потерянной музыки.

Взамен она находит Джеймса, загадочного незнакомца, который зажигает в ней неожиданную и всепоглощающую страсть.

Договорившись не раскрывать друг другу о себе ничего, кроме имен, Оливия и Джеймс начинают бурный роман. Но чем больше времени они проводят вместе, тем больше Оливия начинает понимать, что ее летнее увлечение превращается в мощную связь... и что магнетический мужчина, в которого она влюбляется, может оказаться совсем не тем, кем кажется.

Джей Ти Джессинжер ИДЕАЛЬНЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

Перевод каналом #novels_for_us

Для Джея, моего идеального незнакомца.

Часть I

□□□□ □□□□ □□□□

Мир ломает всех, и после этого многие становятся сильнее на сломанных местах. Но тех, кого он не ломает, он убивает.

Эрнест Хемингуэй

□□□□ □□□□ □□□□

Блондинка лежит голая на спине на матрасе, поджав колени и раздвинув бледные бедра, ее руки сжаты в кулаки в простынях. Мужчина, полностью одетый и неподвижный, стоит возле кровати, глядя на нее сверху вниз. На ее обнаженное тело, молодое и стройное, натянутое от предвкушения, предложенное для его обозрения, словно выставка спелых плодов.

Мужчина наклоняется и кладет одну руку на кровать возле головы блондинки.

Другой рукой он обхватывает ее горло.

— ...как тебе здесь живется? Как тебе квартира?

Гравийный голос в моем ухе — это мой литературный агент Эстель, которую я знаю уже много лет. Она выкуривает две пачки Virginia Slims в день и имеет ту же высокую прическу улей, которую носит с шестидесятих годов, только теперь она серая, а не черная, как лак для обуви. Даже не пять футов высотой на каблуках, вся такая болтливая и смелая, она — крошечный птенец в винтажном платье от Chanel, который откусит вам голову так же легко, как и подарит улыбку.

Большинство людей считают ее ужасной, но у меня слабость к резким женщинам.

Я слишком хорошо знаю, какие удары жизнь может нанести, прежде чем ты закаляешься.

— Город такой же красивый, как ты и обещала, Эстель. А твоя квартира, — блондинка выгибается, когда мужчина целует ее крепко, жадно, его рука скользит от горла к полной, розовой груди, — удивительная. Расположение идеальное.

Насколько идеальное? Последний этаж элегантного десятиэтажного дома в шикарном жилом районе, этажом выше и прямо через затененный двор от привлекательной пары, которая собирается заняться сексом.

Они не потрудились закрыть шторы в своей спальне. Это означает, что оттуда, где я стою в гостиной Эстель, я имею беспрепятственный обзор.

Может, это часть всего этого? Дикий трепет от того, что за ними может наблюдать любой из соседей?

А может, в этом вся суть.

Эстель говорит: — Это замечательно, куколка! Я так счастлива, что тебе нравится. После наступает напряженная пауза: — Надеюсь, смена обстановки будет вдохновлять.

О, это вдохновляет, но не в том смысле, который она имеет в виду.

Мужчина сжимает запястья блондинки в своих руках и перемещает свой голодный рот с ее груди на живот, затем между ее ног. Откинув голову на подушку и закрыв глаза, она стонет.

У меня мурашки по коже, от этого стога, разносимого по двору в прохладном послеобеденном воздухе. Я не могу вспомнить, когда в последний раз издавала такой гортанный звук от удовольствия. Если вообще когда-либо.

Очевидно, у ее партнера довольно талантливый язык.

Я не могла видеть его лицо, не четко, только мельком в профиль, а теперь и вовсе не вижу, потому что оно спрятано между парой бедер, и меня охватывает любопытство. Как выглядит этот эксгибиционист? Он красивый? По-домашнему уютный? Простой, как кусок

белого хлеба? Какой мужчина мог убедить женщину так бесстыдно выкручиваться на глазах у нескольких десятков потенциальных свидетелей?

Или это была *ее* идея? Я имею в виду, что она молодая и красивая. Это сочетание, которое может заставить человека делать чрезвычайно глупые вещи.

Откуда мне знать. Список дерьма, которое я сделала под влиянием своей потерянной молодости, удручающе длинный.

Но *это*. Что ж. Скажем так, такое поведение не было в моем репертуаре в том возрасте. Не мне судить. Они никому не вредят. Наверное, я просто завидую.

Нет, я *точно* завидую. Боже, вы только послушайте ее! Этот крик может разбудить мертвых!

Я отворачиваюсь от окна, когда блондинка кончает во всю мощь своих легких, и направляюсь на кухню в поисках выпивки.

Страсть к бурбону — одна из многих вещей, которые у нас с Эстель общие, и я рада, что одна часть кладовой на ее кухне полностью заставлена алкоголем. Там есть и винный холодильник, но от сахара у меня болит голова, поэтому я обхожу коллекцию изысканных бургундских вин и откупориваю бутылку лучшего из Кентукки. Делаю глоток прямо из бутылки, не заморачиваясь бокалом.

Если я собираюсь провести следующие три месяца, слушая оргастические крики моих соседей, мне понадобится серьезная поддержка.

Эстель говорит: — Номер управляющего на холодильнике, куколка. Не стесняйся звонить ему, если кондиционер выйдет из строя. Я знаю, что ты не хочешь никого беспокоить, но эта установка ненадежна. И этим летом будет около тысячи градусов. Глобальное потепление, знаешь ли.

Я делаю еще один глоток, слушая ее болтовню.

— У тебя джетлаг? У меня есть травяные сборы от этого в аптечке в мастерской. Конечно, ты знаешь, что в шкафчиках с выпивкой тебе всегда рады. Маленький рынок на углу имеет божественный выбор сыров, а на улице Desnoettes, в квартале от квартиры, каждый вторник и четверг до сентября работает фермерский рынок.

Она уже рассказывала мне все это перед моим отъездом из Нью — Йорка, но Эстель знает, что такое основательность. Очередной оргазм, доносящийся из — за окон гостиной, заставляет меня глотнуть еще бурбона и подумать, не заселиться ли мне в отель, чтобы избежать этого шума.

— Теперь послушай, — говорит Эстель, становясь серьезной, — Я не шутила, когда говорила тебе успокоиться и просто расслабиться. Отдохни, хорошо поешь, много гуляй. Постарайся не думать.

На самом деле она имела в виду: *постарайся не вспоминать*.

Постарайся перестать винить себя.

Постарайся отпустить прошлое.

Если бы.

Если бы отпустить прошлое было так же легко, как просто решить это сделать, меня бы вообще не было здесь, за тысячи миль от дома. Но люди не понимают, что прошлое — это живое, дышащее существо, которое существует независимо от наших желаний или лучших намерений. Оно никуда не исчезает, и оно точно не невидимое. Его отпечатки размазаны по каждому мгновению настоящего, его вес тянет за собой каждую секунду будущего, его последствия отражаются в каждом коридоре нашей жизни.

Мы не можем избавиться от прошлого так же, как не можем остановить вращение Земли.

Но я должна делать вид, что прилагаю усилия, потому что никто не любит нигилистов. Ты можешь находиться в депрессии до тех пор, пока люди не потеряют терпение и не начнут закатывать глаза за твоей спиной.

— Безусловно, — говорю я с фальшивой радостью, — Никаких попыток думать не будет.

Эстель кажется довольной. — Хорошо. А если тебя вдруг озарит муза...

— Ты узнаешь об этом первой.

Когда очередной душераздирающий крик отскакивает от стен гостиной, я закрываю глаза и легонько ударяюсь головой о дверь кладовки.

***

Через два часа я смываю с себя дорожную грязь, сажусь за столик в очаровательной кофейне неподалеку от квартиры и пью слишком дорогой эспрессо, проклиная каждое решение, которое привело меня сюда.

Деревья оживают от пения птиц. Сладкий аромат вишневого цвета ароматизирует воздух. Небо над головой — безграничная сказочная голубизна, усеянная ватными облаками, настолько идеальными, что они выглядят нарисованными на съемочной площадке.

В Париже июнь, и это до смешного романтично.

По крайней мере, я чувствую себя смешной, женщиной, которую сопровождают только призраки, в то время как толпы молодых влюбленных, держась за руки, прогуливаются по затененной аллее или нежно смотрят друг на друга через хрустящие белые льняные скатерти слева и справа от меня.

Город любви. О чем я думала, когда ехала сюда?

Я чувствую себя атакованной всей любовью, которая меня окружает. Я чувствую себя жертвой, будто сама любовь издевается над моей болью, радостно вонзая в меня отравленные ножи.

Опасность чрезмерно активного воображения. Если бы я не стала писательницей, то сидела бы где-то в мягкой камере, царапая стены.

Когда звонит мой мобильный, я быстро отвечаю, благодарная за то, что меня отвлекают.

— Алло?

— Привет, малышка! Как дела?

Это моя подруга Келли, и ее голос немного слишком яркий. У меня закрадывается подозрение, что в течение следующих нескольких дней, когда я буду обустроиваться, я буду получать много таких веселых звонков от знакомых людей. Они все так хотят, чтобы я двигалась дальше, что это вызывает у меня беспокойство.

Но я думаю, что для них два года прошли с другой скоростью, чем для меня. Законы времени и физики искажаются горем, искривляясь вокруг него так, что одно мгновение можно проживать снова и снова, вечно.

Я говорю Келли: — Если под словом все ты имеешь в виду мою грудь как единое целое, то ответ, увы, — низко.

— Пшш. У тебя лучшие сиськи из всех, кого я знаю.

— Спасибо за этот вотум доверия, но ты работаешь в доме престарелых. Большинство сисек, которые ты видела, потеряли свою упругость во времена администрации Картера.

— Все относительно, крошка. Посмотри на это с другой стороны: если бы ты была

голой и должна была наклониться, чтобы что-то подписать, тебе не пришлось бы прятать грудь под мышку, чтобы она не мешала.

Я вспоминаю молоденькую блондинку, чья грудь была настолько упругой, что гравитация не влияла на нее, даже когда она лежала на спине, и говорю: — Это точно повод отпраздновать.

— Сколько времени в Париже? Ты опережаешь меня или отстаешь?

— Я опережаю на шесть часов. Как ты этого не помнишь? Ты же была здесь десятки раз!

Келли вздыхает. — Я уже ничего не помню. Майк постоянно повторяет, что у меня мозг как решето.

— У тебя не мозг, как решето, Келл. У тебя четверо детей, ты работаешь полный рабочий день, а твой муж считает, что домашней работой может заниматься только кто-то с парой яичников. Перестань себя корить.

В ответ Келли говорит что-то, чего я не понимаю.

— Что? Прости, я не слышу, что ты говоришь.

Я слишком озабоченно смотрю на Адониса, который только что сел за стол напротив меня.

Краткий итог для потомков. Или пропустите список и представьте себе жеребца в расцвете сил, который в замедленном темпе скачет по пляжу, его шелковистая грива развеивается, как флаг, а глянцева шерсть сверкает на солнце, и вы получите общее представление.

У него взъерошенные каштановые волосы, спадающие на широкие плечи, расщепленный подбородок, который поразил бы даже Супермена, и грациозные движения конечностей, несмотря на его грозные размеры. Одетый в расстегнутую белую рубашку на пуговицах и выцветшие джинсы, с недельной бородой на угловатой челюсти, с кожаным ремешком на запястье, он излучает животный магнетизм, настолько сильный, что я чувствую его даже отсюда, где сижу.

Очевидно, это чувствуют и все остальные, судя по тому, какую волну осознания вызывает его присутствие у посетителей ресторана. Головы поворачиваются в его сторону, словно их дергают за ниточки.

Но ошеломляющий незнакомец не замечает всего того внимания, которое он привлекает. Все эти брошенные украдкой взгляды, как мужские, так и женские.

Несомненно, он привык к этому. Он — первоклассный стейк, как сказала бы Келли.

Воистину, он сокрушительный.

Если бы вы знали меня, вы бы знали, что это не то слово, которое я использую легкомысленно.

И Боже, о *Боже*, какие невероятные глаза. Голубее, чем безоблачное небо над головой, окруженные густыми черными ресницами. Они мощные. Пронзительные. Проницательные. И еще какие-то другие сексуально побудительные слова, которые я сейчас не могу вспомнить, потому что ужасное осознание того, что меня поймали на том, что я пялюсь на него, затмило мой мозг.

Он смотрит в ответ.

— Я спрашивала, не была ли ты еще в кафе Blanc, — кричит Келли, так, будто у меня начались проблемы со слухом после того, как мы поздоровались, — Обязательно скажи Анри, что это я тебя послала, иначе он возьмет с тебя двойную плату — он проклятый

мошенник!

Последнюю фразу она произносит с любовью. Ничто не приносит ей большей радости, чем крепкие дружеские отношения, которые она завязывает, когда кто-то неудачно пытается ее обмануть.

Во время ее первого визита в Париж, во время учебы в колледже, владелец кафе, считая ее несчастной американской туристкой, завысил цену на ее блюдо. Возникший спор стал чем-то вроде местной легенды. Когда я представилась хостес как подруга Келли, она спросила, хранит ли Келли до сих пор левое яичко Анри в банке на кухонном столе.

Я с серьезным лицом ответила, что она хранит его в холодильнике.

— Я, в общем, сейчас в кафе Blanc, — говорю я ей, не отводя взгляда от незнакомца.

— Круто! Это фантастически, правда?

Пронзительный взгляд незнакомца падает к моим губам. Мышца на его челюсти сгибается. Он увлажняет свои полные губы.

Боже... это была вспышка, или кто — то только что разжег огонь под моим стулом?

Что бы это ни было, это что — то новое. Годами мое тело не чувствовало ничего, кроме холодного озноба. Смущенная, я едва слышно проговорила: — Это... замечательно.

— Что? — воскликнула Келли, — Крошка, я тебя едва слышу! Говори громче!

— Я сказала, что это замечательно!

Официант без подбородка и с носом, похожим на клюв тукана, материализуется возле моего столика, нахмурившись на телефон в моей руке. Он говорит по-французски, резко жестикулируя на телефон.

Я не понимаю языка, но улавливаю его суть: *Вы ведете себя грубо. Как это по-американски. Возможно, дальше вы захотите насрать на Эйфелеву башню?*

Я хмурюсь на него, жалея, что здесь нет банки из-под яиц, потому что я бы добавила туда еще несколько. — Мне нужно идти, Кэлл. Я перезвоню тебе позже, хорошо?

Она все еще кричит на том конце провода, когда я кладу трубку.

Официант кладет счет на стол, а затем пристально смотрит на меня. Он хочет, чтобы я ушла, чтобы он мог отдать мой столик одной из милых пар, которые ждут в очереди у дверей.

Я уже собиралась уходить, но наглецы пробуждают во мне в крови упрямый сицилийский нрав. Я предлагаю ему улыбку, такую острую, что она могла бы разрезать сталь. — Еще один эспрессо, пожалуйста. И десертное меню.

— Десерт? Вы еще не заказали основное блюдо.

Его английский с сильным акцентом. Его брови нахмурены. Губы искривлены.

До сих пор я никогда не встречала человека, который мог бы насмеяться всем телом.

Я спрашиваю: — Вы всегда такой наблюдательный или это особый случай?

Он, фыркнув и раздувая свои огромные ноздри, отворачивается.

И тогда я слышу хихиканье.

Меня раздражает то, что я точно знаю, от кого оно исходит. Мне даже не надо оглядываться, чтобы понять, что голубоглазый жеребец был свидетелем моей маленькой драмы с официантом и нашел ее забавной.

Поэтому я не оглядываюсь. Мне не интересно быть комедийным шоу для красавчика, который держит в плену полресторана.

Я знаю, что это странное предубеждение, но я всегда тайно думала, что этика мужчины существует в обратной пропорции к его внешности. Вы просто не можете доверять парню,

который может выбрать любую женщину на расстоянии крика. Такая власть развратит даже самую чистую душу.

Игнорируя все, кроме тепла солнца на моем лице, я откидываю голову назад и закрываю глаза.

Через мгновение глубокий голос говорит: — Могу присесть?

Напуганная, я поднимаю голову. Голубоглазый незнакомец стоит возле моего стола и смотрит на меня сверху вниз, его рука лежит на спинке стула напротив меня. По его уверенной позиции я понимаю, что он ожидает моего согласия, но этого не произойдет.

Я отказываюсь быть заранее решенным вопросом.

— Нет, я жду кое-кого.

Игнорируя мой ответ, он садится.

Титулованный придурок.

Мы снова смотрим друг на друга, на этот раз вблизи.

Несмотря на мою дискриминацию в отношении его смазливового личика и плохих манер, я должна признать, что он невероятно привлекателен. Какая бы ДНК не отвечала за такую квадратную челюсть, он должен клонировать ее и подарить моему официанту без подбородка.

Пристально глядя на меня, он говорит: — Я бы с удовольствием вас нарисовал.

Разве вы не ненавидите, когда человек открывает рот и все портит?

Думаю, не стоит удивляться, что этот парень не смог придумать лучшего вступительного слова, чем то, что он только что мне выдал. Вероятно, женщины бросаются к его ногам с самого рождения. К тому же, такая красота, как у него, редко сочетается с эквивалентным интеллектом. Но все равно я заставляю себя не закатывать глаза.

— Просто из любопытства, это работает?

Его темные брови опускаются над голубым взглядом. — Что работает?

Его английский безупречен. У него нет акцента, французского или другого. Он, должно быть, приехал сюда в отпуск из страны прекрасных людей, которые не понимают слова *нет*, потому что никогда его не слышали.

— Эта фишка. “Я бы с радостью тебя нарисовал”. Неужели женщины на это ведутся?

Голубоглазый задирает голову, изучая меня. — Ты думаешь, что я делаю тебе предложение.

Он говорит это как утверждение, а не вопрос. Утверждение, подчеркнутое намеком на смех.

И я чувствую мгновенное, жгучее унижение.

Этот парень не пытается меня подцепить. Его взгляд не был взглядом мужчины, которого сексуально привлекает женщина. Ему было просто интересно смотреть на меня, такую одинокую и убитую горем, как я, торчащую, как непокорный и нежелательный сорняк в этом саду роз.

Стараясь быть невозмутимой, я пренебрежительно машу рукой. — Моя ошибка. Прости.

— Не стоит. *Я делаю тебе предложение.*

Я начинаю моргать и не могу остановиться. Унижение уже прошло, но я растеряна и моргаю, как сумасшедшая сова.

Когда я обращаю внимание на скатерть и свою руку, лежащую на ней, слегка дрожащую, Голубые Глаза продолжает разговорным тоном, как будто он еще не до конца пересек мои провода.

— Я имею в виду, позировать для портрета. У тебя потрясающее лицо. А твои глаза, они...

Он замолкает, подыскивая слово, а потом тихо говорит: — Призрачные.

Мои невидимые щиты опускаются и окутывают меня, защищая сердце от боли, разливающейся в груди. Я потратила много времени на создание своих щитов, и пока я снова не подняла глаза, они никогда не подводили меня.

Но когда наши взгляды встречаются в этот раз, я не готова к этой силе.

Однажды я наступила на провод под напряжением. Мне было восемь лет. Во время бури в нашем дворе был поврежден электрический столб, который упал на землю. Я выбежала на улицу, чтобы исследовать, прежде чем предостерегающий крик отца остановил меня, и сила напряжения, которая пронзила мое тело, когда моя босая нога коснулась провода, отбросила меня на половину двора.

Глядя в прекрасные голубые глаза этого незнакомца, я чувствую то же самое.

— Я Джеймс.

Его голос стал хриплым. В его теле появляется новое напряжение, будто он сдерживается, чтобы не протянуть руку и не прикоснуться ко мне.

А может, это мое воображение, которое безудержно разгулялось.

— Оливия, — произношу я.

В наступившей тишине звуки кафе кажутся невыносимо громкими. Звон столового серебра о тарелки. Болтливые голоса переходят в нервные крики. Румянец на моих щеках растекается по шее, а пульс зашкаливает.

Никогда еще мужчина не смотрел на меня так, с такой грубой, бесстрастной интенсивностью.

Я чувствую себя голой.

Чувствую, что меня *видят*.

Когда рядом со мной появляется официант, я едва не выпрыгиваю из кожи.

— Мадам. — Излучая снисходительность, он протягивает мне меню десертов и предлагает насмешливый поклон.

— Я передумала. Я просто оплачу счет и уйду, спасибо. — Я снимаю сумочку с кресла и ищу в ней кошелек.

— Ты говорила, что ждешь кого-то, — напоминает мне Джеймс.

— Я солгала.

Джеймс откидывается на спинку стула и пристально рассматривает меня. Официант переглядывается между нами, выгибая бровь, потом говорит что-то по-французски Джеймсу, который качает головой.

У меня возникает ощущение, что они знакомы, что Джеймс — постоянный посетитель, и я решаю, что больше никогда сюда не вернусь.

Я бросаю несколько купюр на маленький черный пластиковый поднос, на котором лежит мой счет, и встаю, поспешно наткнувшись на стол и опрокинув стакан, безуспешно пытаясь не заметить, как три молодые женщины за соседним столиком осматривают меня с ног до головы и шепчутся друг с другом.

Эти хихиканья. Эти ехидные, насмешливые улыбки.

Когда-нибудь они станут такими, как я, которые будут мчаться к сорока с растяжками и морщинами и новым сочувствием к другим, которое принесет только разложение собственного тела и вес всех разбитых мечтаний, но сейчас они красивые и самодовольные,

уверенные в своем превосходстве над неуклюжей туристкой, которая с ужасом отступает от первого настоящего чувства, которое она испытала за долгие годы.

Я не оглядываюсь, когда выхожу, но чувствую прожигающий взгляд Джеймса, следящего за мной вплоть до двери.

Каким-то образом, на этот раз я знаю, что это не мое воображение.

Квартира Эстель — это дитя любви Букингемского дворца и марокканского борделя девятнадцатого века.

На неоклассической витрине выставлены памятные тарелки из фарфора с королевской свадьбы Чарльза и Дианы в 80-х годах. Диваны из красного бархата покрыты пурпурными шелковыми подушками. Золотые кисти оттягивают бордовые парчовые портьеры с высоких окон, главная ванная комната — буйство инкрустированной индиго-зеленой мозаики, а стены гостиной украшают импозантные картины маслом в позолоченных рамах с изображением мрачных предков и охотничьих отрядов на лошадях. Потолки изобилуют мешаниной осветительных приборов — от витиеватых хрустальных люстр до резных бронзовых фонарей, инкрустированных цветным стеклом.

Декоратор был явно шизофреником, но каким-то чудом все противоречивые элементы сочетаются вместе, что делает место уютным.

Неудивительно, что мне нравится его эксцентричность. Чем старше я становлюсь, тем рациональнее кажутся странности.

Я зеваю и вытягиваю ноги под простынями из египетского хлопка на массивной кровати с балдахином Эстель, когда слышу стон. Он доносится сквозь окно, которое приоткрыто во двор.

Я замираю, прислушиваясь.

Стон повторяется, на этот раз громче. Я натягиваю простынь на лицо и глубоко вздыхаю, поскольку стоны продолжают увеличиваться в громкости и продолжительности. Быстрый взгляд на часы подтверждает, что еще нет шести утра.

Я не могу быть человеком в такое время без полчашки кофе и чего-то с таким количеством сахара, что может вызвать диабетическую кому, а те двое напротив меня набросились друг на друга, как кролики. Кто обладает такой энергией?

— Наверное, это все наркотики, — говорю я пустой комнате, когда блондинка приближается к оргазму. Надеюсь, что стеклопакеты выдержат ее пронзительные крики.

Вдруг я злюсь. Что, черт возьми, эти люди думают о себе, нарушая мой первый ночной сон в месте, которое Эстель назвала успокаивающим и целебным? Этот шум точно *не* успокаивает или исцеляет, вот что я вам скажу!

Меня, во всяком случае. Судя по звукам, блондинку исцеляет изнутри какой-то довольно эффектный член.

Откинув простыни, я смотрю в потолок. Раздумываю, стоит ли выбить окна и выкрикнуть им нецензурную брань или оставить на двери письмо с парой крепких слов, когда понимаю, что мой мозг — единственная часть моего тела, которую раздражают игривые выходки моих соседей.

Остальная часть меня возбуждена.

За считанные секунды я вступаю в умственный спор с собой и еще одним голосом, который принадлежит Келли, потому что она знает все мои самые темные тайны и всегда появляется в моей голове без предупреждения.

Давай, девочка. Потри немного. Ты это заслужила.

Пожалуйста. Я не собираюсь мастурбировать под звуки того, как мои соседи занимаются сексом.

Почему нет, черт возьми? Они же такие сексуальные!

Потому что это извращение, вот почему. И они не сексуальные, а показушные.

Ага. Вот почему твой женский сад только что вспыхнул, потому что они не сексуальные.

Женский сад? Тебе что, девяносто? И я ничего не могу поделать, если у моей вагины есть собственный разум! Это не значит, что я должна ее слушать!

Точно. Ты не слушаешь. Тогда, я удивляюсь, почему у тебя рука между ног?

Я стону, прогоняя разговор из головы, сжимаю бедра и очень стараюсь не наслаждаться ощущением, как мои пальцы трутся туда-сюда по влажному шву пижамных штанов.

Стараюсь — и эффектно проваливаюсь.

Честно говоря, я шокирована, что до сих пор испытываю какие-то эротические чувства. Прошли годы с тех пор, как малейший проблеск тепла касался моего крестца, еще больше лет до этого я пыталась удовлетворить себя. У меня была, как я считаю, полноценная сексуальная жизнь с моим мужем, хотя мы не были авантюристами ни в каком смысле. И хотя в последних углях нашего брака секс исчез совсем, я никогда не прибегала к самоудовлетворению, потому что никогда не имела к этому желаний.

Мое либидо умерло вместе со всем остальным, что имело значение.

За исключением вчерашнего дня, когда обжигающий синий взгляд незнакомца зажег меня, как рождественскую елку, и послал ударные волны тепла, пульсирующие прямо в моем сердце.

— *Я Джеймс*, — сказал он таким тоном, будто уже входил в меня.

Серия мужских стонов с другой стороны двора заставляет мои пальцы скользить внутри моей хлопковой пижамы и мимо трусиков. Я уже насквозь мокрая. Я кусаю губу и зажмуриваю глаза, как виноватый ребенок, которого поймали за руку в банке с печеньем.

Перегретая, давно заброшенная банка для печенья, печенье в которой быстро рассыпается на кусочки.

— *Джеймс*, — шепчу я, представляя его сверху.

Он был большим мужчиной. Намного больше моего мужа или тех нескольких любовников, которые были у меня до него. Обычно мне нравятся мужчины с подтянутым телосложением, которые хорошо выглядят в дорогих костюмах. Типичный тип с Уолл-стрит, чистенький, с наманикюренными ногтями, который заработал бы себе грыву, если бы попытался меня поднять.

Джеймс, крепкий голубоглазый жеребец, наверное, мог бы поднять меня над головой своим мизинцем.

Как это — лежать под мужчиной такого размера? Чувствовать, как напрягаются все эти мышцы, когда он выгибает бедра, ощущать скольжение его шершавых рук по моей коже, чувствовать его горячее дыхание в ухе, когда он стонет от животного удовольствия так же, как стонет мужчина на противоположной стороне двора?

Наверное, очень вкусно.

Мои пальцы двигаются быстрее, когда мое воображение перебирает руль власти. Я набрасываю набрасываю короткую сцену со мной и *Джеймсом* в главных ролях.

Ее бедра сжимают его сильные бедра. Ее волосы темными волнами растекаются по подушке. Она корчится под ним, кричит, когда он трахает ее короткими, жесткими движениями, ее грудь подпрыгивает с каждым толчком. Он держится над ней, кожа лоснится от пота, он доминантный и сосредоточенный, полностью контролирует

ситуацию.

Вдруг он поднимается на колени. Он переворачивает ее. Одной рукой обхватив ее за талию, он поднимает ее зад в воздух и входит в нее сзади.

Удовольствие стирает все мысли из ее головы, она зарывается лицом в подушку и кричит.

Он запускает руку в ее волосы, шлепает ее по ягодицам и издает звук, похожий на волчье рычание.

Я бурно кончаю со звуком, который частично похож на вздох от шока, а частично на вопль, все мое тело застывает, спина выгибается на кровати. Мои глаза открываются, когда сокращения трясут меня, снова и снова, дергая мое тело, а вместе с ним и всю кровать.

Затем я падаю на матрас и растворяюсь в слабом, неверующем смехе.

Я только что довела себя до оргазма под саундтрек эксгибиционистов, занимающихся сексом.

Я извращенка.

Келли гордилась бы мной.

Каким бы замечательным ни было мое импровизированное маленькое порно, в нем был один вопиющий недостаток: если бы мужчина когда-нибудь шлепнул бы меня по заднице, я бы развернулась и ударила его по лицу.

Я имею в виду, я думаю, я бы так и сделала. Я почти уверена. Никогда никто не пытался это со мной сделать, но шлепки по заднице во время секса кажутся мне чем-то вроде жестокого обращения. Или просто чем-то глупым. В любом случае, я очень сомневаюсь, что мне когда-нибудь придется узнать, потому что мои шансы на будущую сексуальную встречу с мужчиной, которому нравятся подобные вещи, можно классифицировать как мизерные или нулевые.

Альфа-волкам, шлепающим по заднице, не подавать заявки, большое вам спасибо.

Интересно, что ты фантазируешь об этом, замечает Келли, которая живет в моей голове, спокойно подпиливая ногти.

На что я отвечаю: — Замолчи, — и встаю с кровати, избегая своего отражения в зеркале в ванной комнате, когда иду под душ.

Слишком рано утром, чтобы увидеть, как выглядит вуайерист с глазами с призраками и противоречивыми чувствами относительно грубого секса.

***

Позже, днем, я сижу за огромным письменным столом в библиотеке Эстель, заставленной первопечатными изданиями классиков, и смотрю на желтый лист бумаги в клеточку, с ручкой в руке, до краев наполненная страхом, спесью и экзистенциальными страданиями, которые испытывает каждый писатель, оказавшись перед чистым листом, когда звонит звонок в дверь.

— Слава Богу! — кричу я, увядая от облегчения. Я бросаю ручку и тяжело вздыхаю.

Именно такие моменты подтверждают для меня существование и милосердную природу высшего существа. Я сидела на одном месте, уставившись в одну и ту же чистую страницу, уже целый час.

Я уже собиралась снова откупорить бурбон.

Я вскакиваю со стула и спешу через квартиру к входной двери, которую с чрезмерной силой открываю с размаху. Она ударяется о стену. К маленькому пожилому мужчине, стоящему на пороге, я восклицаю с театральным размахом рук: — Здравствуйте! Чем я могу

вам помочь?

На мгновение он превращается в оленя в свете фар, его глаза широко раскрыты и не моргают. Черный берет, надвинутый на лысую голову под острым углом, кажется, дрожит от страха.

Бедняга. Мне действительно нельзя позволять общаться с остальной человеческой расой.

Но потом он приходит в себя, поправляет бабочку и предлагает мне неуверенную улыбку.

— Э... *bonjour, mademoiselle.*

Мадемуазель, не мадам. Я влюблена в него.

— *Bonjour.*

Настолько благодарна за перерыв и вежливую лесть, что бросаюсь на него, как маньяк. — *Joues-tu au tennis?*

Он моргает один раз, медленно. — Нет, мадемуазель. Я не играю в теннис.

— Вот дерьмо. Простите. Я вообще — то не говорю по-французски. Это все, что я помню из одного урока в школе сто лет назад. Мне показалось, что я сказала: Разве это не прекрасный день?

— Я даю вам баллы за усилия. — Он делает паузу. — А что бы вы сделали, если бы я ответил на французском?

Я небрежно поднимаю плечо. — Наверное, попробовала бы на вас итальянский. Но, надеюсь, вы на нем не разговариваете, потому что все, что я знаю, — это проклятия, которые моя бабушка выкрикивала на моих братьев, когда они приходили домой пьяными.

Его улыбка углубляется. — Ах, да. Итальянцы. *Очень страстные.* Когда-то у меня была любовница-итальянка по имени София, которая шесть раз ударила меня авторучкой в шею, когда поймала, что я смотрю на другую женщину.

Я поднимаю брови. — Кажется, это немного преувеличенная реакция.

— Другая женщина была ее сестрой.

Когда я ничего не говорю, он добавляет: — С которой у меня тоже был роман.

Я скорчила ему гримасу. — Надеюсь, вы не поймете меня неправильно, ведь мы только что познакомились, но сейчас я думаю, что вы этого заслужили.

— О, конечно, заслужил, — говорит он без всякого угрызения совести, — Я также заслужил то, что моя жена подожгла мою машину, когда узнала о Софии и ее сестре. — Он томно вздыхает. — Я очень любил эту машину.

Мужчины.

Обычно, на основе этого анекдота я бы оценила его характер как печально несовершенный, но он только что подкинул мне замечательную идею для сюжета романа, поэтому вместо этого я даю ему поблажку и улыбаюсь. — Похоже, вы прожили интересную жизнь, месье...

— Эдмонд Шевалье. Управляющий домом, к вашим услугам. — Взмахнув беретом, он кланяется. Когда он выпрямляется, он улыбается. Берет хлопает обратно на лысую голову. — И да, я прожил очень интересную жизнь. Ах, истории, которые я мог бы рассказать вам, мадемуазель, от них у вас закружились бы волосы!

Я собираюсь напоить этого болтливового старикана и выудить каждую сюжетную идею, какую только смогу.

Эстель терпелива, но я боюсь, что если я не придумаю новую историю до конца лета,

она совсем на меня махнет рукой. Эдмонд может стать именно тем вдохновением, которое мне нужно.

Стараясь не заламывать руки и не хохотать, как какой-то сумасшедший злодей из комиксов, я говорю: — Я бы с удовольствием послушала ваши истории. Не хотите зайти?

— Спасибо за приглашение, но я уже ухожу на обед. Я зашел лишь для того, чтобы представиться и пригласить вас на коктейль-вечеринку сегодня вечером в большом салоне. Эстель очень настаивала на том, чтобы я познакомил вас с другими соседями, чтобы вы чувствовали себя как дома. И я знаю, что все они с нетерпением ждут встречи с вами. Писательница среди нас! Это так волнительно!

Когда мой желудок сжимается, он хлопает, немного подпрыгивая от радости.

Это было бы очаровательно, если бы я не была слишком занята планированием моего неизбежного приступа инфекционного колита, чтобы заметить это.

Я не люблю вечеринки. Особенно вечеринки, где вокруг меня ходят, как будто я призовая свинья. Люди склонны считать авторов волшебными существами-единорогами, живущими интересной и гламурной жизнью, тогда как на самом деле мы — кучка неуклюжих интровертов, грызущих ногти и предпочитающих, чтобы им выкололи глаза раскаленной кочергой, чем заставляли разговаривать с совершенно незнакомыми людьми, что для интроверта примерно так же весело, как купать кота.

А еще неизбежно: “Читал ли я что-нибудь из вашего?”, на что я всегда молюсь *Господи, будем надеяться, что нет.*

Я живу в ужасе перед человеком, который читал мою работу и хотел бы предложить полезную критику.

— Мне очень жаль, Эдмонд, но я не думаю, что смогу...

— Ровно в семь часов вечера, моя дорогая! — Он живо машет рукой туда-сюда, будто стирая мой отказ с лица земли. — Не опаздывай. Ты не захочешь пропустить вступительное слово нашего художника-резидента к его новой коллекции, несколько работ из которой будут представлены на выставке. Он невероятно талантлив, просто *невероятно* талантлив. Вечеринка в его честь, если я не упомянул.

Я уже могу сказать, что Эдмонд будет стучать в мою дверь в 19:05, если я не появлюсь.

Я могу спрятаться в шкафу и притвориться, что меня нет, но я не хочу, чтобы Эстель узнала, что я веду себя грубо и асоциально. Тем более, что она так щедро предложила мне свою квартиру бесплатно на несколько месяцев и искренне пытается помочь мне навести порядок в моих делах.

Так что я смирилась с тем, что мне придется пережить отвратительный вечер, наполненный мучительным молчанием и попытками вести вежливый разговор с людьми, которые не испытывают такой тревоги от перспективы пообщаться с кем-то, заставляющим их прыгать с ближайшей высоты.

Но если кто-то спросит меня, замужем ли я, есть ли у меня дети, прольется кровь.

С энтузиазмом заключенного перед расстрелом я говорю: — Ладно, Эдмонд. Я буду там.

— Отлично! И я познакомлю тебя с Джеймсом, как только ты придешь. Я уверен, что вам обоим будет о чем поговорить, ведь вы такие творческие люди.

— Джеймс?

— Да. Художник. — Эдмонд хихикает. — Красивый дьявол. Популярный среди женщин. Самый привлекательный холостяк в Париже. Напоминает мне меня в его возрасте.

Эдмонд сбрасывает берет и прощается со мной, а потом, насвистывая, идет по коридору. Я смотрю ему вслед со странным предчувствием, формирующимся в моем нутре.

Не может быть. Это совпадение обстоятельств. В Париже, наверное, миллион красивых художников по имени Джеймс. Это не тот голубоглазый красавчик из кафе.

Но когда я захожу в большой салон в тот вечер, мне снова напоминают, как сильно судьба любит доказывать, что я ошибаюсь.

Он даже красивее, чем я помню.

Возможно, это сочетание света свечей и туманного сияния половых гормонов, которые массово вырабатываются группой простоватых женщин, окружающих его, но мужчина действительно потрясающий.

Стоя у рояля в углу элегантного салона, Джеймс весь в черном. Черная рубашка, расстегнутая на воротнике, черные брюки, черные кожаные туфли, которые, как я могу судить с места, где я стою, стоят больше, чем ВВП Гуама.

Общаясь со своими поклонниками, он не выглядит ни счастливым, ни непринужденным. На самом деле, он похож на загнанного в угол волка.

Интересно.

Потом он поднимает глаза, видит, что я смотрю на него, и замирает.

Я бы отвернулась, но я застыла. Прикипела к месту. Я превращена в камень тем самым толчком электричества, который пронзил меня в кафе, когда он посмотрел мне в глаза.

Нет, не в камень.

Расплавленная лава.

Тепло волной поднимается от груди к шее, потом охватывает мое лицо. Я стою, уши горят, сердце колотится, пока связь не становится невыносимой, и я не отрываю взгляд.

Облегчение наступает мгновенно.

Я клянусь себе, что больше никогда не посмотрю в его сторону.

— А, вот ты где! Добро пожаловать, моя дорогая, добро пожаловать!

Сияющий Эдмонд появляется рядом со мной и начинает целовать мою руку. Затем он наклоняет голову ближе и говорит заговорщицким шепотом. — Ты выглядишь *très magnifique* (прим. пер. с фр. — очень красиво) в этом платье. Половина мужчин в этой комнате, наверное, уже влюблены в тебя.

Платье, о котором идет речь, — это единственное платье, которое я привезла с собой, облегающее, из сапфирово-синего шифона, который чудом дополняет и мой цвет лица, и мою фигуру. Я взяла его импульсивно, думая, что, возможно, надену его в оперу или что-то в этом роде, но поскольку остальная моя одежда состоит из джинсов, футболок и удобной обуви, я решила, что это такая же хорошая возможность, как и любая другая.

— Спасибо. Я думала, что буду слишком наряжена, но вижу, что ошибалась.

Салон заполнен людьми, которые, очевидно, посещают показы кутюр на неделе моды. Я никогда в жизни не видела такого гламура. Можно подумать, что мы собираемся принять королеву Англии. Даже Эдмонд одет по высшему разряду — в изысканный темно-синий костюм с шелковым галстуком голубого цвета и соответствующим карманным платочком. Его лакированные мокасины настолько блестящие, что ослепляют меня.

— Это наш почетный гость, вон там, у пианино, но он сейчас в окружении, так что позвольте мне представить вас всем. Пойдемте.

Эдмонд берет меня под локоть и ведет вперед в толпу. Я чувствую себя коровой, которую ведут на убой.

К счастью, первым человеком, с которым меня знакомят, является молоденькая блондинка с упругими сиськами и легкими, как у Паваротти. Даже одетую, я мгновенно узнаю ее как крикунью, живущую напротив Эстель.

— Мадемуазель Джиджи, познакомьтесь, пожалуйста, с мадемуазель Оливией. — Эдмонд гордо добавляет: — Оливия — писательница.

Я встревоженно шепчу приветствие, когда Джиджи широко раскидывает руки и бросается на меня, сжав губы. Она хватается за плечи и горячо целует в обе щеки, а потом держит на расстоянии вытянутой руки, улыбаясь, как сумасшедшая.

Вблизи ее грудь выглядит еще более впечатляющей.

— Bonsoir, (прим. пер. с фр. — Добрый вечер) Оливия! — кричит она, — Я так рада познакомиться с тобой!

Это наркотики. Это должны быть наркотики.

Она поворачивает голову и кричит через плечо: — Гаспар! *Venez ici!* (прим. пер. с фр. — Иди сюда!)

Мужчина, который разговаривает с несколькими другими людьми на другом конце комнаты, оборачивается и смотрит в нашу сторону. Он высокий и стройный, одет в красивый темный костюм, ходит с легким покачиванием, что, как я могу предположить, связано с его потрескавшимся, обезвоженным и переутомленным пенисом.

Это партнер Джиджи. Причина всех ее криков.

Рыкун.

Приветливо улыбаясь, Гаспар останавливается передо мной и протягивает руку. Он говорит что-то непонятное, потому что говорит по-французски.

Я беру его протянутую руку и стараюсь не чувствовать себя в одном из тех ужасных комедийных сериалов, где в главных ролях неуклюжие идиоты, которые в реальной жизни сидели бы в тюрьме.

— Bonsoir, Гаспар. Приятно познакомиться. — *Я знаю, как ты звучишь, когда кончаешь.*

Либо Гаспар не знает английского, либо он из тех французов, которые знают, но не признаются в этом под страхом смерти, потому что он отвечает на французском, все еще улыбаясь своей приятной улыбкой, откровенно пялясь на мое декольте.

— Извините, я не говорю по-французски.

В ответ Эдмон, Жижи и Гаспар начинают оживленную беседу на — как вы догадались — французском языке.

Гаспар до сих пор не отпускает мою руку.

— Приятно было познакомиться с вами обоими, — говорю я Джиджи, высвобождаю свою руку из цепкой хватки Гаспара и отхожу в сторону, — а сейчас я пойду выпить.

Я разворачиваюсь и направляюсь к бару, установленному на противоположной стороне комнаты, надеясь, что Эдмонд не бежит за мной, потому что я могу быть вынуждена броситься на него, как напуганная лошадь.

Не прошло и пяти минут, а я уже паникую.

— Бурбон, — говорю я бармену, когда прихожу, запыхавшаяся от короткого спринта.

Мне действительно стоит начать заниматься спортом, но, к сожалению, мне нравятся только те физические упражнения, которые можно делать лежа.

Бармен — молодая женщина с красивой кожей и изящной шеей, которая и бровью не ведет, когда я выпиваю бурбон, который она налила мне, за один раз, и требую еще один. Она, пожалуй, единственный человек в этой комнате, который мне нравится.

Затем рядом со мной появляется высокая фигура, одетая во все черное, и я спрашиваю себя, что же я такого сделала в прошлой жизни, что Бог меня так возненавидел.

— Мне то же самое, что и леди, — говорит Джеймс бармену, наклоня голову в мою сторону.

Не уверена, что у нее есть лишние психические отклонения, но выбейте себе что-нибудь.

Она наливает ему напиток, потом переключает внимание на пару, которая только что подошла, а мы с Джеймсом молча стоим у стены с нашими напитками в руках.

Он вкусно пахнет.

Я не заметила этого в кафе. Скорее всего, потому что все остальные мои чувства были слишком перепутаны от его вида, чтобы функционировать должным образом. Но сейчас я чувствую его запах в своем носу, и он такой же вкусный, как и все остальное. Единственное, что я могу сделать, — это выпить остаток бурбона, который выветрит его запах из моих ноздрей, что я и делаю.

— Привет, — говорит он через некоторое время, не глядя на меня.

Я обдумываю дюжину разных ответов — включая то, чтобы вылететь из комнаты, — прежде чем остановиться на довольно спокойном, — Привет.

Я даже не могу выговорить два слога, которые нужны для *приветствия*. Этот человек вреден для моего здоровья, когда я нахожусь рядом с ним.

Но я взрослый человек, который пережил гораздо больше дерьма, чем пребывание рядом с привлекательным мужчиной, поэтому после быстрого мысленного ободрения я снова заговариваю с мистером Вкусняшкой.

— Так что, видимо, ты действительно художник.

Оттенок смеха согревает его голос. — Наверное, да.

— Я слышала, что ты очень талантлив.

Он поворачивает голову и смотрит на меня. Такое ощущение, что я стою на солнце.

— Ты поклонница искусства?

— Нет. Ну, да. Я имею в виду, типа того. Некоторые виды искусства больше, чем другие. Кино. Музыка. Литература. Те, что мне нравятся. Но я ничего не знаю об искусстве-искусстве типа твоего. Рисование, живопись и так далее.

Он мгновение молчит, видимо, раздумывая, насколько далеко зашел мой рак мозга. Потом говорит: — Я тебе не нравлюсь.

Я допиваю остаток бурбона и осторожно ставлю стакан на барную стойку. — Я этого не говорила.

— Тебе и не нужно было. Твое выражение лица очень хорошо справляется со своей работой.

— Это не неприязнь.

Я не успеваю сдержать это, как оно выскальзывает, опасное и незаживающее, как открытая рана.

— Нет? — тихо говорит Джеймс. — Тогда что это?

Дерьмо. — Я...не люблю вечеринки.

— Хм. Так что твой очевидный дискомфорт сейчас и вчера в кафе не имеет ко мне никакого отношения.

Звучит неубедительно. Ненавижу, когда люди слишком наблюдательны. И под людьми я имею в виду мужчин. Почему он просто стоит и смотрит на меня?

Видит меня?

Я говорю резко: — Ты неловко восприимчив.

— Я могу притвориться дураком, если это заставит тебя посмотреть на меня.

Я думаю об этом, осознавая, что дала себе обет никогда больше не смотреть в его сторону, а также осознавая растущее желание сделать это. От его восхитительного запаха в моем носу и богатого тембра его голоса в моих ушах, моя решимость быстро разрушается. Но я не могу сдаться, не установив определенных границ.

— Я посмотрю на тебя, если ты пообещаешь не просить меня нарисовать и не будешь говорить ничего странного о моих глазах.

— Договорились, — быстро отвечает он.

Это было слишком легко. — И, может быть, попробуй скрутить свой вытаращенный взгляд хотя бы на несколько тысяч пикселей.

— *Пялиться?* Я не пялюсь.

— Еще как пялишься.

Его голос понижается на октаву. — Если и так, то только потому, что на тебя так приятно смотреть.

— Ха! Лесть ни к чему не приведет, Ромео. У меня иммунитет.

Мне пришлось ответить с сарказмом, чтобы он не заметил, как меня пронизала мелкая дрожь от его слов, как все волоски на руках стали дыбом.

Мне здесь грозит опасность. Серьезная, неизбежная опасность быть очарованной до безумия красивым художником, который вызывает во мне дуэльное желание убежать с криком или раздеться догола, броситься на его торс и вцепиться, как краб.

Мой разум пользуется случаем, чтобы подарить мне воспоминание о фантазии, которую я придумала о нем во время мастурбации. Фантазию о том, как он трахает меня как чемпион и шлепает по заднице.

— Бармен! Еще один бурбон, пожалуйста!

Она возвращается и снова наполняет мой бокал, не бросая на меня укоризненного взгляда за то, что я заказала три напитка за пару минут, благослови ее Боже. Когда она уходит, мы с Джеймсом снова погружаемся в молчание, но на этот раз он смотрит на мой профиль, и мне хочется, чтобы у меня было чем обмахиваться.

Когда я не поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, он мягко упрекает: — Давай. Ты можешь это сделать. Обещаю, что не буду кусаться.

— Конечно. Все кусачие так говорят.

— Правда? Ты знаешь много кусачих?

— О, да. Честно говоря, я как магнит для кусачих.

— Как интересно. Ты работаешь в питомнике?

— Хуже. — *В издательском бизнесе, где пираньи уступают по численности только акулам.*

— Если я угадаю, кем ты работаешь, ты согласишься на меня?

— Никогда не угадаешь. Но продолжай.

— Ты писательница.

Я так быстро кручу головой, чтобы посмотреть на него, что удивляюсь, как моя шея не сломалась.

— Ну вот, — говорит он, улыбаясь мне в глаза.

Господи, да, это я, все десять тысяч градусов меня. Мои вены начали проводить огонь. — Как ты узнал, что я писательница?

— Я слышал, как Эдмонд познакомил тебя с Джиджи.

— Слышал? Ты был в другом конце комнаты. Разговаривал с другими людьми.

— Да, но я обратил внимание на тебя, ты выглядела так, будто попала на седьмой круг ада, в этом платье, которое едва не довело меня до сердечного приступа.

Кстати, о сердечных приступах, у меня сейчас один. Я не могу придумать, что сказать, поэтому просто смотрю в безграничную синюю глубину его глаз и надеюсь, что он не видит дым, который поднимается из моей кожи.

После долгого, невыносимого мгновения он бормочет: — Скажи мне, что я не единственный, кто стоит здесь и чувствует себя так, будто только что воткнул палец в розетку.

Я едва слышно говорю: — Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Он медленно выдыхает, его челюсть работает, его взгляд прикипел ко мне с такой силой, что он мог бы поднять меня и прижать к стене.

— Если ты хочешь, чтобы я оставил тебя в покое, я оставлю. Я не хочу тебе мешать...

— Ты мне не мешаешь, — выпалила я. — Ты *волнуешь* меня.

Когда он увлажняет губы, я чуть не падаю. К счастью, Эдмонд прибывает, чтобы спасти меня.

— Моя дорогая! Ты познакомилась с Джеймсом! Прекрасно, *прекрасно!*

Я не знаю, почему он так взволнован, но он практически летает от новости, что мы с Джеймсом уже знакомы. Возможно, он чувствует все мои невидимые линии разлома и считает, что голубоглазый жеребец, который так популярен среди женщин, поможет их укрепить.

Говорю вам, одинокие женщины определенного возраста заставляют мужчин нервничать.

— Да, мы встречались, — говорит Джеймс. — На самом деле, это не впервые.

— О? — Эдмонд наострил уши. Он с открытым любопытством оглядывается между нами, а Джеймс продолжает пристально смотреть на меня, и на его губах играет едва заметная улыбка.

Пора допивать мой напиток.

— Да. Я видел ее вчера в кафе Blanc и попросил разрешения нарисовать ее портрет.

Эдмонд низко и взволнованно вздыхает. Он поворачивается ко мне, прижав руки к груди, будто в молитве. — О, ты должна позировать для него, моя дорогая. Ты должна. Джеймс — потрясающий художник. Просто *невероятный*. Это большая честь, когда тебя просят посидеть для него. Это *большая честь*, безусловно.

Его привычка повторять свои слова с большим ударением во второй раз действительно начинает действовать мне на нервы. Но, наверное, я сама виновата в этом, потому что я неловко призналась, что Джеймс мне не мешал, а наоборот, он меня *волновал*, поэтому мне не на что опираться.

Я предлагаю Эдмонду прижатую улыбку. — Я уверена, что он может найти гораздо более интересную тему, чем я.

— Нет, — торжественно отвечает Эдмонд. — Ты идеальна. Дело в глазах. Они очень привлекательны, если можно так сказать. Почти... — Его взгляд становится задумчивым, когда он смотрит на мое лицо.

Если он скажет "с призраками", я задушу его галстуком.

Я поворачиваюсь к Джеймсу. — Ты не спрашивал разрешения.

Он поднимает брови.

Возможно, мой тон был слишком терпким.

— Я имею в виду, что ты сказал, что хотел бы меня нарисовать. А не спросил, можно ли.

— Поэтому ты сбежала? Потому что я не спросил?

Он прекрасно знает, почему я сбежала. Это написано на его лице. В знании, которое горит в его глазах. В том, как он снова увлажняет свои полные губы, и, *Боже, почему он продолжает это делать?*

Пот проступает вдоль линии моих волос. Мое сердце бьется некомфортно быстро. У меня мучительное ощущение, будто я очищенная от кожуры виноградинка, вся такая сырая и до боли нежная. Даже воздух причиняет боль, когда я вдыхаю его в легкие.

Но я отказываюсь быть такой, как те женщины, сгрудившиеся вокруг него у пианино. Стайка отчаянных мальков, соревнующихся за его внимание и жаждущих его улыбки.

Я говорю: — Мысль о том, что кто-то увековечит мой облик, чтобы поколения людей смотрели на меня еще долго после моей смерти, привлекает меня так же, как и вирус Эбола.

Он говорит: — Думаю, ты не очень любишь селфи.

— Я скорее дам себя застрелить, чем выложу свою фотографию в интернет.

— Эта склонность к преувеличению, видимо, хорошо служит тебе как писательнице.

— Я не преувеличиваю.

— А разве ты не солгала вчера, когда сказала, что ждешь кого-то?

Его тон нейтрален, но он подталкивает меня, бросает мне вызов. Переступает через стену, которую я пытаюсь построить между нами, чтобы держать его на безопасном расстоянии. Зачем он это делает, если может одним щелчком пальцев получить любую из десятка желающих женщин в комнате?

Мы смотрим друг на друга, не улыбаясь. Эдмонд наконец-то разряжает напряжение. — Может быть, ты бы хотела увидеть его работы, прежде чем решить, хочешь ли позировать для него?

Я уже решила, что не буду ему позировать, но это кажется хорошей возможностью избежать луча взгляда Джеймса, поэтому я позволяю Эдмонду вести себя через комнату. О, он бы не продолжал это делать, если бы знал, как сильно я хочу подставить ему подножку.

Потом мы стоим перед рядом мольбертов, выстроившихся напротив окон салона, и я временно теряю способность дышать.

Эдмонд был прав: Джеймс невероятно талантлив.

Шесть портретов, на которые я смотрю, выполнены пером и тушью с такой тщательностью и реалистичностью, что кажутся фотографиями, а не рисунками. На каждом из них изображена женщина от плеч до головы. Фон оставлен пустым, что подчеркивает поразительную реалистичность лиц, а также добавляет жуткой трехмерности.

И Боже мой, их глаза.

Я никогда не видела, чтобы человеческое страдание было изображено так совершенно.

Что это за клише? Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать? Ну, это неточно. Я могла бы написать миллион слов и никогда не приблизиться к тому, чтобы передать эмоции, которые я здесь вижу. Страдание, которое я вижу. Черная, бездонная боль.

Тихим голосом Эдмонд говорит, — Коллекция называется "*Перспективы горя*".

Как будто ключ подходит к замку, и я понимаю, почему Джеймса тянет ко мне. И почему он создал именно эти рисунки именно этих людей, их боль настолько сырая, что я почти могу протянуть руку и прикоснуться к нему. Одного поля ягоды, как говорила моя

мама. Вода ищет свой уровень, и подобное притягивает подобное.

Смерть коснулась и его тоже.

Я поворачиваюсь и смотрю на него, он стоит там, где я его оставила возле бара.

Он, конечно, оглядывается на меня.

Его взгляд пронизан белым жаром. Мерцающая интенсивность.

Бархатная синяя темнота.

Я знаю, что мы будем любовниками, так же, как знала в детстве, что когда-то возьму ручку к бумаге и буду писать истории для других. Так же, как знала, что мой брак развалится под бременем горя. Так же, как я знала, сидя на холодной передней скамье в церкви Святой Моники и глядя на маленький белый гроб моей дочери, что я никогда больше не буду целостной.

Наши кости имеют мудрость, за которой наши сердца всегда будут следовать, независимо от того, какими дорогами, по мнению нашего рационального ума, мы должны идти.

— Эдмонд.

— Да?

— Пожалуйста, скажи Джеймсу, что я с радостью буду позировать для портрета.

Я разворачиваюсь и выхожу из комнаты.

Эту ночь я провела, как и бесчисленное количество других, лежа на спине в постели и глядя в потолок, пока не взойдет солнце.

Спокойствие утра нарушает оргазм Джиджи, но на этот раз ее похотливые крики не беспокоят меня. Возможно, встреча с ней сняла остроту моего раздражения от шума, но это также может быть и благодарностью.

Если бы не она и Гаспар, которые так громко занимались сексом, я бы не смогла насладиться первым оргазмом за много лет.

Сегодня я не нахожу звук их любовных утех возбуждающим. Это просто еще один утренний звук, как грохот мусоровоза, едущего по переулку, или крик петуха на рассвете. Это фоновый шум, бессодержательный и приятный.

Я слишком занята мыслями о Джеймсе, чтобы меня могло тронуть что-то другое.

Воспоминание о том, как он облизывает губы — это пытка. Как такая маленькая манера поведения может быть такой соблазнительной? Я могла бы написать диссертацию о форме его рта.

Прежде чем подняться с кровати, я жду, пока услышу совместную кульминацию моих соседей. Затем я трачу несколько часов на распаковку вещей, стирку и организацию. Уже после десяти часов во входную дверь стучат.

Я открываю и вижу молодого человека с вазой белоснежных тюльпанов.

— Оливия Росси?

— Это я.

Он вручает мне букет, а потом выходит, не попросив подписи. Очевидно, он считает, что мое лицо заслуживает доверия.

Я заносу цветы на кухню, где ставлю их на стол и достаю открытку.

Когда будешь готова, — написано на ней, а дальше идет номер телефона.

Он не подписался.

Он не должен был.

С замиранием сердца я набираю номер Джеймса. Он берет трубку после первого же гудка.

— Ты получила цветы.

Его голос низкий и довольный. Он счастлив, что я так быстро позвонила. Но как он узнал, что это я?

— Цветы? Нет, я просто сижу здесь последние двенадцать часов и наугад набираю телефонные номера. Не могу поверить, что наконец-то набрала правильную комбинацию.

— Представь себе, какие шансы, — говорит он, подыгрывая мне, — Твой палец, набирающий номер, наверное, сводит судорогой.

— Ты даже не представляешь. Он кривой, как рыболовный крючок. Мне, наверное, придется посетить отделение неотложной помощи.

Его смех пронизывает меня дрожью от удовольствия.

— Когда я тебя увижу, забавная леди?

— Я могу прислать тебе селфи. Тебя устроит?

— Я думал, ты скорее согласишься быть застреленной, чем сделать селфи.

— Нет, ты не обратил внимания. Я сказала, что скорее буду застрелена, чем выложу

селфи в интернет.

Его голос затихает. — Я обратил внимание на все.

В короткой тишине, наступившей после этого, я слышу, как моя кровь стремительно бьется в моих жилах. — Я так понимаю, Эдмонд передал тебе мое сообщение.

Он издает тихий звук, который я воспринимаю как удовольствие от моего неуклюжего перехода. — Да, передал. Он также дал мне номер твоей квартиры.

Отсюда и доставка цветов.

— У меня такое чувство, что он дал бы тебе и ключ, если бы ты попросил. Он думает, что ты ходишь по воде.

— Я обязательно попрошу его об этом.

Когда я делаю паузу, глотая, Джеймс говорит: — Это была шутка. Обещаю.

— Так же, как ты обещал, что не кусаешься?

Еще одно снижение тона, и вот он уже хриплый, как оператор секс-линии.

— Я не кусаю. Я покусываю. Это большая разница.

Меня бросает в холодный пот. *Спокойно, Оливия. Сделай глубокий вдох.*

Когда становится очевидно, что я не собираюсь отвечать, Джеймс подсказывает:

— Ты молчишь, потому что я тебе мешаю, или потому что я тебя *волную*?

Я шумно выдыхаю. — Честно? Я не знаю, была ли женщина когда-нибудь более взволнованной из-за мужчины за всю историю человечества.

Он снова испускает этот сокрушительный смешок, ублюдок. — Приму это за комплимент. Когда я тебя увижу?

Я замечаю, что он не спрашивает: “Когда ты сможешь позировать для портрета”, потому что мы оба знаем, что когда я сказала Эдмонду, что буду позировать для портрета, я вовсе не об этом договаривалась.

Я тихо говорю: — Я уже давно этого не делала.

— Не говорила по телефону?

— У меня не было любовника.

Он выдыхает медленно и тяжело. Я представляю, как он сжимает трубку так сильно, что в ней появляется трещина.

Через некоторое время я спрашиваю: — Ты все еще там?

— Просто восстанавливаю дар речи. Пожалуйста, подожди.

Я улыбаюсь, довольная, что влияю на него так же, как и он на меня. — Не хочу показаться самоуверенной, но мне кажется, что это чувство...

— Взаимно. Да. Боже мой. Ты всегда так откровенна?

— Жизнь слишком коротка, чтобы извращать слова. Но раз уж мы заговорили об этом, должна сказать, что мне нужно время. Я не могу просто...

— ...прыгнуть со мной в постель на первом же свидании.

— Бинго.

— Ты хочешь сначала узнать меня получше.

Я думала об этом. Чего именно я хочу? Я здесь на три месяца, потом вернусь к реальной жизни в Штатах. Это может быть лишь временным явлением, коротким романом с прекрасным незнакомцем, о котором я буду вспоминать с нежностью, сидя в кресле-качалке на крыльце дома престарелых.

Так зачем терять время?

Я не являюсь девственницей. Мы оба взрослые, оба одиноки, и оба знаем, чего хотим.

Кроме учета морали, в чем смысл задержки?

Предчувствие, — шепчет мой мозг.

Смысл промедления — в формировании желания.

Я останавливаюсь на мгновение, чтобы залюбоваться этой жаждущей новой версией себя. Возможно, это влияние моих соседей-эксгибиционистов, но что бы это ни было, я возьму это.

— Надеюсь, ты не поймешь меня неправильно, но... нет. Мне не нужно сначала узнать тебя получше. Все, что мне нужно знать, это то, что происходит со мной, когда я смотрю в твои глаза.

Он ждет, его молчание пронизано жаром.

— Я в Париже ненадолго. Если это станет личным, если мы станем слишком близкими и поделимся всеми нашими грустными историями, будет гораздо труднее, когда я уеду. Я бы хотела, чтобы все было легче. — Я закрываю глаза, стесняясь того, как меркантильно это прозвучало. — Прости, если это грубо или оскорбительно. Это просто то, что я чувствую.

— Так ты хочешь меня только ради моего тела, — говорит он горловым, раздражающим голосом, — Ну, я *никогда*.

Я шепчу: — Это достаточно красивое тело.

В его голосе звучит обида. — Достаточно красивое? Прекрати, ты меня балуешь.

— Ладно, хорошо, эгоист, это удивительное тело. Доволен?

Он фыркает. — Нет.

Улыбаясь, все еще с закрытыми глазами, я говорю: — Это, безусловно, лучшее тело, которое я когда-либо видела, и это говорит о многом, поскольку я даже не видела тебя голым.

На данный момент.

— А лицо?

— Боже мой! Ты просто ловишь комплименты!

— Это небольшая цена за то, что ты используешь мои многочисленные прелести, ты так не думаешь?

Я начинаю смеяться и не могу остановиться. — Ладно, хорошо. Твое лицо. Твое лицо... ну, оно тоже довольно красивое.

— Я бросаю трубку.

— Нет, не бросаешь.

Теперь его очередь смеяться. — Это правда. Не бросаю. А теперь сделай мне еще один комплимент, пока мое эго не сдулось и я не пошел плакать в угол.

— Ладно. Ты готов?

— Я готов.

Я представляю его лицо, все эти идеальные углы и линии. — Твое лицо — самое красивое, что я когда-либо видела.

Странно, но я действительно имею это в виду.

— Продолжай...

Я качаю головой, пытаюсь не рассмеяться. Театрально задыхаясь, я говорю: — А твои глаза... твои глаза похожи на два застывших бассейна. Твой голос — медово-дымное пение блюзовой певицы, заставляющее все мои нервы дрожать. А твои губы — ох! Твои губы как клубничное вино!

Он бормочет: — О, ради Бога.

Мой тон становится практичным. — Эй, ты первый начал.

— Ты, наверное, выросла с очень приставучими братьями и сестрами.

Я начинаю шутить о том, какими раздражающими на самом деле были мои старшие братья, но останавливаюсь.

Мои колебания не остаются незамеченными для Джеймса. — Ладно. Не будем переходить на личное.

Я кривлюсь. — Это странно? Не будет ли слишком неудобно и странно, если мы не сможем поговорить друг с другом?

— Я уверен, что мы найдем много тем для разговоров.

В его голосе снова появилось тепло. Это вызывает яркое воспоминание моей фантазии о том, как он трахает меня сзади, когда я стою на коленях, погрузившись лицом в подушку.

— Ты снова молчишь.

Я обмахиваю лицо рукой. — Просто пытаюсь справиться с этим приливом. Это невыносимо.

— Я дам тебе минуту.

В его паузе я слышу подавленный смех. Потом он возвращается на линию, весь такой деловой. — Ладно, давай договоримся об условиях.

— Это звучит удручающе практично.

— Это практично, но не обязательно удручающе. Таким образом, мы оба будем знать, чего ожидать. Это уменьшит количество странностей.

— Ладно. Я слушаю.

— Ты сказала, что ты ненадолго в Париже. Когда ты уезжаешь?

— Двадцать третьего сентября.

— Я отмечаю этот день в своем календаре. Что ты планируешь, пока ты здесь? Встречи с друзьями? Осмотреть достопримечательности?

— Ты говоришь, как таможенник. Хочешь поставить штамп в мою визу?

— Я хочу знать, как выглядит твое расписание, умник.

По резкой паузе, наступившей после этого, я понимаю, что он не хотел меня так называть. Мне кажется странным, что он это сделал.

Я говорю: — Обычно я бы возражала против того, чтобы мужчина обзывал меня еще до нашего первого свидания, но, учитывая наш плотный график, я пропущу это мимо ушей. Кроме того, это уместно: Я умная. И мне нравится, что тебе со мной достаточно комфортно, чтобы сказать мне об этом.

— И все же. Это было грубо. Я прошу прощения.

Он звучит удовлетворенно раскаявшимся. — Извинения приняты. Когда ты не требуешь комплиментов и не игнорируешь желание людей не садиться за их столик в кафе, у тебя очень обаятельные манеры, знаешь? Кстати, спасибо за цветы. Белые тюльпаны были стильным штрихом. Изысканно, но без излишеств. Если бы ты прислал красные розы, я была бы вынуждена снизить свое мнение о тебе.

— А что не так с красными розами? Разве они не романтичны?

— Только для людей, которым не хватает воображения. Настоящие романтики никогда не идут на поводу у клише, потому что страсть очень индивидуальна.

Через мгновение он тихо стонет. — Ты очаровательна. Трех месяцев не хватит.

— Прости, здоровяк. Ты уже отметил это в своем календаре.

Я говорю это легко, стараясь, чтобы дрожь рук не просочилась в мой голос. Даже по

телефону его желание ошутимо.

Я уже достаточно долго живу, чтобы знать, что такие вещи не длятся долго. Этот вид мгновенного, термоядерного влечения неизбежно угасает так же быстро, как и появляется, оставляя после себя разбитые сердца и растерянность. Оно никогда не выдерживает ежедневной рутины брака, воспитания детей и реальной жизни.

Но в нашем случае — с нашей реальной жизнью за тысячи километров друг от друга — это идеально, мы будем идеальными.

Идеальными незнакомцами, не отягощенными всем тем дерьмом, которое отравляет желания.

— Кстати, о календаре, — говорит Джеймс, — что у тебя на сегодня?

— Ты ведешь меня на ужин. Только не в кафе Blanc, пожалуйста.

— Не хочешь еще одного словесного спарринга с Жан-Люком? Кажется, ты хорошо держала себя в руках.

— Снисходительные официанты заставляют меня чувствовать себя колючей. Кстати, ты знал, что Эдмонд как-то ударил авторучкой в шею одну из его любовниц?

— О, да. Он любит рассказывать эту историю. А он тебе не рассказывал о красивой азиатке, в которую он влюбился, а она оказалась мужчиной?

Я ахнула, взволнованная драматизмом этой истории. — Нет! Расскажи мне прямо сейчас, чем она закончилась!

Джеймс хихикает. — Вижу, ты еще не знакома с его нынешней женой.

— Ого. Правда?

— Да. Они женаты уже почти двадцать лет и ни одной ночи не провели порознь.

Мне нужна минута, чтобы переориентировать эту новую информацию в моем мозгу. — Это, наверное, самая романтическая вещь, которую я когда-либо слышала. Как ты думаешь, они позволят мне расспросить их об этом?

— Ты имеешь в виду, как основу для книги?

— Не биографию как таковую, но, возможно, просто как вдохновение для истории.

— Думаю, Эдмонд заплатил бы тебе гигантскую сумму денег, если бы ты захотела создать вымышленного персонажа, основанного на его жизни.

Я думаю об очевидном восторге, с которым Эдмонд поделился историей страстной итальянки и ее сестры. — Знаешь, я думаю, что ты прав.

Он мягко поддразнивает: — Не каждый предпочел бы заразиться вирусом Эбола, чем быть увековеченным.

Ого, он действительно обращает внимание на все.

— Итак, этот ужин, на который ты меня приглашаешь, — говорю я, улыбаясь. — Пожалуйста, пусть это будет где-то в непринужденной обстановке, потому что все, что я взяла с собой, — это джинсы и футболки.

Его тон становится грубым. — Которые, кстати, смотрятся на тебе очень эффектно. Когда ты вышла из-за стола в кафе, я думал, что упаду со стула. Твою задницу стоило бы выставить в Лувре.

Это заставило меня громко рассмеяться. — Ну и кто теперь преувеличивает?

— Я не преувеличиваю.

— Я знаю, как выглядит моя задница, Ромео.

— Ты не знаешь, как она выглядит для мужчины.

Я не знаю, что на это ответить. От голода в его голосе я на мгновение теряю дар речи,

хотя точно знаю, что в кофейне были десятки задниц, куда более упругих, чем моя.

— Ладно. Я сыграю в твою игру. Как это выглядит для мужчины?

— Прежде чем я тебе скажу — а я тебе скажу, это просто ремарка, — хочу отметить, что еще три минуты назад ты ругала меня за то, что я вылавливаю комплименты. А теперь ты хочешь, чтобы я описал твою задницу.

— Это совсем другое.

— Почему это?

— Начнем с того, что ты роскошный. Все на тебя пялятся, даже мужчины.

— Спасибо, но я не вижу разницы.

— Ладно, я не пытаюсь быть скромной, это не так, как если бы кто-то сказал супермодели, что она красивая, а она стесняется и говорит что-то возмутительно неправдивое вроде: “О, я просто обычная девушка. Я абсолютно обычная без всего этого макияжа”. Я не питаю иллюзий относительно своей внешности. У меня отличная прическа, хорошие зубы, фигура в целом пропорциональная, но...

— Я думаю, что ты потрясающая, — перебивает Джеймс, — Я не могу перестать думать о тебе с тех пор, как впервые тебя увидел. На самом деле, меня еще никогда так не привлекала женщина.

Я позволяю этому на мгновение омыть меня. Я позволяю наслаждению от этих слов поселиться на моих плечах и разбудить спящий рой бабочек в моем животе, которые в экстазе порхают вокруг.

Вот в чем дело: если бы он сказал: Ты потрясающая, как констатацию факта, я могла бы опровергнуть это фактами, например, перечнем всех своих физических недостатков, который я собиралась ему дать.

Но нельзя спорить со словами „Я думаю, что ты потрясающая”, потому что это уже дело личного вкуса.

После грубого прочищения горла я выражаю слабый протест. Потому что, возможно, я ловлю комплименты, хоть немного.

— Я уже почти старая.

Он раздраженно стреляет в ответ: — Лучшая бутылка вина — почти старая. И, кстати, эта глупость про возраст — американская фишка. В Европе женщины считаются сексуальными в любом возрасте. Если уж на то пошло, то и в любых формах и размерах. Красота и желанность не имеют ничего общего с цифрой в твоём свидетельстве о рождении или весах. Соединенные Штаты Рекламы сделали всех неуверенными в своей внешности.

Вполне возможно, что я сейчас упаду в обморок, как героиня в историческом любовном романе. Вместо этого я отвечаю: — Соединенные Штаты Рекламы. Мне нравится.

— Мне тоже. Энн Ламонт выгравировала эту фразу в своей книге *"Птичка за птичкой"*.

Мой шок настолько велик, что мне приходится сдерживаться, чтобы не упасть лицом на пол. — Ты читал Энн Ламонт?

Он говорит: — Постарайся не выглядеть такой удивленной. Я вполне способен читать книги.

— Но *та* книга — то есть эта женщина практически мой кумир. Я обожаю ее творчество.

— Я тоже. На самом деле, есть много книг, которые я люблю. — Его тон становится теплее. — Похоже, мы нашли то, о чем можем говорить, не переходя к личному.

Обморок грозит снова напасть на меня. Этот человек ужасно влияет на мое кровяное

давление.

— Начнем сначала, — говорю я, стараясь сохранять спокойствие. — Мы должны были обсудить условия. А ты должен был сказать мне, как выглядит моя задница для мужчины.

Джеймс хихикает. — За ужином. Я заеду за тобой в восемь.

— Ладно. Увидимся.

— И Оливия?

— Да?

Его голос становится хриплым. — Будь готова рассказать мне все, что ты хочешь, чтобы я сделал с тобой в постели.

Линия обрывается в моей руке.

— Он этого не говорил!

— Нет, сказал.

— Черт возьми. Я бы сдохла на месте.

— Поверь мне, я была близко.

Я хожу туда-сюда по кухне, пытаюсь сжечь немного адреналина, из-за которого у меня дрожат руки и бешено колотится сердце. Я уже полчаса разговариваю по телефону с Келли, рассказывая ей обо всем, что произошло с тех пор, как я положила трубку в кафе.

Джеймс должен приехать через десять минут. Мой антиперспирант не сработал, во рту перестала выделяться слюна, и мне *очень* хочется бурбона, но я боюсь, что один станет двумя, потом тремя, и тогда я сойду с ума.

А мне сейчас отчаянно нужны мои извилины.

Те несколько, которые еще не были парализованы прощальным предложением Джеймса.

— Так что ты собираешься *делать*? — спрашивает Келли, и ее голос звучит почти так же панически, как и мой.

Я слегка смеюсь, не веря своим ушам. — Думаю, я собираюсь составить ему список.

Я вынуждена отдернуть телефон от уха, чтобы спасти свой слух от пронзительного крика Келли. Потом она возвращается, стонет.

— Я так тебе сейчас завидую. Очень. *Завидую*. Последний раз Майк спрашивал меня, чего я хочу в постели, когда мы только начали встречаться. — Она на мгновение останавливается, чтобы подумать. — Нет, это неправильно. Он не спрашивал меня, чего я хочу — он спрашивал, позволила бы я ему заняться анальным сексом.

Я кривляюсь. — Спасибо за это. Теперь мне придется представлять, как вы вдвоем занимаетесь сексом в попку каждый раз, когда я его увижу.

— Я сказала нет, дура! Эта дырка только для выхода. Так что будет в твоем списке?

— *Не* анальный секс. Тут я с тобой согласна.

— Оральный?

— Да, конечно.

Мы обе на мгновение замолчали. Потом Келли говорит: — Ну, у меня закончились идеи.

— Я знаю, ладно? Я не могу сказать мужчине, что мне очень нравится миссионерская позиция, это просто печально!

— Мы жалкие.

— Как у нас не появилось лучших идей после совместного чтения *Пятидесяти оттенков*? Это же было практически пособие по сексу.

— Это была всего лишь фантазия, детка. Никто не занимается этим в реальной жизни.

— Конечно, занимаются. Есть миллионы пар, которые наслаждаются связыванием, шлепками и всем остальным.

Кэлли фыркает. — Ты знаешь кого-нибудь из них?

— Нет, но это не значит, что их не существует. Я также не видела ни одной коалы, но их полно, они живут своей маленькой пушистой жизнью на ветвях эвкалиптов.

— Я чувствую, что мы сходим с ума. Вернемся к этому списку сексуальных

развлечений. А как насчет грязных разговоров?

Это ставит меня в тупик на мгновение. — Ну, не знаю, у меня никогда не было грязных разговоров.

— У меня тоже, но это звучит весело, правда?

Я морщу нос, думая об этом. — Или это может быть самой глупой вещью в мире. Как-то я смотрела порно, и парень постоянно повторял девушке: “Кончи для меня, кончи для меня”, и я подумала: ныть женщине, чтобы она дошла до оргазма, еще никогда не срабатывало в истории секса, приятель.

Келли насмежается. — Когда ты смотрела порно?

Я принимаю тон увядающего презрения. — Прощу прощения, но я взрослая женщина. Я смотрела порнографический фильм.

— Конечно, смотрела. Как он назывался?

— Не могу поверить, что ты мне не веришь!

— Ты же писательница-фантаст. Ты зарабатываешь на жизнь выдумками. И ты преувеличиваешь больше, чем кто-либо другой, кого я знаю.

Я бормочу себе под нос: — Почему я вообще дружу с этим человеком?

— Идем дальше. Как насчет секса в общественном месте?

— Например, где?

— В туалете?

— Отвратительно.

— На заднем сиденье машины?

— Я не такая гибкая. Что-то бы свело судорогой, и началось бы неприглядное барахтанье.

— В парке?

Я размышляю, пытаюсь представить себе эту сцену. Мы с Джеймсом сидим на скамейке — уединенной, под деревом — и я сижу у него на коленях. На мне пальто, которое скрывает мои ноги, раскинутые по обе стороны его бедер, когда я скачу на нем, все ближе и ближе к оргазму, моя голова откинута назад, а пальцы вцепились в его волосы, когда он ощупывает мою грудь своим горячим, голодным ртом...

Когда дедушка, выгуливавший пуделя, пробегает мимо и кричит: — Я вызываю полицию!

— Я не хочу, чтобы меня арестовали за публичную непристойность, спасибо.

Келли вздыхает. — Я зайду в Google и посмотрю, не найду ли я каких-нибудь хороших идей. Я напишу тебе, если что-то найду.

— Ты уверена, что хочешь это делать? Гугл может быть страшным местом. Как-то я искала натуральное средство от головной боли и за пять минут убедилась, что у меня завелись паразитические блохи, которые пируют на моем мозгу. Если ты начнешь искать идеи для секса, ты можешь попасть на какой-то сайт с графическими изображениями гангрены половых органов.

Келли тихо сочувствует. — Наверное, в твоей голове страшно.

— Ты даже не представляешь. Хотела бы я себя клонировать, чтобы иметь кого-то, кто меня понимал.

Звонят в дверь, и я замираю. — Вот дерьмо.

— Что случилось?

— Он рано!

Келли улюлюкает. — Ладно, начнем вечеринку, сестренка! *Prrrr!*

— Пожалуйста, прекрати издавать тигриные звуки. У меня тут нервный срыв.

— С тобой все будет хорошо.

— Мне страшно.

— Тебе не страшно, — твердо говорит Келли. — Ты нервничаешь. Это две разные вещи.

И помни...

— Что?

Ее голос смягчается. — Ты можешь пережить все, детка. Свидание с горячим парнем — ничто по сравнению с тем, через что ты прошла.

Мое горло сжимается. Мне приходится тяжело выдохнуть, прежде чем я снова смогу говорить. — Я уже говорила тебе, что люблю тебя?

— Я тоже тебя люблю. А теперь иди, отломи кусочек той мужской конфеты и хорошо проведи время. И утром *первым делом* позвони мне. Я хочу услышать *все* грязные подробности.

Когда в дверь снова звонят, я говорю: — Поняла, сержант. Поговорим завтра.

Мы кладем трубку, и я направляюсь к входной двери, хватаю со стула сумочку и запикиваю мобильный телефон в задний карман джинсов. Затем я стою перед дверью, держа руку на ручке, собираясь с духом.

Я открываю дверь, а там стоит он, высокий, смуглый, роскошный альфа-самец ростом под два метра. Лев на охоте в Серенгети не выглядел бы даже наполовину таким величественным.

Или голодным.

Мы стоим и смотрим друг на друга в трескучей тишине, пока он не говорит: — У тебя красное лицо.

— И мои ладони вспотели. Как ты себя чувствуешь?

— Чувствую себя, как пробка от шампанского после того, как сняли ту проволочную шпунку сверху.

— Вот-вот взорвешься, да?

Глаза мигают, он смотрит на меня с ног до головы. — Ты когда-нибудь нюхала героин?

— Нет.

— Я тоже, но держу пари, что это похоже на то, что я чувствую.

— Я знаю. Это ненормально. Но я рада, что это не только у меня, потому что это было бы грустно.

Его щеки морщатся, когда он улыбается. Он одет в джинсы и расстегнутую белую рубашку, как и тогда, когда я впервые увидела его в кафе. Он неестественно красив. Это пугает, если честно. У него такое лицо, которое должно быть на обложках журналов, а я... я не выгляжу так.

Я говорю: — Думаю, ты должен сказать мне, как выглядит мой зад для мужчины, потому что прямо сейчас у меня в голове не укладывается, насколько ты хорош.

Я делаю движение рукой, указывая на нас обоих. — Он достаточно хорош, чтобы заполнить этот пробел?

Голубые глаза горят, и он грубо отвечает: — Твой зад, безусловно, чертовски хорош. На самом деле, он идеален. Знаешь, почему женские задницы иногда сравнивают с фруктами?

— С *фруктами*?

— Да. С яблоком. Персиком. Что-то вроде того.

— Кажется, мы читаем разные книги.

Он игнорирует меня. — Это потому, что когда мужчина видит идеальную, круглую, спелую задницу, как у тебя, у него во рту мокреет, и все, о чем он может думать, — это впиться в нее зубами.

Я поджимаю губы, изучая его выражение лица, наконец решая, что этого мне хватит на ближайшие пятьдесят-шестьдесят лет. Нам даже не надо целоваться, заниматься сексом или еще чем-то, то, как он смотрит на меня, настолько глубоко удовлетворяет, что оргазм даже близко не стоит.

Ладно, это преувеличение, но вы знаете, что я имею в виду.

Он поднимает палец. — А еще? Твоя грудь...

— погоди, дай угадаю. Моя грудь похожа на канталупы.

— Я собирался сказать — медовые дыни.

Через мгновение я говорю: — Знаешь, если бы кто-то сказал мне, что мне так понравится, когда мужчина сравнивает части моего тела с разными фруктами, я бы сказала, что он сошел с ума.

Кивнув, он мрачно говорит: — Ты все же современная женщина.

— Именно так. Я считаю себя феминисткой. У меня есть высшее образование. Даже несколько. И все же я здесь, погруженная в то, как фантастично услышать, что ты называешь мою грудь канталупами.

— Медовыми дынями.

— Точно. Прости. На чем я остановилась?

— Ты феминистка с высшим образованием.

Я киваю. — Именно так.

— Тебе не нужен мужчина, чтобы быть полноценной.

— Да! Ты понимаешь, о чем я говорю!

— И тебе точно не нужен мужчина, который бы тобой командовал.

— Нет. Ни в коем случае.

Джеймс делает шаг ближе, переступает порог и, не моргая, смотрит мне в глаза. Его голос хриплый, он говорит: — Кроме как в постели.

Каждый нерв в моем теле прыгает в полную, кричащую тревогу. Мое сердце бьется о грудную клетку. Он так близко, что я чувствую тепло, которое излучает его тело, то самое тепло, которое охватывает меня волной и оставляет меня пылающей от жажды.

Я выдыхаю тихий, неустойчивый вздох. — Ух ты.

— Я знаю. Представь, что будет, когда мы поцелуемся. — Глядя на мой рот, он увлажняет губы.

— Я начинаю думать, что это может быть плохой идеей. Ты слышала о людях, которые случайно взрываются в пламени?

— Самовозгорание, — говорит он, все еще глядя на мой рот.

— Да. Я из тех людей, с которыми это может произойти.

Медленно Джеймс наклоняется вперед и опускает голову. Он проводит кончиком носа по моей челюсти, а затем шепчет мне на ухо: — Тогда мне надо быть осторожным, да?

Еще никогда в истории риторических вопросов не было так горячо.

Он выпрямляется, улыбается — очевидно, понимая, что я пытаюсь сохранить сознание, — и берет меня за руку.

— Пойдем поужинаем. Поедим, выпьем, поговорим. Потом мы вернемся и сядем на

твой диван, и я буду практиковаться быть осторожным с тобой, пока ты не будешь полностью удовлетворена.

О, эта дьявольская улыбка. Я знала, что попала в неприятности.

Я легкомысленно говорю: — Ладно, но я должна предупредить тебя: Мне очень трудно угодить.

Он подносит мою руку ко рту и проводит губами по моим косточкам. — Хорошо. Я люблю вызовы.

Я настолько отвлекаюсь от всех возможностей, что забываю запереть дверь, когда мы выходим.

Глава 6

Он ведет меня в замечательный ресторан с видом на Сену. Здесь тихо, при свечах и уютно, а вид на реку, сверкающую под сиянием восходящей луны, захватывает дух. Как и остальной Париж, это место идеально подходит для романтики.

Мне жаль тех, кто решается быть одиноким в этом городе.

Мы сидим в углу комнаты возле безупречного метрдотеля. Они с Джеймсом перекидываются несколькими словами на французском, затем официант исчезает. Мы остаемся смотреть друг на друга через стол, когда из другой комнаты доносятся элегантные ноты джазового трио.

Джеймс спрашивает: — Ты в порядке?

— Да.

Нет. Я так напряжена, что могу сорваться.

Он присматривается к моему выражению лица. — Давай попробуем еще раз. И на этот раз скажи мне правду.

Я кладу свои липкие от волнения руки на льняную скатерть по обе стороны от тарелки. Делаю вдох, выпускаю воздух и говорю: — Сначала я думала, что если не прыгну с тобой в постель сразу, то это улучшит ситуацию — ну, знаешь, усилит желание и все такое, — но теперь я думаю, что недооценила влияние, которое ты оказываешь на мою нервную систему.

Когда он просто сидит и ждет, что я продолжу, я робко признаюсь: — Я могу потерять сознание.

Его глаза горят, но он сохраняет спокойный тон. — Если ты упадешь лицом в свое блюдо, я обещаю спасти тебя.

— Ты же не дашь мне подавиться буйабесом или курицей в вине?

Его губы дергаются, когда он пытается подавить улыбку. — Нет, не дам. И если тебе нужно искусственное дыхание, чтобы вытащить куриную кость, которая может попасть тебе в горло, когда ты ударишься лицом о тарелку, то я тот, кто тебе нужен.

Я слегка улыбаюсь. Это намного легче сделать, когда мы делаем глупости. — Но у тебя есть *сертификат* по сердечно-легочной реанимации? Я не хочу, чтобы кто-то с такими большими мышцами, как у тебя, бил по моей груди, как по барабану бонго. Ты можешь что-то сломать.

Его улыбка прорывается во всей своей ослепительной красе. — Думаю, мы уже выяснили, что я буду с тобой осторожным.

Когда я тяжело сглатываю, он хихикает. Затем, мигая глазами, он протягивает руку через стол, сжимает мою руку и снимает меня с крючка, меняя тему разговора.

— Надеюсь, ты не возражаешь, что я заказал нам коктейли. Я знаю, что ты современная женщина, но джентльмен должен делать некоторые вещи проще для леди.

Его рука большая, теплая и шершавая — именно такой я ее себе представляла, когда мастурбировала, думая о нем.

Хорошо, что я недавно прошла полное медицинское обследование, которое показало, что я абсолютно здорова, иначе я была бы убеждена, что это ощущение, которое я переживаю, является или инсультом, или какой-то непонятной разновидностью приступа, когда внешне ты выглядишь нормальным, но внутри каждая мышца сжалась до камня.

— Только не перегибай палку и не пытайся заказать мне ужин, — успеваю произнести

я. — Существует тонкая грань между джентльменством и доминированием.

Джеймс, не сводя с меня взгляда, отвечает серьезным тоном: — Это та грань, которую я люблю переходить.

Инсульт. Приступ. Острая аортальная катастрофа. Несмотря на все это, мои легкие каким-то образом продолжают работать. — Теперь ты намеренно дразнишь меня.

— Это просто нервы. Ты переживала и хуже.

То, как он это говорит — и сходство с тем, что Келли сказала ранее по телефону, — пугает меня. Как будто он уже знает меня, как будто знает все, что можно знать обо мне, где спрятаны все мои самые глубокие шрамы и раны, где прячется каждая черная дыра боли.

В голове начинает вихрь.

Рассказала ли Эстель Эдмонду, зачем я приехала в Париж? Рассказал ли Эдмонд мне Джеймсу? Знает ли он?

Приходит официант с двумя бурбонами в хрустальных бокалах и ставит их на стол перед нами. Я отпускаю руку Джеймса. Официант начинает говорить по-английски, но я отключилась, слушая взамен свои мысли, крутящиеся в голове.

Что, если он найдет меня в Интернете? В газете были статьи. Он знает, что я писатель, ему достаточно набрать мое имя...

— Оливия?

Я резко возвращаюсь в настоящее и вижу, что Джеймс и официант смотрят на меня. Ждут ответа на вопрос, который я пропустила.

— Простите, о чем вы спрашивали?

Терпеливо официант повторяет специальные предложения вечера. Я чувствую на себе тяжелый взгляд Джеймса, но не смотрю на него.

— Гребешки звучат отлично, спасибо.

— Закуски?

Я понимаю, что, видимо, пропустила и эту часть его речи. — Эммм, что бы вы ни предложили.

Он сияет. — Фуа-гра невероятна.

— Что угодно, только не это.

Он моргает от моего брезгливого тона, а потом предлагает: — Может быть, бри, завернутый в фило, с инжирным вареньем?

— Да. Отлично. Спасибо.

Джеймс заказывает филе миньон и зеленый салат, официант уходит, и мы остаемся наедине с моей цветущей тревогой.

Джеймс некоторое время сидит молча. — Если я сказал что-то не то...

Вот дерьмо. Если он все время будет таким наблюдательным, у нас ничего не получится.

— Нет, вовсе нет. Просто... — Я поднимаю взгляд и вижу, что он смотрит на меня с присущей ему напряженностью, с тлеющим мужеством и голодными глазами. — Я хотела спросить, говорил ли ты обо мне с Эдмондом.

Он откидывается на спинку стула. Не отрывая взгляда от меня, он ровно говорит: — Да. Я попросил его рассказать мне все, что он знает о тебе.

Мое сердце делает болезненное сальто под грудной клеткой. — И что он сказал?

— Что ты подруга Эстель, живешь в ее квартире. Писательница, которая приехала в отпуск из Америки.

Я изучаю его. *Он что-то скрывает?* — Что еще?

— Что ты показалась очень яркой и очаровательной, но у тебя были самые грустные глаза из всех, кого он когда-либо встречал.

Наши прикованные взгляды ощущаются как физическая связь, пальцы переплетаются и сжимаются, как живая проволока, проводящая тепло и электричество между нами через пустое пространство.

Я говорю, — Следующий, кто скажет, что у меня грустные глаза, получит вилку в свои глаза.

— Я знаю, — приходит мягкий ответ, — Ты не хочешь говорить о чем-то личном, и я это уважаю. Но ты спросила.

Его тон одновременно нежный и интимный, будто мы уже любовники. От этой нежности у меня подступает комок к горлу. Я уже давно не чувствовала такой нежности от мужчины. Такого безраздельного внимания у меня не было очень давно, и хуже всего то, что... я не заслуживаю этого.

Я не заслуживаю того, чтобы сидеть здесь, чтобы дышать, когда моя единственная причина жить находится шесть футов под землей.

Я с ужасом замечаю, что мои глаза слезятся.

Отчаянно пытаюсь убежать от его жгучего взгляда, я отрываю свой взгляд от его глаз и встаю. — Извини, я на минутку. Мне надо в уборную.

Не дожидаясь ответа, я выхожу из-за стола и бешеным шагом бегу через весь ресторан к двойной двери возле фойе, мимо которой мы проходили по дороге сюда.

Я врываюсь в уборную и припадаю к противоположной стене, когда дверь за мной закрывается. Я стою и дрожу, удивляясь, как, черт возьми, он заставляет меня чувствовать себя такой обнаженной, когда все, что я чувствовала последние два года, было похоронено.

Он растопил меня своим первым взглядом. Его первый взгляд, который ищет, который *видит*.

Я опускаю лицо в ладони и стону.

Это была глупая идея. Я явно не готова к этому. Наивно думать, что эмоции не вмешаются, если я даже не могу сидеть с ним за одним столом, не срываясь в панике.

И это же не первый раз. Каждый раз, когда я разговариваю с ним, я убегаю. Если бы я с ним переспала, то, наверное, окончательно вышла бы из строя!

Я представляю себя скрученной гольшом в рыдающий клубок на его кровати, а он беспомощно смотрит на меня, гадая, в какую психиатрическую больницу позвонить в первую очередь.

— Оливия.

Я поднимаю глаза и выпускаю писк ужаса. Джеймс стоит напротив меня в дверях женского туалета, материализовавшись так же беззвучно, как призрак.

Я открываю рот, чтобы заикнуться о каком-то жалком оправдании, почему я веду себя, как сумасшедшая, но прежде чем я успеваю заговорить, Джеймс сокращает расстояние между нами и подхватывает меня в свои объятия. Все мои страдания мгновенно утихают. Я перехожу от безумного хаоса в голове к реальному и заземляющему присутствию его тела.

О, Господи. О, Боже...

Если раньше мне казалось, что я таю от его взгляда, то его большое, теплое, крепкое тело на фоне моего оказывается совсем другой формой расплавления. Части меня, о которых я даже не подозревала, тают и начинают гореть.

— Просто дыши, — тихо говорит он, прижавшись губами к моему уху, — Просто почувствуй меня и дыши.

Еще никогда не было сказано семи более прекрасных слов.

Я припадаю к нему с облегчением, как будто прозвучало заклинание. Я обнимаю его за плечи, прячу лицо в его шею и вдыхаю запах его кожи. Когда я выпускаю его, я почти пьянею от желания.

Его сердце колотится так же бешено, как и мое.

Он прижимается щекой к моей. Он вплетает руку в мои волосы, сжимая мою голову в своей ладони. Он изгибается вокруг меня, защищая меня от чего? От моего собственного страха, я думаю. Моего воображения. От моего прошлого и всего и всего багажа.

От меня самой.

Кто-то толкает дверь и направляется к кабинке, будто мы невидимы. Она пользуется туалетом, моет руки и выходит, не сказав ни слова, будто двое влюбленных, переплетенных в дверях уборной, — это совершенно неприметная вещь, настолько обыденная, что даже не стоит того, чтобы на нее взглянуть.

А может, так оно и есть. Это же Париж, в конце концов. Переплетенные влюбленные — такое же привычное зрелище, как и уличные фонари.

— Лучше? — шепчет Джеймс, его шершавая челюсть щекочет мою щеку.

— Намного лучше, — шепчу я в ответ, прижимаясь к нему ближе. — Ты случайно не подрабатываешь приручением диких животных? Потому что если нет, то ты был бы настоящим мастером в этом.

Его смех — это низкая грохочущая вибрация на моем лице. Это смешно, насколько мне нравится этот звук. Я хочу записать его и воспроизводить, когда у меня стресс, пусть он успокаивает меня, как гипнотическое пение тысячи буддийских монахов.

Да, я пробовала петь в группе с монахами. Я все перепробовала. Горе толкает людей на отчаянные поиски любого облегчения.

— Когда я был ребенком, я хотел стать ветеринаром, — говорит Джеймс, немного отстраняясь, чтобы улыбнуться мне в глаза. — Это считается?

— Значит, помимо всего прочего, ты еще и любишь животных. Отлично.

— Почему у тебя такой разочарованный голос?

— Я пытаюсь найти фатальный недостаток для страховки.

— Страховки? От чего?

Я открываю рот, но останавливаюсь, чтобы не проговориться: *От влюбленности в тебя*. Вместо этого дарю ему загадочную улыбку.

— Я забыл, — говорит он, изучая мое лицо, — Мы же не переходим на личности.

— Хотя секунду назад ты сделал ошибку, сказав мне, что в детстве хотел быть ветеринаром.

— Нам лучше обсудить условия за ужином, чтобы я больше не открывал рот. Мне нужно знать, какие основные правила.

Его взгляд падает на мой рот. Когда он просто смотрит на мои губы, я начинаю стесняться. — Только не говори мне, что ты сейчас думаешь о сравнении фруктов с частями тела.

Он грубо отвечает: — Я думаю о том, как сильно я хочу тебя поцеловать, и как сильно я не хочу, чтобы наш первый поцелуй был в десяти шагах от туалета.

Это вызывает у меня легкое волнение. Мне нравится, как он говорит то, что у него на

уме, безо всяких попыток скрыть это или приукрасить.

Этот человек очень полезен для моего эго. Действительно, очень полезен.

Улыбаясь и гораздо спокойнее, чем раньше, я разглаживаю ладони на его твердой груди.

— Придержи эту мысль, пока мы не закончим ужин. Если я скоро не получу что-нибудь поесть, ты вообще не сможешь меня поцеловать, потому что меня заберут в тюрьму за то, что я погрызла всю мебель.

Его глаза теплые, а улыбка снисходительная, Джеймс проводит большим пальцем по моей нижней губе. — А я думал, что это из-за *меня* у тебя кружится голова.

Я улыбаюсь ему. — Нет. Гипогликемия виновата, мой друг.

Мы оба удобно игнорируем тот факт, что я еще десять минут назад рассказывала ему о его влиянии на мою нервную систему.

Он поворачивается и выводит меня за руку из туалета, крепко держа ее даже после того, как мы садимся за стол и начинаем пить.

В итоге мы заканчиваем, когда заведение закрывается.

Мы кушаем, пьем, смеемся и разговариваем, пока не остаемся последними в ресторане, а официанты скапливаются у дверей кухни, коллективно глядя в нашу сторону.

Не то, чтобы меня это волновало. Я лучше всего провожу время за последние годы. Никогда не хочу, чтобы эта ночь заканчивалась.

Я говорю, — Не могу *поверить*, что тебе нравится Хемингуэй! Он такой невыносимо мачо.

Я закатываю глаза, но улыбаюсь, слизывая с ложки последний кусочек вкусного шоколадного мусса, который мы разделили. Джеймс заказал не менее четырех разных десертов, потому что я не могла остановиться на одном.

— А я не могу поверить, что ты такой литературный сноб, — отстреливается Джеймс, — Мачо или нет, этот человек был гением. Посмотри на его наследие. Посмотри на его творчество...

— Гением? Да ладно тебе. Он был задирой и хвастуном и написал одну из худших фальшивых библейских проз, которые когда-либо появлялись на рынке. “Я — это ты, а ты — это я...” Что за бред. Соедини его любовь к предложениям из трех слов с патологическим отвращением к наречиям, и этот человек просто невыносим. Не могу поверить, что его до сих пор изучают в школах.

— Ты больше возражаешь против его стиля письма или против его характера? Потому что надо отделять художника от его произведений. Иначе нам пришлось бы сжечь всех Пикассо. Вот *это* был высокомерный засранец.

Я киваю в знак согласия. — А еще и бабник. Как Хемингуэй.

Джеймс пожимает плечами. — Многие известные и успешные мужчины такие. Представь себе, что красивые женщины постоянно хотят с тобой переспать...

— Я натуралка, но спасибо, — резко перебиваю я.

— ...буквально бросаются на тебя днем и ночью. Мужчина должен быть святым, чтобы устоять перед таким соблазном.

— Забавно, но именно так я подумала о тебе, когда впервые увидела тебя. У каждой женщины в кафе был спонтанный оргазм, когда ты вошел.

Он смеется. — Ты опять преувеличиваешь.

— Если и преувеличиваю, то совсем чуть-чуть. Даже некоторые *мужчины* смотрели на тебя так, будто хотели вылизать тебя с ног до головы.

Когда его выражение лица становится кислым, я смеюсь. — Ну же, Джеймс, не скромничай. Ты должен знать, какой ты роскошный.

Он на мгновение останавливается, глядя на меня в странной, взвешенной тишине. Потом опускает взгляд на свой пустой бокал бурбона и мрачно говорит:

— Только снаружи.

Меня пронизывает дрожь узнавания. Это то же ощущение, которое я испытывала, когда смотрела на его портреты. Животное ощущение осознания собственного племени.

Птицы одного полета слетаются вместе. Хотя мы все еще не намного больше, чем незнакомцы, я интуитивно знаю, что мы с ним похожи.

Страдание — это великий уравниватель человечества.

Я вспоминаю, как он стоял там, окруженный восхищенными женщинами на вечеринке, и выглядел несчастным и одиноким, и как он не замечал всех тех взглядов, которые на него бросали, когда он заходил в кафе, и с потрясением осознаю, что это человек, для которого большинство других людей перестали существовать.

По крайней мере, счастливых. Нормальных, у которых еще есть свет в глазах.

Только таких, как я, он может видеть и общаться с ними. Людей, погруженных в собственную темноту, так же, как он погружен в свою.

Я убедительно говорю: — Какая бы плохая вещь с тобой ни случилась, она не сделала тебя менее прекрасным. В темноте тоже есть красота. Просто нужно другое зрение, чтобы ее увидеть.

Когда он поднимает голову и смотрит на меня, боль в его глазах пронзает мое сердце. Его губы раздвигаются. Какое-то мгновение мы просто смотрим друг на друга, забыв обо всем вокруг.

Потом он обходит стол, хватая меня за руки и тянет к себе на колени.

Он целует меня с неистовым отчаянием, от которого у меня перехватывает дыхание. Одной рукой обхватив мою спину, а другой сжав челюсть, он поглощает меня поцелуями, его рот твердый и требовательный, пока я не начинаю дрожать и издавать тихие звуки потребности низко в горле.

Он отрывается, тяжело дыша, и бормочет: — *Блядь*.

Мои пальцы сжимают его рубашку спереди. Мои подмышки влажные, соски твердые, а между ногами пульсирующая боль. У меня кружится голова, я задыхаюсь, мои вкусовые рецепторы и нос переполнены им, моя кожа пылает.

Не открывая глаз, я шепчу: — Еще. Пожалуйста, *еще*.

Он не колеблется. Его рот снова скользит по моему. На этот раз поцелуй нежнее, медленнее, но почему-то еще более голодный. Он берет мою голову в обе руки и сжимает кулаки в моих волосах, держа меня неподвижно, чтобы его язык мог глубоко проникнуть, когда он берет то, что хочет, и дает мне то, что мне нужно, его эрекция большая и жесткая против моей задницы.

На этот раз, когда он отрывается, он тихо стонет.

И я вот-вот взорвусь от желания.

Кто-то прочищает горло. — Хм. *Excusez-moi*.

Мои веки открываются. Возле нашего столика стоит официант, вежливо улыбается. Он говорит что-то по-французски, похлопывает по кожаной папке, которую держит в руках, кладет ее на край стола и отходит.

Я говорю, затаив дыхание: — Думаю, это наш сигнал.

Джеймс смотрит на меня, его лицо в нескольких сантиметрах от моего, глаза затуманенные и горячие. Он подстраивает мое тело под себя, используя петлю ремня на моих джинсах, чтобы подтянуть меня ближе и немного ниже, так что я откидываюсь назад в его объятиях, наклонив лицо к нему. Я мурлыкающий котенок, свернувшийся калачиком у него на коленях.

Он говорит гортанным голосом: — Я еще не готов, — и снова захватывает мой рот.

Эти его поцелуи... они требовательны и собственнические. Они голодные и глубокие. Это поцелуи мужчины, который хочет большего от женщины — который хочет всего — и не остановится, пока не получит этого.

Я прижимаюсь к нему и дрожу, зная, что сейчас дам ему это. До глубины души я знаю,

что чего бы Джеймс ни требовал от меня, я дам ему это безо всяких вопросов.

Он стонет мне в рот. Я выгибаюсь на нем, с каждой секундой становясь все более отчаянной, впиваясь пальцами в его руки, затем скольжу руками вверх по его сильным плечам, чтобы погрузиться в его волосы. В эти густые, шелковистые волосы. А его шея — боже, даже его шея красивая, сильная и горячая, его пульс бешено колотится под моей ладонью.

Мы медленно растворяемся друг в друге, наши губы слились, наши тела в огне, пока я не могу сказать, где заканчиваюсь я и начинается он. Он сжимает мой зад, тяжело дыша через нос, когда прижимает свою эрекцию ко мне и глубоко пьет из моего рта.

Если бы он сейчас сжал один из моих сосков, я бы кончила.

Еще одно прочищение горла, на этот раз громче.

Прервав наш поцелуй, Джеймс поворачивает голову и смотрит на официанта так, будто собирается убить его голыми руками. Он говорит что-то низкое и резкое, от чего глаза официанта расширяются и он отступает на шаг назад. Затем официант берет себя в руки, задирает нос, разворачивается и уходит.

Я смотрю, как он удаляется. — Надеюсь, он не собирается вызывать полицию.

Джеймс прижимает поцелуй к моей челюсти, другой — крепкий и быстрый — к моим губам. — Если бы в этой стране можно было арестовывать людей за поцелуи на людях, у полиции не было бы времени на что-то другое.

Он берет меня с собой, когда поднимается, ставит на ноги — поддерживая, когда я шатаюсь, — и вытаскивает кошелек из заднего кармана джинсов. Он бросает пачку наличных, затем хватается за меня за руку.

Я едва успеваю выхватить сумочку со спинки стула, прежде чем бегу за Джеймсом к входной двери ресторана, беспомощно тянусь за ним, как пловец, попавший в волну, и направляется в опасные воды, когда береговая линия стремительно отступает.

На улице он свистком останавливает такси и заталкивает меня внутрь. Как только дверь закрывается и он дает водителю указания, куда ехать, мы снова прижимаемся друг к другу, неистовые, возбужденные и поспешные, как двое подростков в комендантский час, дикие друг для друга, забывая обо всем остальном.

Внезапно, с разрушительной силой, он вырывается.

На мгновение я настолько удивлена, что не могу говорить. Когда я это делаю, мой голос становится хриплым. — Что случилось? Ты в порядке?

Падая обратно на сиденье, он выставляет руку между нами, как барьер. Я не уверена, кого он защищает — меня или себя.

— Подожди. Подожди. — Он глотает, глотает воздух и потеет, его рука дрожит вместе со всем телом. — Мы не говорили о правилах, условиях, которые ты хотела, мы не обсуждали ничего из этого.

Я настолько озадачена, что просто смотрю на него, пока город проплывает мимо окон во вспышках света и цвета. — Ты хочешь поговорить об этом прямо сейчас?

— Я должен знать... перед тем, как мы... я должен знать, что не подлежит обсуждению. А что можно. Что может оттолкнуть тебя...

— Оттолкнуть меня? — повторяю я, все больше и больше запутываясь.

Он просто смотрит на меня, его глаза дикие, грудь вздымается вверх и вниз. Кажется, будто он сдерживает себя, чтобы не броситься на меня.

Его взгляд, полный острой потребности, электризует.

Что бы ни стояло за этим колебанием, я инстинктивно понимаю, что он не пойдет со мной дальше, если я не сформулирую, чего я хочу и чего не хочу от этой ситуации.

От него.

— Ладно. Вот оно: не спрашивай, что именно сделало мои глаза грустными. И больше не расспрашивай Эдмонда обо мне. Никаких личных вопросов. Никакого давления. Не дергай за ниточки. На самом деле, давай даже не будем обмениваться фамилиями. Давай просто наслаждаться этим, пока это продолжается, прежде чем мне придется уйти.

Он смотрит на мой рот, увлажняет губы, затем снова встречается с моим взглядом. — И это все?

— Извини, но это то, что мне нужно, чтобы чувствовать себя комфортно.

Если тебе это не нравится, я вполне пойму.

— Меня это устраивает.

Он проводит рукой по волосам, выдыхая, и опускает руку на бок. — И тебе никогда не придется извиняться передо мной за честность. Это то, чего я хочу.

Я смотрю на него какое-то мгновение, прежде чем говорю: — Кажется, тебе стало легче. А что ты ожидал от меня услышать?

Его смех мягкий и хриплый. Он качает головой. — Ничего, просто... у меня не было женщины... я давно ни с кем не был... очень давно...

Я поднимаю брови, наблюдая, как он пытается найти слова. Слова, в которые я не могу поверить, что действительно их слышу.

Мужчина, такой желанный, как он, давно не был с женщиной?

Меня охватывает ужас.

Есть только несколько причин, почему такой человек, как он, мог бы долго не заниматься сексом, и ни одна из них не является хорошей. Особенно та, о которой я думаю.

Он перехватывает выражение моего лица. — Что?

— Хм... вау, это неудобно.

— Просто скажи это.

— Ты... ты... заразен?

Он моргает. — Прости?

Тепло поднимается вверх по шее. Мои уши начинают гореть. — Мне очень жаль, если это бестактно, но мы взрослые люди, и я думаю, что нам просто нужно закончить этот разговор.

Он смотрит на меня с явной растерянностью. Я расправляю плечи и делаю глубокий вдох.

— У тебя венерическое заболевание?

В передней части кабины водитель фыркает.

На бровях Джеймса появляются глубокие борозды. — Это первое, о чем ты думаешь, когда я говорю тебе, что давно ни с кем не был? Что я *болен*?

— Не первое, а худшее, потому что так работает мой мозг. Я не была уверена, не пытаешься ли ты найти способ сказать мне, что мне придется купить специальный латексный костюм, чтобы носить его, или получить какие-то мощные антибиотики или что-то подобное.

Когда Джеймс просто сидит и смотрит на меня в безмолвном ужасе, водитель такси говорит через плечо по-английски с сильным акцентом:

— Вы правы, что спросили. Случаи СПИДа растут.

Я оборачиваюсь и бросаю на него колючий взгляд. — Спасибо вам за это просветительское ядро нежелательной информации. Вы — жемчужина. А теперь возвращайтесь к своим делам, пожалуйста.

Он пожимает плечами, отворачиваясь.

Я оглядываюсь и вижу, что Джеймс все еще смотрит на меня. Я говорю: — Значит, это нет насчет ЗППП.

— Это однозначное нет. А ты?

— Тоже нет.

После минуты неловкого молчания он тяжело вздыхает. Из него вытекает вся электризующая потребность, которую он испытывал несколько минут назад. Теперь он просто выглядит уставшим.

— Я просто... Я больше не могу вести светские беседы. Я не могу притворяться. У меня не хватает энергии, чтобы флиртовать и делать вид, что меня интересует все это мелкое, поверхностное дерьмо, через которое мне приходится продирааться, прежде чем я узнаю кого-то поближе. Прежде чем я пойму, стоит ли она моего времени. Потому что это...

После напряженного мгновения он продолжает уже тише, его голос почти теряется под звуком движущихся по дороге шин.

— Все так, как ты сказала, Оливия. Жизнь слишком коротка, чтобы разбрасываться словами. Наше существование измеряется минутами. Секундами. Ударами сердца. Время — это самый ценный товар, который у нас есть, потому что его никогда нельзя пополнить. Если оно ушло... оно ушло навсегда. Как и мы.

Мощная волна эмоций накрывает меня. Снова этот удар по голове от узнавания, бьющий меня между глаз.

Я такая дура. Он ни с кем не был по той же причине, что и я: желание — это первая вещь, которую убивает горе, прежде чем оно убьет все остальное.

Я думаю о его портретах, обо всех этих любовно детализированных изображениях человеческих страданий, и мне хочется скрутиться в клубок и плакать.

Что бы ни случилось с ним, какую бы цену ни заставила его заплатить жизнь, что вдохновило его на болезненную одержимость увековечиванием лиц скорбящих людей и что бы ни притянуло его прямо в мои объятия, как бабочку на пламя, это так же ужасно, как и то, что пережила я.

Я выдыхаю неровный вздох и говорю сдавленным голосом: — Я дура.

Он точно знает, что я имею в виду. Качая головой, он тянется ко мне. — Нет.

— Да. Боже, мне так жаль. Я должна была знать, что у тебя нет венерических заболеваний.

— Ты не могла знать. Это был законный вопрос. И прекрати извиняться, черт возьми.

Он прижимает меня к себе и обнимает. Я закидываю обе ноги на его ноги. В его шею я шепчу: — О, Джеймс, я чувствую себя такой идиоткой.

— Почему?

— Потому что я иногда забываю, что с другими людьми тоже случаются плохие вещи. Я забываю, что не только я хожу с дыркой в груди на месте сердца. Я понятия не имела, насколько эгоцентричной я стала... или насколько изолированной. Как я почти каждое мгновение бодрствования чувствовала, что застряла на чужой планете, и мне ничего не остается, кроме как делать научные заметки о враждебных местных формах жизни, пока я жду смерти.

Звук вырывается из его груди. Хихиканье или легкое недоверчивое фырканье, я не знаю, что это было. Затем я чувствую, как его губы прижимаются к моим волосам, и слышу его вздох.

— Боже, ты говоришь длинными предложениями. Хемингуэй бы не одобрил.

Я толкаю его локтем. — Заткнись.

— Заставь меня.

Когда я поднимаю голову, он улыбается. Тепло возвращается в его глаза.

— Кстати, — бормочет он, прижимая к моим губам нежный поцелуй, — это была очень личная речь, которую ты только что произнесла. Ты маленькая нарушительница правил.

Я погружаю голову в изгиб между его шеей и плечом и закрываю глаза.

— Последний раз. Слово скаута.

— Ты была девочкой-скаутом?

Я мягко дразнюсь: — Привет, личный вопрос.

— Черт возьми. Твоя правда. Вычеркни это.

Улыбаясь, чувствуя себя в безопасности в его объятиях, я говорю: — Я была в скаутах... пока меня не выгнали.

Когда я слишком долго молчу, он говорит: — Это зло. Ты не можешь просто выставить это напоказ и не ожидать дальнейших вопросов!

— Выпусти на волю свое воображение.

Он рычит. — О, я выпущу кое-что на волю, но это не будет мое воображение.

Он сжимает мою челюсть рукой и прижимает свой рот к моему.

Глава 8

Оказывается, очень удобно, что я не заперла дверь квартиры, когда выходила, ведь это означает, что мне не нужно прерывать поцелуи с Джеймсом, чтобы искать ключи в сумочке, когда я вхожу.

Я просто поворачиваю ручку, и мы сразу же возвращаемся к делу.

Мы падаем в дверь, безумно целуясь. Я роняю сумочку на пол. Джеймс закрывает за нами дверь, затем толкает меня к стене и прижимает к себе, его грудь вровень с моей. Он сжимает оба моих запястья в одной из своих больших рук и держит мои руки за спиной, крепко целуя меня в неосвещенном коридоре, его свободная рука крепко сжимает мое лицо.

Это горячо. Безумно горячо, доминантно и страстно, просто по ту сторону грубости.

Когда мы останавливаемся, чтобы вдохнуть воздух, я начинаю смеяться.

— Боже мой, это прямо как в кино!

— Только лучше, — говорит он хриплым тоном, его голубые глаза светятся похотливостью, — Потому что все по-настоящему.

— Лучше, чем сейчас, быть не может, — говорю я, задыхаясь. — Может, нам стоит остановиться на поцелуях, потому что это совершенно эпично...

Я вскрикиваю в шоке, когда он резко наклоняется и перекидывает меня через плечо.

Мужчина перекидывает меня через плечо! Подождите, пока я расскажу об этом Келли!

— Мы не остановимся, — рычит он, шагая в гостиную, а я качаюсь на его плече, как что-то, что он поймал в ловушке в лесу и несет домой, чтобы съесть.

Смех снова угрожает вырваться из моего рта, поэтому я прикусываю губу, чтобы остановить его. Я чувствую себя сумасшедшей, одержимой странной смесью радости и ужаса, как то чувство, что возникает, когда ты находишься на вершине высоких опасных американских горок, вот-вот перелетишь через край и безрассудно помчишься вниз.

Джеймс бросает меня на спину на диван в гостиной. Я подпрыгиваю, один раз, а потом смотрю на него широко раскрытыми глазами, когда мое сердце грозит разорваться в груди.

У меня были приступы паники и не такие сильные, как этот.

Он смотрит на меня с непоколебимым вниманием, пока его пальцы перебирают пуговицы на рубашке. — Ты выглядишь напуганной.

— Черт возьми, — признаю я, дрожа. — Лучше поторопись и раздевайся, пока мне не стало плохо, и тебе не пришлось вызывать скорую помощь.

Его рубашка расстегивается под пальцами. Он пожимает плечами и позволяет ей упасть на пол.

А я просто смотрю на него с открытым ртом.

Может, Бог не так уж и ненавидит меня, потому что если бы он, она или оно ненавидели, то никогда бы не подарили мне чего-то такого невероятного, как это.

Он.

Черт возьми.

Совершенный.

Выточенный, вылепленный, вырезанный, вытесанный... как угодно, он имеет все прилагательные, которые существуют для суровой, мужской красоты. Его грудь — шедевр. Его пресс может заставить ангелов плакать. Этот парень делает Давида Микеланджелло похожим на нечто, что студент первого семестра художественного колледжа склеил из

старых газет и кошачьего дерьма.

Лишь через наносекунду после того, как эта мысль появляется, за ней следует другая, гораздо худшая: *я должна раздеться перед этим ходячим произведением искусства.*

Мой внезапный ужас не остался незамеченным для Джеймса. — Вся кровь только что вытекла с твоего лица.

Я говорю: — О, не обращай на меня внимания, я просто здесь разбираюсь с некоторыми серьезными проблемами, связанными с образом тела, которые проявились в полной мере из-за того, насколько ты нелепо *совершенен*. Пожалуйста, скажи мне, что восемь кубиков на животе — это хитроумный контуринг.

Он становится надо мной на колени, кладет руки на подушки по обе стороны моей головы и улыбается. — Ты же знаешь, что это не так.

Слышите, как я глотаю? Держу пари, что слышите. Держу пари, он даже слышит, как все мои клетки кричат во весь голос своими крошечными окаменевшими легкими. — Спойлер: мое тело выглядит совсем не так.

Он наклоняется, чтобы погладить мою шею. — И это хорошо, потому что мне не нравятся парни.

Он глубоко вдыхает мне в горло. Мурашки вспыхивают на каждом сантиметре моей кожи.

— Ты знаешь, что я имею в виду. По сравнению с тобой, я как... желатиновая. Подвижная. Как желе.

Он поднимает голову, смотрит мне глубоко в глаза, берет одну из моих рук и прижимает ее к монстру, рвущемуся на волю под молнией его джинсов, и бормочет: — Я люблю желе. Разве ты не видишь?

Прежде чем я успеваю мечтательно вздохнуть и сползти с дивана, чтобы растечься лужицей на полу, он вкладывает свой таз между моими раздвинутыми бедрами и опускает свою верхнюю часть тела к моей, балансируя на локтях надо мной. Затем он снова целует меня, глубоким, медленным поцелуем, который заставляет меня извиваться под ним в течение нескольких секунд.

Надо не забыть послать Эстель письмо с благодарностью за покупку такого большого и удобного дивана.

Джеймс хихикает возле моих уст. — Все это извивание — попытка побега или я делаю что-то правильно?

— Ты снова ловишь комплименты. Это твоя плохая привычка, Ромео.

Его губы касаются моих. Его голос звучит слишком низко. — Дело не в комплиментах. Дело в обратной связи. Я хочу, чтобы тебе было хорошо. Я хочу знать, что тебе нравится.

Тепло разливается по всему моему телу, я чувствую, как заплетается мой язык и я потею. На смену горячей волне приходит паника, потому что я не имею никакого представления, что я собираюсь вписать в список, который он потребовал из всех вещей, которые я хочу, чтобы он делал со мной в постели.

Хотя две мои любимые вещи, объятия и массаж ног, вероятно, не то, что он имеет в виду.

Я покорно говорю: — О, хорошо. Это очень приятно.

Одна из его бровей поднимается. — Приятно? Хмм.

Это *хмм* звучит немного угрожающе, но у меня нет времени задумываться над этим. Я

слишком озабочена тем, чтобы не умереть от электрического прикосновения его языка к моему обнаженному животу.

Он задирает мою футболку так, что обнажается бюстгальтер, и наклоняет голову к моему животу, облизывая и целуя медленную дорожку от нижней части бюстгальтера до верхней пуговицы джинсов. Я лежу застывшая, задыхаясь, уставившись стеклянными глазами в потолок, убежденная, что его язык оснащен крошечными электродами из-за пульсирующих токов электричества, бьющих прямо между моих ног.

Когда он погружает зубы в мою плоть, я подсакиваю, задыхаясь.

— Слишком сильно? — Его голос приглушает моя кожа. Он целует там, где укусил, его губы нежные.

— Н-нет. Просто не была к этому готова. Не обращай на меня внимания. Занята смертью. Продолжай.

Он вознаграждает мою задыхающуюся болтовню снисходительным хихиканьем и крепким сжатием своих больших рук вокруг моей талии. Он расстегивает большим пальцем пуговицу на моих джинсах, затем расстегивает молнию, впиваясь носом глубоко в мои трусики.

Когда он нежно кусает меня и там, я стону.

— Это звучит обнадеживающе, — шепчет он. — Давай посмотрим, смогу ли я заставить тебя сделать это еще раз.

Он дергает за пояс моих джинсов, скользя ими до середины бедер. Затем он стягивает с меня трусики и смотрит на меня, обнаженную и дрожащую.

Его глаза горят черным от желания, он облизывает подушечку своего большого пальца, просовывает его между моих ног и надавливает на набухший бутон моего клитора.

Я затаиваю дыхание, закрывая глаза. Когда он лениво проводит большим пальцем вверх-вниз, я издаю стон, которого он хотел, на этот раз более громкий, чем раньше.

— Скажи мне, чего ты хочешь, Оливия.

— Я хочу... — *Не говори о том, чего хочешь.*

— Будь смелой. Поговори со мной.

Его голос мягкий и гипнотический. Его большой палец сеет хаос на моем теле. Наверное, именно сочетание этих двух факторов заставляет меня произнести: — Я хочу твой рот.

Он удовлетворенно мурлычет. — Хорошо. Где?

— Ты меня убиваешь, — говорю я, задыхаясь, с закрытыми глазами. Мои бедра начинают выгибаться в такт движениям его большого пальца вверх-вниз.

Он дразнится: — Ты же писательница. Используй несколько из тех больших слов, которые ты должна знать.

Когда он продвигает свой большой палец внутрь меня, я стону, изгибаясь.

— Хотя я люблю этот звук, это не слово. Если ты не будешь говорить, я остановлюсь.

Я говорю сквозь зубы: — Властный!

Он хихикает. — Ты еще не видела властного меня, красавица, но увидишь. Вот, я начну предложение за тебя. Джеймс, я хочу, чтобы ты приблизил свой рот...

Когда я закусываю губу и молчу, он убирает руку. Я снова стону, на этот раз в знак протеста, и открываю глаза.

Он стоит надо мной на коленях, глядя вниз затуманенными глазами и улыбаясь горячей улыбкой. Он подносит руку к моему лицу и медленно продвигает большой палец мимо моих

губ ко рту, так что я чувствую себя на вкус.

Затем он целует меня, глубоко, пока я не начинаю издавать отчаянные звуки и лапаю его, все его мышцы и теплую, гладкую кожу. Я хватаю его за задницу и прижимаюсь тазом к его эрекции.

Он прижимается щекой к моей и шепчет возле моего уха: — Хочешь, чтобы я поцеловал твою киску, Оливия?

Боже милый, Иисус на небесах, я умираю. Это конец. Я умираю прямо здесь и сейчас.

— Да.

— Скажи это.

Это было властно. Его тон низкий, грубый и безошибочно доминирующий, и он посылает трепет прямо сквозь меня. Он вырывает слова прямо из моих уст.

— Я хочу, чтобы твой рот был на моей киске.

Это едва слышно, но это делает свое дело. Одним быстрым движением он скользит по моему телу и кладет свое лицо между моих ног.

Я осознаю преимущества откровенного сексуального общения в тот момент, когда чувствую, как его горячий, влажный язык касается моего клитора.

Я кричу, выгибая спину от дивана. Он просовывает руки под мою задницу и обхватывает ее, сосет и лижет меня, издавая маленькое ворчание мужского удовольствия, которое почти невыносимо сексуально. Мои джинсы недостаточно низко сидят на ногах, чтобы позволить мне шире раздвинуть бедра, но и это небольшое ограничение кажется невыносимо сексуальным.

На самом деле, единственное, что сейчас не кажется мне сексуальным, — это то, что я слишком внимательно смотрю на свои руки. Они сжаты у бедер. Я должна запустить их в его волосы? Раскинуть руки в стороны?

Поиграть со своей грудью?

Очевидно, что я не занималась сексом с темных времен.

— Джеймс, — говорю я, затаив дыхание.

Он поднимает голову, облизывая губы.

Боже, как же это, блядь, горячо. — Раз уж мы так много говорим, не пора ли сказать тебе, что я чувствую неловкость из-за своих рук?

— Что с твоими руками, милая? — Все еще глядя на меня, он прижимает нежный поцелуй к моему пульсирующему клитору.

— Я не знаю, что с ними делать.

На его щеке появляется ямочка. Он старается не смеяться надо мной. Потом он садится и снимает свой ремень. — Я знаю, что с ними делать.

К его голосу снова возвращается волнующая доминантность.

Я могла бы очень, очень привыкнуть к этому.

Он собирает мои запястья вместе и быстро оборачивает свой ремень вокруг них, просовывая пряжку под одну из петель, чтобы она была надежно закреплена. Затем он поднимает мои руки над головой, положив связанные запястья на быльце дивана.

Глядя мне глубоко в глаза, он приказывает: — Не двигайся с этой позиции, или я отшлепаю твою задницу, пока она не покраснеет.

Я не могу решить, чего во мне больше: возмущения или возбуждения.

Я горячо говорю: — Ты не будешь меня шлепать!

Он улыбается. — О, да, я тебя отшлепаю.

— Джеймс! Я взрослая женщина!

— Да, ты взрослая женщина. Сексуальная, красивая взрослая женщина с задницей, похожей на спелый персик, которую сейчас отшлепают за непослушание, если ты пошевелишь руками.

— Я не люблю, когда меня шлепают!

Он делает паузу, чтобы изучить мое выражение лица. — Это что-то, что ты пробовала раньше?

Я кривлю губы, не желая признавать, что нет. — Не совсем.

Он все еще изучает меня немного суженными глазами. — Это да или нет?

Через мгновение я неохотно признаю. — Нет.

— Значит, ты возражаешь против этого только теоретически.

— Конечно, я возражаю теоретически! Что за человек наслаждается болью?

— Мазохист.

— Фу, семантика! Ты знаешь, что я имею в виду!

Еще одна пауза, он оценивает мое выражение лица, а потом требует: — Скажи мне, что на самом деле тебя в этом беспокоит.

Я тяжело выдыхаю, раздраженная тем, что он так легко меня читает. — Ладно. Кроме аспекта боли, который мне не нравится, это кажется... унижительным.

— Ладно. Я тебя услышал.

Я удивлена. Теперь моя очередь изучать его выражение лица. Никогда в моей истории общения с мужчинами никто не говорил: "Я тебя услышал". Для мужчин, которых я знала, признание чувств женщины — это все равно, что спрашивать дорогу: так просто не делают.

— О. Ну... спасибо.

— Если бы я пообещал, что это не было бы больно, но это, безусловно, было бы огромным возбуждением для нас обоих, ты бы подумала об этом?

Это меня раздражает. — Как это может быть *не* больно, когда ты бьешь меня голый рукой по голый заднице?

Доминирующий тон снова появляется. — Потому что я знаю, что делаю, вот как.

Все дыхание покидает мои легкие с хрипом, как будто из проколотой шины вытекает воздух. Оправившись, я спрашиваю: — Могу ли я подумать об этом?

— Конечно. И пока ты будешь думать, я заставлю тебя кончить.

И он спускается мне между ног, замечательный, замечательный мужчина.

Только он не замечательный, он дьявольский — все, о чем я могу думать, это о том, чтобы не шевелить руками. И что произойдет, если я это сделаю.

Именно так, как он задумал.

Он гладит языком вверх-вниз и вокруг, останавливается, чтобы просунуть палец внутрь меня. Затем он возвращается к поглаживаниям и сосанию, пока я закрываю глаза и беспомощно качаюсь на его лице.

Мои соски болят. Я не могу перевести дыхание. Мое сознание сужается до крошечного пучка нервов между моими ногами, пульсирующего под его языком, и ощущения его толстого пальца, медленно входящего и выходящего из меня.

Он тянется свободной рукой к моему твердому соску, прямо через бюстгальтер. Я дергаюсь, застонав.

— Тебе нравится? — бормочет он, его губы двигаются против моей киски.

— Да. Оба. Сделай это, пожалуйста.

Он знает, что я имею в виду, несмотря на то, что я сейчас не могу говорить. Выскользнув из меня пальцем, он тянется вверх обеими руками, вытаскивает мою грудь из бюстгалтера и гладит большими пальцами по твердым соскам. Когда я стону от удовольствия, он сжимает их.

— Вот так. Да, *вот так*.

— Все, что захочешь, дорогая, — шепчет он, опуская голову, чтобы снова сосать мой клитор, продолжая щипать и гладить мои соски.

Боже, как хорошо. Это невероятно. Все мое тело покалывает. Покалывает, пульсирует и вздрагивает. Волна интенсивного тепла излучается из моего ядра. Я уверена, что подожгу диван. Затем его зубы скребут по моему клитору, и я почти теряю сознание.

Наклонившись к его рту, я умоляю: — *Да, пожалуйста, не останавливайся, пожалуйста, не останавливайся, о Боже, я так близко...*

Только когда Джеймс замирает, я понимаю, что что-то не так. Когда я открываю глаза и смотрю на него, то понимаю, что именно.

Мои пальцы вцепились в его волосы. Это значит, что я опустила руки.

Это значит, что я не послушалась его.

Что — судя по его хитрой улыбке — было именно тем результатом, на который он надеялся.

Встревоженная, я говорю: — Подожди минутку...

— Поднимайся.

Он встает, поднимает меня за руки, потом садится и тащит меня лицом вниз на диван, мой живот лежит у него на коленях, а голая задница висит в воздухе. Прижимая одну руку к моим лопаткам, а другой сжимая обнаженную ягодицу, он игнорирует мое испуганное пищание и говорит: — Я не сделаю тебе больно. Я. Не. Сделаю. Тебе. Больно. Ты понимаешь?

Я пытаюсь посмотреть на него через плечо, но не могу подняться, потому что эта большая рука прижимает меня к земле. — Ты уже делаешь мне больно!

— Как?

Я отчаянно ищу слово, а потом решаю: — Психически!

— Я наношу вред твоей психике, — саркастически говорит он. — Действительно.

Он начинает медленно массировать мой зад, проводя рукой туда-сюда по моим ягодицам и сжимая, нежно поглаживая между моими разведенными бедрами.

Я застываю и на мгновение открываю глаза, прежде чем ответить. — Эм... да.

Он шепчет: — Лгунья, — и нежно сжимает мои половые губы.

Мое сердце колотится так сильно, что я не могу перевести дыхание. — Джеймс...

— Да, Оливия? — Спокойный. Заботливый. Он полностью контролирует ситуацию, и он это знает.

— Я... Я... — Пока он медленно растирает пальцами мое мокрое влагалище, я зарываюсь лицом в диванную подушку и закрываю глаза. Я шепчу: — Это вроде бы на самом деле приятно.

Его голос согревает смех. — Вроде?

Его пальцы скользят дальше и начинают гладить мой клитор. Лениво, нежно. Он не спешит переходить к шлепанию, и я тоже не спешу.

Его эрекция твердой выпуклостью упирается в мое бедро, но он не подает никаких признаков того, что его беспокоит что-то другое, кроме как успокоить и завести меня.

По собственной воле, мои бедра начинают двигаться в такт его пальцам.

Он отбрасывает мои волосы с лица и горячо шепчет: — Ты так красива. Ты возбуждаешь меня так сильно. Твоя прекрасная попка и киска делают мой член таким чертовски твердым, как и твое доверие.

Я хватаю ртом воздух и безумно дрожу. Мне кажется, что я схожу с ума.

Он нежно дергает меня за клитор. Я издаю тихий, несвязный стон наслаждения.

Своим темным, властным голосом Джеймс говорит: — Сейчас я отшлепаю тебя. Оливия. Шесть раз для начала, а потом я посмотрю, как ты справляешься. Ты готова?

Ужас зажигает все мои нервные окончания. — Не сильно, — умоляю я.

— Не сильно, дорогая, — обещает он. — Просто дыши.

В ту же секунду, когда он убирает руку, я напрягаюсь в ожидании того, что будет дальше. Мой разум взрывается паникой.

Что я, черт возьми, делаю? Это же глупо! Тебе тридцать восемь лет, Оливия, как ты можешь позволить мужчине взять тебя на колени и отшлепать, как маленькую непослушную...

ШЛЕПОК!

Ладонь Джеймса соприкасается с моей голой задницей со звуком, который кажется таким же громким, как выстрел. Я дергаюсь, вскрикиваю, мои глаза открываются, а тело застывает.

Джеймс напевает: — Дыши, — и гладит рукой место удара на моей заднице.

Я дрожу. От сплошного ужаса или от неистового возбуждения, я не уверена. Наверное, и от того, и от другого. Звук был хуже удара, но ни то, ни другое не могло сравниться со страхом, который накопился в моей голове, насколько все может быть плохо. Я ожидала боли, но это... ну, это *не* боль, но это не так больно для моей задницы, как для моего самолюбия признать, что я почти уверена, что мне это понравилось.

Как только Джеймс чувствует, что напряжение покидает мое тело, он наносит еще пять жгучих ударов по моей голой заднице, чередуя ягодицы, пока я визжу и корчусь.

Затем он останавливается и гладит меня рукой, поглаживая мою горящую кожу и бормоча похвалы.

Между ног у меня все намокло.

Он приказывает: — Поговори со мной.

Я пытаюсь перестать задыхаться достаточно надолго, чтобы говорить. — Я бы поговорила, если бы могла... сформировать... какие-то слова.

Он протягивает руку между моих ног и нежно исследует мои складки, растирая пальцами туда-сюда мой набухший клитор.

— О, блядь, — дышит он. — Ты такая мокрая. Тебе это понравилось, не так ли?

Возможно, это из-за трепетного тона его голоса. А может, это волны наслаждения, которые поднимают его умелые пальцы. Какой бы ни была причина, логическая часть моего мозга отключается, оставляя меня чувствовать себя дикой, раскованной и ослепительно живой.

Слова вырываются из моей груди одним длинным порывом.

— Да, мне понравилось, и я хочу, чтобы ты отшлепал меня, пока я не кончу, а потом я хочу, чтобы ты трахнул меня, пока я снова не кончу, а потом я хочу отсосать у тебя, пока ты не кончишь, а потом я хочу сделать все это с самого начала.

Будто издалека, я слышу низкое, животное рычание, прорывающееся из его груди. Затем он переворачивает меня, устраивая между своими раздвинутыми бедрами. Он крепко целует меня, одной рукой сжимая мои волосы, а другой обхватывая мое горло, пока я дрожу и скулю от желания.

— Это была самая сексуальная вещь, которую я когда-либо слышал, но сегодня я не собираюсь тебя трахать, — грубо говорит он, отрываясь от моих уст и тяжело дыша, глядя мне в глаза. — Ты сказала, что не хочешь прыгать со мной в постель, и я это уважаю.

Мои глаза расширяются от ужаса. — Нет, я этого не говорила. Кто бы это ни сказал, это глупый, глупый человек.

— У меня все равно нет презерватива.

И я не принимаю противозачаточные средства, так что это однозначно никуда не годится.

Я закрываю глаза и кладу голову ему на плечо, пряча лицо. Меня пронизывает разочарование. Голодная боль между ног ноет от потребности.

— Но мы еще не закончили, — шепчет он, работая над ремнем на моих запястьях.

Он снимает его и бросает на пол, потом дергает за подол моей футболки. Я поднимаю

руки над головой, и он стягивает с меня футболку и отбрасывает ее в сторону. Он быстро расстегивает крючки моего бюстгалтера и тоже отбрасывает его в сторону, затем стягивает с меня джинсы и трусики, после того, как я сбрасываю туфли.

Затем я сижу голая у него на коленях, отдыхая в кругу его сильных рук.

Он начинает ласкать меня, мою грудь, руки и бедра, целует меня, гладит и сжимает во всех моих мягких, сокровенных местах, вздыхает мне в губы, когда я выгибаюсь назад и раздвигаю бедра.

Я в густом, сладком оцепенении от наслаждения.

Меня никогда так не ласкали. Уж точно не кто-то, кто выглядит так, как он, или тот, для кого сам акт исследования и оценки моего тела кажется таким священным. Он изучает мои изгибы руками, набрасывает холмы и долины моей плоти своими жадными глазами. Я никогда не видела, чтобы мужчина выглядел таким восторженным. Таким очарованным и соблазненным.

Проще говоря, это опьяняет.

— Мне нравится, как ты смотришь на меня, — прошептала я, когда он зачарованно смотрел на свою руку, сжимавшую мою грудь. Любая застенчивость, которую я могла иметь относительно своего тела, испаряется от того, как его глаза впитывают меня в себя.

Он поднимает свой взгляд на меня. Интенсивность эмоций, отраженных в его глазах, ошеломляет. На одно мгновение у меня перехватывает дыхание.

— И я люблю смотреть на тебя, прекрасная Оливия, — шепчет он в ответ, его голос хриплый, — Это привилегия, которой я не заслуживаю, но за которую я очень благодарен.

В моем горле образуется комок. Что-то в груди сжимается. Я вдруг чувствую, что сейчас заплачу.

Он знает. Я знаю, что знает, потому что он обнимает меня и крепко прижимает к себе, целует в шею, плечо и нежно покачивает. Я не понимаю, что происходит, почему это вдруг должно ощущаться... так *сильно*.

Но это так. Что бы ни происходило между нами, это чувствуется большим.

Это чувствуется по-настоящему.

И это пугает.

Когда я вдыхаю с перебоями, он шепчет мое имя. Это звучит как молитва.

Затем он снова целует меня, страстно, издавая низкие звуки глубоко в горле. Я обнимаю его широкие плечи и прижимаюсь к нему, втягивая воздух через нос, когда его ловкие пальцы находят мой центр.

Он снимает подушку со спинки дивана и перекладывает ее на другое место. — Откинься назад.

Я откидываюсь на спину, вытягиваясь на подушке и поднимая руки над головой, чтобы вся я была доступна ему.

Голубые глаза горят, он бормочет: — Господи. Посмотри на себя.

Я никогда не чувствовала себя такой красивой. Красивой, женственной и сильной, и все потому, что этот прекрасный мужчина поклоняется мне своими собственническими руками и жадными глазами.

Он наклоняется надо мной, обхватывает мою грудь и втягивает один из моих сосков в свой голодный рот. Пока он кружит языком вокруг, время от времени останавливаясь, чтобы пососать, я погружаю пальцы в его волосы и выдыхаю прерывистый вздох, мое сердце бьется, как молот.

Стук усиливается, когда Джеймс шепчет мне под кожу: — Я хочу отшлепать твою киску.

Он поднимает голову и смотрит на меня, ожидая ответа.

Вместо слов я просто выдерживаю его взгляд и раздвигаю бедра.

Его веки дрожат. Он увлажняет губы. Пульс на его шее бешено бьется.

Я не уверена, кто из нас больше возбужден, он или я.

— Обещаю, я не сделаю тебе больно.

Я шепчу: — Я знаю.

Каким-то образом, я действительно имею это в виду.

Он целует меня, нежно, закрыв глаза. Когда он открывает их снова, все тепло, которое я чувствовала несколько минут назад, превратилось в нечто другое.

Что-то темнее... и гораздо опаснее.

Электричество потрескивает по моей коже, покрывая мою плоть мурашками. В тот же миг, когда Джеймс поднимает руку, я перестаю дышать, мои глаза расширяются, а сердце взрывается маленькой животной паникой.

Его рука молниеносно опускается вниз. Он ловко бьет меня между расставленными ногами.

Мощная ударная волна наслаждения пронизывает меня насквозь.

Я стону, выгибаясь, мои веки смыкаются, а бедра раздвигаются шире.

От моей реакции Джеймс тяжело вдыхает. Затем он выпускает поток самых горячих, самых грязных слов, которые я когда-либо слышала, произнесенных сквозь зубы, когда он снова шлепает меня. И еще раз.

И еще раз.

Обезумев, я кричу, извиваясь, как дикое животное, выпущенное из оков. Любый стыд, который я могла бы почувствовать, отсутствует. Есть только пульсирующее влажное тепло между моими ногами, непостижимое наслаждение от того, что его твердая рука соприкасается с моей нежной плотью, и гипнотический звук его голоса, когда он хвалит меня и рассказывает обо всем, что чувствует, в наиболее шокирующе непристойной и насквозь эротической речи.

— *...так чертовски хороша, что я не могу дождаться, чтобы трахнуть эту сладкую киску...*

Моя кульминация наступает в серии сильных сокращений, которые заставляют меня кричать.

— *...почувствовать, как мой твердый член входит глубоко в тебя...*

— Джеймс! Джеймс!

— *...и кончить в эту прекрасную мокрую киску.*

Я рыдаю, переполненная ощущениями, забыв обо всем, кроме его голоса и конвульсий, раздирающих мое тело, зная в скрытом темном уголке моего мозга, что каждый из нас высвободил что-то в другом. Что-то давно подавленное или забытое, какую-то безымянную, мощную силу, которая только время покажет, хорошая она или плохая.

Эта случайная летняя интрижка способна сжечь целый город и оставить после себя тропу дымящихся руин.

Потом все заканчивается, и он целует меня.

А я, заплаканная, дрожащая, лежу у него на коленях.

— Тише. Милая, с тобой все в порядке. Все хорошо. Обними меня руками.

Его слова сейчас такие нежные. Такие нежные. Контраст разрывает меня на куски еще больше. Он обнимает меня, прижимает к груди и начинает качать, проводя руками по моим волосам и спине.

— П-прости. Я не знаю, почему я плачу. — Я икаю, шмыгаю носом, уткнувшись лицом в его шею.

Он говорит тепло: — Потому что я бог секса. Очевидно.

Я начинаю смеяться сквозь слезы. — Я могла притворяться, ты, эгоманьяк.

Он поднимает мою голову пальцем под подбородок и заглядывает мне глубоко в глаза. Проводя большим пальцем по моей мокрой щеке, он шепчет: — Только ты не притворялась, дорогая.

То, как он продолжает называть меня дорогой, выводит из строя мой мозг.

Или мое сердце?

— Поговори со мной, — говорит он, касаясь своими губами моих. — Ты вся в своих мыслях. Как ты себя чувствуешь?

— Я чувствую себя... — *Напуганной. Растерянной. Удовлетворенной.*

Измотанной. И мне нужно пописать. — Хм... я чувствую себя хорошо.

Джеймс удивил меня, откинув голову назад и засмеявшись.

— Что? — спрашиваю я, немного защищаясь.

— Я думаю, что единственный раз, когда ты непоколебимо честна со мной, это когда я держу свою руку между твоих ног, вот что. Хочешь попробовать еще раз?

Я бормочу: — Перестань так улыбаться мне. Мне нелегко говорить о своих чувствах.

Его улыбка исчезает. Со скоростью щелчка двух пальцев он становится хмурым, глядя на меня с насупленными бровями. — Я знаю. Мне очень жаль. Я не хотел тебя расстраивать.

Я смотрю на него, беспомощная перед разрушительным сочетанием сладкой чувствительности и грубой мужественности. *Как этот идеальный мужчина может быть одиноким?*

Я опускаю голову ему на грудь и вздыхаю. — Ладно, начнем. Для начала, я чувствую себя — физически — потрясающе. Я имею в виду, вау, Джеймс. Ты превратил меня в дымящуюся кучку пепла. Это было невероятно интенсивно.

Когда я делаю паузу, он тихо говорит: — Я рад. Спасибо, что доверилась мне. Это много для меня значит. Ты даже не представляешь, насколько это особенно, и как сильно меня заводит смотреть, как ты распадаешься под моими руками.

Я удивленно качаю головой. — Кто-то подает тебе реплики через наушник, не так ли? У тебя есть команда сценаристов на связи 24/7, и прямо сейчас они неистово черкают самые возмутительные романтические вещи, которые только могут придумать, и шепчут их тебе на ухо. Да?

— О, да, — говорит он серьезно, — Стоит это, кстати, копейки, но оно того стоит.

Когда я поднимаю взгляд на его лицо, он кусает нижнюю губу и изо всех сил старается не улыбаться.

Он так красив, что больно.

В полумраке квартиры, где только лунный свет и городские огни, проникающие сквозь окна, освещают его лицо, он похож на нечто из сна. Частично миф, а частично человек, ангел, который пришел во всей своей темной красоте, чтобы ослепить меня своими чарами.

Прилив эмоций, который я почувствовала ранее, возвращается и начинает расширяться в моей груди. Мое сердцебиение ускоряется. Я испытываю странное ощущение невесомости,

будто сила тяжести исчезла и я плыву в космическом пространстве, и ничто не прижимает меня к земле.

Его взгляд останавливается на моем, и эти голубые, голубые глаза... они делают то, что умеют лучше всего.

Обжигают.

— Расскажи мне остальное, — требует он грубым тоном, без всякого намека на дразнилку, — Расскажи мне, что ты чувствуешь в эту секунду.

Мои губы раздвигаются. Я шепчу слова, глядя в безграничную глубину его глаз.

— Все, что я думала, что больше никогда не почувствую.

Его лицо искажается. Он выглядит так, будто я только что ударила его ножом в живот.

Когда он отводит взгляд, делая глубокий вдох, я холодею от ужаса. *Что я, черт возьми, натворила?*

— Теперь моя очередь извиняться, — жестко говорю я, пытаюсь сесть. — Это было слишком. Мы не должны были переходить к личным...

— Прекрати.

Он хватается за руки и удерживает на месте так, что я не могу встать. Мы сидим молча, я слушаю его неровное дыхание и наблюдаю за тем, как неравномерно поднимается и опускается его грудная клетка. Затем он плотает и медленно выдыхает, и я замечаю, как сильно он пытается держать себя в руках.

— То, что мы только что сделали, настолько личное, насколько это возможно, независимо от того, обменяемся мы историями или нет. — На его челюсти сгибается мышца. Его голос становится гравийным. — Мне нравится, что ты это сказала. Это было просто... неожиданно. — Его глаза закрываются. — Это все неожиданно. Боюсь, я не очень хорошо с этим справляюсь.

Меня охватывает стыд. Я сгораю от него. Вся моя кожа шелушится, разъедается кислотой унижения.

Я взяла что-то безумно сексуальное и веселое и превратила это в мелодраму, и за это мне хочется ударить себя в лицо.

— Думаю, я тоже, — говорю я сдавленным голосом. — Возможно, это была плохая идея.

Он поворачивает голову и смотрит на меня тем же проницательным взглядом. — Нет, это не плохая идея, — говорит он, прижимая меня ближе к своей груди. — Пожалуйста, не говори так.

Я хмурю брови, крайне смущенная. — Джеймс, ты должен мне помочь. Ты просил меня быть абсолютно честной с тобой. Ты просил меня рассказать тебе о своих чувствах, и я рассказала. Из-за чего ты испугался. Потом я испугалась, потому что ты испугался. А теперь... — Я разочарованно пыхчу, — Я, честно говоря, не знаю, *что* сейчас происходит.

Он прижимается щекой к моему лбу и тихо вздыхает, прижимая меня к себе и кладя мою голову на изгиб своей шеи. — То, что происходит, это то, что я долбаный идиот.

Когда становится очевидно, что это единственное объяснение, которое я могу получить, я пьяно говорю: — О, хорошо. Это все объясняет, спасибо.

Он поднимает голову и бросает на меня горячий взгляд. — Кто-то хочет, чтобы ее отшлепали по заднице.

Я мило улыбаюсь ему. — Нет, вообще-то я хочу бандаж для шеи, потому что эти твои перепады настроения вызывают у меня серьезные проблемы со здоровьем.

Я уже собираюсь добавить еще одно остроумное замечание вроде “Ты забыл принять лекарства?”, когда понимаю, что это может быть законным вопросом.

Он может быть под действием лекарств. Он может быть совершенно не в своем уме, насколько я знаю.

Его глаза сужаются. — Если ты думаешь, что я серийный убийца или что-то в этом роде, то ответ — нет.

Я выдыхаю. *Как, черт возьми, он может читать мои мысли?*

— Я просто не в себе, Оливия. В этом нет ничего зловещего. Я тебе не угрожаю. Я просто очень испорчен, и я больше не знаю, как быть нормальным, и я надеюсь... то есть, я хочу... — Он тяжело выдыхает, а потом бормочет:

— Пиздец.

От того, как он выглядит таким несчастным, и от того, как негативно он думает о себе, я чувствую комбинированный удар грусти и материнского инстинкта прямо в солнечное сплетение.

— Эй, — шепчу я, беря его лицо в ладони. Его щеки горячие. Щетина на челюсти щекочет мои ладони. — Быть не в себе? С этим я могу смириться. Если хочешь знать правду, мы с этой шгукой лучшие друзья. Так что не расстраивайся из-за этого. Пожалуйста, не жалей ни о чем.

— Для меня это тоже совершенно неожиданно, но я думаю, что ты удивительный. Я чувствую себя прекрасно, когда я с тобой. — Я делаю паузу на мгновение. — На самом деле я чувствую себя истеричкой, на грани психического срыва или обширного сердечного приступа большую часть времени, когда я с тобой, но в хорошем смысле, если это имеет смысл. Ты заставляешь меня чувствовать...

Я должна остановиться, чтобы подобрать нужное слово. Оно приходит ко мне вместе с глубоким чувством удивления.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя *живой*.

В слабом свете глаза Джеймса сияют, как драгоценные камни. Его адамово яблоко колеблется, когда он глотает. Его руки, крепко прижатые ко мне, дрожат. Так же, как и его голос, когда он говорит: — Точно так же.

Три слова. Три слога. Но это передает его настоящие эмоции четче, чем если бы он продолжал и продолжал.

Я представляю себе веревку, высоко и туго натянутую над бездонной темнотой, тянущейся так далеко вдаль, что я не вижу ее конца. Воздух тихий и неподвижный, но напряженный ожиданием, как затаенное дыхание.

Единственный звук — грохот моего сердцебиения в ушах, когда я сосредоточенно смотрю на тонкий шнур, ждущий моего решения. Ожидая, развернусь ли я и сойду с высокой платформы, на которой стою, или сделаю шаг вперед и прижму его весом своей ноги.

Если я собираюсь прекратить отношения с Джеймсом, я должна остановиться сейчас. Я должна сказать ему, что это слишком много, слишком рано, слишком опасно, чтобы играть с ним. Сказать ему, чтобы он ушел.

Вместо этого я снимаю одну босую ногу с платформы безопасности, на которой стою, и выхожу на веревку.

Часть II

□□□□ □□□□ □□□□

Когда вы начинаете жить вне себя, все это опасно.

Эрнест Хемингуэй

Я просыпаюсь постепенно, подплывая к сознанию, как на мягком шепчущем облаке. Когда я открываю глаза, то лежу на спине в постели, голая, но укрытая простыней. Раннее утро. Жемчужно-серый свет просачивается сквозь шторы, освещая края комнаты.

Я одна.

Я делаю паузу, чтобы просто вздохнуть и восхититься этим новым сияющим ощущением счастья.

Прошлой ночью Джеймс отнес меня к кровати. Поднял меня на руки с дивана и понес в спальню так легко, как будто я была ребенком. Он положил меня на простыни, а потом свернулся сзади, выгнув наши тела вместе и крепко обняв меня за талию, уткнувшись носом в мои волосы. Я заснула, слушая звук его равномерного дыхания.

Но теперь я просыпаюсь, а на подушке рядом со мной лежит книга, развернутая, с желтой запиской, приклеенной к одной из страниц.

Я сажусь, беру книгу и смотрю на записку. Аккуратным почерком там написано: “Как ты можешь говорить, что это худшая фальшивая библейская проза? Это лучшая фальшивая библейская проза за всю историю.”

Это книга "По ком звонит колокол" Хемингуэя. Джеймс, должно быть, взял ее из библиотеки Эстель.

Записка приклеена прямо под репликой, которую я высмеяла за ужином: “А теперь почувствуй. Я — это ты, а ты — это я, и все одно — это другое. А теперь почувствуй. У тебя нет другого сердца, кроме моего.”

Мой мир, видимо, наклонился вокруг своей оси, потому что должна признать, что на данный момент эти слова выглядят чертовски хорошо.

Потом я останавливаюсь и думаю, сколько времени, должно быть, понадобилось Джеймсу, чтобы найти эту книгу в большой и неорганизованной библиотеке Эстель. А когда он ее нашел, сколько времени ему понадобилось, чтобы отыскать ту самую цитату. Знал ли он наизусть, на какой странице она находится?

— О нет, — говорю я вслух, встревоженная, — Хемингуэй — *его любимый писатель?*

Нам придется серьезно поговорить об этом. Я не знаю, смогу ли продолжать играть с человеком, чей любимый автор когда-то сказал, что единственными настоящими видами спорта являются альпинизм, коррида и автогонки.

Я имею в виду, да ладно. Сильно мачо?

Лично я думаю, что он чрезмерно компенсировал какое-то глубоко укоренившееся чувство неполноценности, но это только мое мнение.

Откуда ни возьмись, вспышка вдохновения. Полностью сформированная сцена появляется в моем воображении. Она четкая, как картинка, внезапная, как пощечина, и сопровождается жгучим приливом адреналина.

Я вскакиваю с кровати и бегу гольшом в библиотеку, где бросаюсь на стул перед большим письменным столом, хватаю карандаш, где бросила его во время последней попытки писать, и начинаю неистово скрести на желтом листе бумаги в клеточку.

Я останавливаюсь только через три часа, когда мою правую руку начинает сводить судорогой.

Измотанная и потрясенная, я откидываюсь на спинку стула и перелистываю

написанные страницы.

Редко когда вдохновение налетает на меня вот так, одним махом, с такой детализацией персонажей, диалогов и сцен. Обычно написание — это изнурительный процесс, целые рукописи заполняются страница за страницей, пока я побеждаю свою природную неуверенность в себе и лень. Но это...

Это то, что писатели называют потоком, состояние полного погружения, когда время теряет всякое значение, а слова льются, как вода из крана, а ты не прилагаешь больше усилий, чем нужно кроме, чтобы моргнуть.

Приглушенный звук телефонного звонка наконец заставляет меня подняться со стула.

Я ступаю в гостиную, паркет прохладный и гладкий под моими босыми ногами. Найдя свою сумочку на полу в фойе, я достаю из нее мобильный телефон и улыбаюсь, когда вижу номер на экране.

— Подруга, — говорю я после ответа, — надеюсь, ты сидишь, потому что то, что я тебе скажу, выбьет ковер из-под твоих ног.

Келли кричит: — Боже мой! *Ты делала секс с Джеймсом?*

Она всегда использует глаголы таким уникальным образом: “делать секс” вместо “заниматься сексом”. Ее мужа это раздражает, но я считаю, что это мило.

Я спрашиваю скромно: — Я не знаю... что ты понимаешь под сексом?

— Когда наружный орган входит во внутренний! О!

Я закатываю глаза и возвращаюсь в спальню, чтобы найти, что надеть. — Гениталии — это не пупки, чудачка, но по этому твоему определению — нет, мы не занимались сексом.

Она звучит смущенно. — Что-то его входило во что-то твое?

— Да.

Тогда взволнованный вздох: — О, Боже, расскажи мне скорее. — Она делает паузу. — Если это не касается пальцев ног. Я не хочу ничего слышать о сексе пальцами ног. Это просто отвратительно.

Морщась, я говорю: — Секс с пальцами ног? Это вообще существует?

— Детка, ты даже не представляешь. Помнишь, я сказала, что погуглила для тебя о сексе? Так вот, я это сделала. И там есть целый *мир* извращений, о которых я даже не подозревала. Ты знала, что некоторые люди получают удовольствие от того, что по ним ползают жалящие насекомые? От этого я бы просто обосралась, а не кончила.

Я не могу удержаться и начинаю смеяться. — Я же говорила тебе держаться подальше от Google, дура!

— И ты была права. После некоторых фотографий, которые я увидела, мне понадобится длительная психотерапия.

Я хватаю халат с крючка на задней стенке двери ванной комнаты и кутаюсь в него, передвигая телефон с одного уха на другое. Когда мой желудок громко урчит, я иду на кухню, чтобы найти что-то поесть.

— Обещаю тебе, что не было никаких насекомых или пальцев ног, ладно?

— Ладно. Я сейчас сижу, так что давай, рассказывай, что случилось. И не пропускай ничего сочного. Я здесь живу из-за тебя.

Я открываю холодильник и заглядываю в него. — Ну, для начала он шлепал меня по киске, пока я не кончила так сильно, что аж заплакала.

Я слышу громкий удар и думаю, не упала ли Келли со стула.

Она кричит: — *Ты издеваешься надо мной? Ты, блядь, издеваешься надо мной?*

— Клянусь Богом, подруга.

— Ты перешла от того, что тебе не нравятся другие позы, кроме миссионерской, к тому, что тебя шлепают по вагине? *И называешь свою вагиной киской?* Что, блядь, этот мужчина с тобой сделал? Одно свидание и вдруг ты уже Ребекка Де Морней в "Рискованном бизнесе"?

Я говорю: — Хватит быть такой шокированной, бабуля. Позволь заметить, что ты только что употребила слово "блядь", не прошло и десяти секунд. Так что я не единственная, кто нецензурно выражается в этом разговоре. И ты больше говоришь о себе со ссылкой на этот фильм.

Она отвечает: — Ну, извини, что я не знаю ни одного нового фильма о проститутках.

Я хватаю банку газировки, откручиваю крышку и выпиваю половину за один раз. — Я не могу быть Джулией Робертс из "Красотки"? Или как там назывался тот фильм с Николасом Кейджем, где он алкоголик, и в него влюбляется хорошенькая блондинка-проститутка?

— "Покидая Лас-Вегас!" — кричит Келли. — И какого черта мы говорим с проститутках?

— Эй, ты же сама об этом заговорила. — Я выпиваю оставшуюся банку содовой, подавляя отрыжку.

Через линию доносится какое-то бормотание и раздраженное ворчание, потом Келли говорит, — Если ты не расскажешь мне в мельчайших подробностях, что произошло прошлой ночью, от начала до конца, я увольняю тебя с должности моей лучшей подруги.

Она звучит серьезно, поэтому после короткой паузы, чтобы собраться с мыслями, я рассказываю ей все.

Когда я заканчиваю, в трубке воцаряется тишина.

— Алло?

— Я все еще здесь, — едва слышно отвечает Келли.

— И что? Что ты думаешь?

— Что я думаю? Что я *думаю*? Я думаю, что я бы столкнула собственную мать с лестницы, чтобы провести десять минут наедине в комнате с этим твоим жеребцом. Господи Иисусе, Оливия. Говоря о *напряжении*.

Я закрываю дверцу холодильника и выхожу из кухни в гостиную, отвлекаясь от голода на воспоминания о прошедшей ночи. Воспоминания о прекрасном лице Джеймса и всех эмоциях, сияющих в его глазах.

— Я знаю, — тихо говорю я. — Это довольно сюрреалистично.

— Сюрреалистично — это точно! — Она хохочет, звучит на грани истерики. — Он не снял штаны! Как это вообще возможно для мужчины? У него на коленях оргазмирует голая женщина, а он не снимает штаны? Говоря о сверхчеловеческой силе воли! Майк срывает с себя всю одежду и набрасывается на меня, если я хотя бы вздохну в его сторону.

Я на мгновение задумываюсь над этим. — Возможно, его пенис проколот, и он знает, что я потеряю сознание, если увижу это, поэтому пытается облегчить мне все, давая один оргазм за раз.

Келли фыркает. — Что ж, езжай на своей толстой проколотой анаконде, сестра, и убедись, что делаешь хорошие заметки, потому что отныне я буду жить ради ежедневных эпизодов *Оливия получает шлепки вагины* в главной роли — красавчик Джеймс, грязный болтливый художник.

Я растворяюсь в смехе. — Ты сумасшедшая.

Ее голос становится сухим. — Двадцать лет брака с мужчиной, который считает, что прелюдия — это стоять на краю кровати и втыкать свой член мне в лицо, когда я засыпаю, сделает любую женщину сумасшедшей.

— Фу.

— Да, даже не начинай. Но послушай.

Изменение в ее тоне заставило меня забеспокоиться. — Что?

— Просто... будь осторожна. Я знаю, что ты установила основные правила, и вы оба согласились, что это не будет личным, но секс имеет свойство все усложнять. Я не хочу видеть, как тебе делают больно.

Слабый предупредительный звоночек раздается в глубине моего сознания, тот самый настоящий сигнал тревоги, который я слышала прошлой ночью, когда распадалась на части в объятиях Джеймса. Я отталкиваю его в сторону.

— Не волнуйся. Мои глаза широко открыты. Я действительно думаю, что это пойдет мне на пользу. Так сказать, развеет паутину. Я проснулась сегодня утром и написала пять глав новой книги.

Возбужденный возглас Келли пронзительно звучит в ушах. — Это удивительно!

Я улыбаюсь. — Я знаю. Я чувствую себя очень хорошо. Это очень отличается от моей обычной работы, но я думаю, что это может быть одна из моих лучших работ.

— Черт возьми, Оливия, я так рада за тебя! Это именно то, ради чего ты поехала в Париж! Кто же знал, что все, что тебе нужно, это какой-то легендарный член, чтобы запустить твой мозг?

Ее волнение заразительно, и я снова смеюсь. — Технически, у меня еще не было его легендарного члена, только легендарный оргазм.

— Боже, подумай, что произойдет, когда у тебя будет половой акт с этим парнем! Ты можешь написать следующий великий американский роман. Если ты получишь Пулитцеровскую премию, тебе придется выйти на сцену и отдать всю славу прекрасному пенису твоего отпускного любовника.

Я представляю себя в вечернем платье на сцене в переполненном амфитеатре, принимаю награду от нарядного джентльмена в смокинге, затем поднимаюсь на подиум, чтобы произнести сердечную речь благодарности вдохновенным гениталиям Джеймса, а зрители смотрят на меня с разинутыми ртами.

Изображение прерывается, когда раздается очередной звонок. Когда я смотрю на экран, то вижу, что это Джеймс.

— Кэлл, звонит мистер Легендарный Член. Я могу тебе перезвонить?

— Поговорим завтра. И не забудь сделать *хорошие заметки*.

Она заканчивает разговор, оставляя меня улыбаться. Я переключаюсь на Джеймса.

— Алло?

— Ты улыбаешься, — говорит он, его тон теплый.

Я поворачиваюсь и смотрю в окно гостиной. — Откуда ты это знаешь? Ты сейчас смотришь на меня в бинокль?

— Я слышу это в твоем голосе.

— О, правда?

— Да, правда. А ты знала, что когда спишь, ты похожа на ангела?

Тепло разливается по моим щекам. Я подхожу к дивану и сажусь, глядя рукой место на средней подушке, где Джеймс держал меня на коленях. — Я не верю, что кто-то делал такое

наблюдение раньше, нет.

— Ну, это правда. Порнографический ангел, если таковой существует. Я боялся, что мне придется обратиться к врачу сегодня, потому что мой член оставался твердым всю ночь.

Я шепчу: — Я это заметила.

Через некоторое время он хрипло шепчет в ответ: — Ты такая чертовски красивая. Твоя кожа заставляет меня плакать.

Я улыбаюсь, неистово краснея. — Я знаю, что это строчка из песни, Ромео.

— Проклятие. Ты поймала меня. У моих сценаристов перерыв. Но бонусные баллы за старание?

— Ты не звучишь так, будто тебе жаль, поэтому никаких бонусов.

— Хм. А если я скажу, что у меня сейчас стоит только от того, что я слышу твой голос?

— Менее романтично, но более реалистично. Я дам тебе один балл.

Его голос становится дразнящим.

— О, ты хочешь *романтики*, да? А я думал, что ты за мной только из-за моего тела.

— Твое невероятное тело, да, к сожалению, это все, что меня интересует. Кстати, я хотела тебя кое о чем спросить.

— О чем?

— О татуировке на твоём плече. Прошлой ночью было слишком темно, чтобы я могла ее прочесть. Что там написано?

Его колебания — это внезапный треск напряжения за гранью. — *Duris dura fraguntur*.

Это латынь, это я знаю наверняка. По изменению в его голосе я также знаю, что ступила на опасную территорию, но ничего не могу поделать, чтобы не ступить дальше. Мое любопытство слишком сильно. — Что это значит?

Он отвечает тихим голосом. — Твердые вещи ломаются твердыми вещами.

Я думаю о простом курсивном тексте, вытатуированном на округлой мышце его плеча. Под ним — два таинственных ряда коротких черных линий, похожих на штрих-код.

Меня охватывает жуткая тревога, будто кто-то переступил через мою могилу.

— Ох.

Мы сидим в неловком молчании, пока он не говорит: — Я заметил, что у тебя нет татуировок.

Это настолько элегантный переход, насколько это возможно, учитывая обстоятельства, поэтому я продолжаю. — Я не большой поклонник игл.

Его голос становится теплее. — Это точно. Ты же говорила, что не любишь боль.

— Какую бы то ни было. Когда дело доходит до физической боли, я как большой ребенок. Задира может довести меня до слез.

— Так же, как и оргазм.

Я знаю, что он только дразнится, потому что его тон удивительно мягкий, но все равно мне неловко. Мои уши начинают гореть.

Он догадывается, почему я молчу. — Не стесняйся. Я надеюсь, что отныне и до сентября ты будешь плакать как можно чаще.

Представляя, как я плачу каждый раз, когда он касается меня, я начинаю нервничать. Опустив голову на руки, я стону. — У меня плохое предчувствие, что мне понадобится много салфеток.

Он смеется. — Мы пойдем в один из тех больших магазинов, запасемся ими.

— Судя по тому, как ты меня нервируешь, нам придется запастись еще и нюхательной

солью. Я каждый раз теряю сознание, когда вижу тебя.

— Как думаешь, у них есть дефибрилляторы? Потому что мне, наверное, когда-нибудь понадобится такой. Рано или поздно, учитывая то, что случилось с моим сердцем, когда я увидел, как ты кончала. — Его голос становится грубым. — Я не могу дождаться, когда снова возьму тебя в рот. Мне снились сны о том, какая ты сладкая на вкус. Когда я проснулся, мой член пульсировал.

Его голос такой горячий, что я начинаю потеть. Он не единственный, кому может понадобиться дефибриллятор.

Я едва слышно говорю: — Здесь тоже начинает пульсировать.

Он издает этот волчий звук, который я нахожу таким странным образом возбуждающим. — Твоя киска намокла, Оливия?

Он обожает это слово: киска. Признаюсь, оно никогда не было моим любимым, но из его уст, когда он произносит его с такой мужской потребностью, оно в последнее время приобретает все большую популярность.

— Да. Когда я могу тебя увидеть? Я хотела бы отплатить тебе за тот невероятный оргазм, который ты подарил мне прошлой ночью.

Его резкий вдох говорит о том, что потребность в моем голосе влияет на него так же, как потребность в его голосе влияет на меня.

— Я должен уехать в Германию на несколько дней, но вернусь в пятницу. Пообедаем?

— Конечно. — Я горжусь собой за то, что не спросила, что там в Германии, ведь вся эта идея не переходить на личности была моей идеей, в конце концов.

— Ладно. Я заеду за тобой в пять.

— Кажется, немного рановато для ужина.

— Сначала я хочу отвезти тебя в одно место.

— О, таинственность. Мне нравится.

— И Оливия?

— Да?

— Надень платье.

Он кладет трубку, оставляя меня с дрожащими руками, учащенным пульсом и воображением, которое прокручивает все возможные сценарии того, почему он хотел, чтобы я надела платье.

Очередная вспышка вдохновения заставляет меня бежать обратно к библиотеке и желтому блокноту в клеточку.

Я не встаю из-за стола, пока не темнеет.

Глава 11

Следующие три дня я провожу в состоянии анабиоза, закрывшись в квартире, пишу в слепом, навязчивом безумии, игнорируя внешний мир. Меня поглощает история, и мне трудно оторваться от страницы даже для того, чтобы поесть или поспать.

Я будто одержима персонажами. Или, точнее, я *стала* ими. Я вижу то, что видят они. Чувствую то, что они чувствуют. Когда они грустные, счастливые или растерянные, я тоже. Они появились в моем мозгу настолько объемными и полными, будто я знала их всю свою жизнь.

Они кажутся мне более реальными, чем некоторые люди, с которыми я связана.

Ничто из этого не кажется мне странным, только фантастическим. В моей голове включился и начал бить кран. Запертая дверь распахнулась настежь.

Наконец, после более чем двух лет, вернулось то, что делает меня собой.

Вместе с этим пришло глубокое чувство облегчения.

Я не позволяла себе думать о том, что случилось бы, если бы я навсегда потеряла способность писать истории. Мысль о жизни без творчества слишком ужасна, ведь я собственными глазами видела, что происходит с художниками, когда они больше не могут творить.

Они увядают и умирают.

Но сейчас я чувствую себя очень живой. Живой и *горящей*.

Когда в пять часов в пятницу звонят в дверь, я иду к ним с улыбкой, раскалывающей мое лицо от уха до уха. Улыбка умирает от шока, когда я открываю дверь и вижу, что там стоит Джеймс.

На нем роскошный черный костюм, дорогой на вид, вероятно, сшитый на заказ, поскольку он облегает каждый контур его крупной фигуры. Его белая одежда расстегнутый на воротнике, чтобы лучше продемонстрировать сильный, загорелый столбик горла. Его шелковый карманный галстук тоже белый, его улыбка маленькая и загадочная, а в глазах голод, как у одичавшего волка.

Глядя на него, я едва слышно говорю: — О.

Он опускает взгляд на себя. — Что случилось?

— Ничего. Я просто никогда не встречала мужчину, который мог бы сделать так, чтобы костюм выглядел так сексуально. — Я машу рукой в воздухе. — Это как... костюмированное порно. Если бы я тебя сфотографировала и отправила своей подруге Келли, ее яичники взорвались бы.

Он прижимает ладонь к двери и толкает ее шире, подходит ближе, затем берет меня в объятия. Наклонив голову, он нежно прижимает свои губы к моим. — А что делают твои яичники?

Крепко обнимая его широкие плечи, я, затаив дыхание, говорю: — Ча-ча-ча. Но они только что заметили ту твердую выпуклость в твоих штанах, которая давит на мое бедро, и теперь они вот-вот потеряют сознание.

Он медленно и злобно улыбается. — Мы не можем этого допустить. Давай дадим им что-то, чтобы они не потеряли сознание.

Его губы впиваются в мои в глубоком, страстном поцелуе.

Хотя мы были в разлуке всего несколько дней, мы оба, видимо, проголодались друг по

другу, потому что стоим так бесчисленное количество минут, наши тела и языки сплелись, пока мы оба не начинаем тяжело дышать, а я не погружаю пальцы в его волосы и не прижимаюсь к нему. Я уверена, что только сила его рук удерживает меня в вертикальном положении.

Затем он отрывается, оставляя меня задыхаться.

— Привет. — Его голос низкий, грубый и теплый от подавленного смеха.

Я открываю глаза и вижу, что он улыбается мне, его роскошные голубые глаза полуприкрыты и мерцают от веселья.

Я пробормотала: — И тебе привет. И прекрати смеяться надо мной. Я не виновата, что ты такой сексуальный.

Он наклоняется, хватая меня за задницу и сжимает. — Это не я тут сексуальный, дорогая. Ты выглядишь абсолютно съедобной.

— Я позаимствовала это у Джиджи.

Когда он выгибает брови, я говорю: — Ты сказал надеть платье, но у меня есть только то синее платье, которое ты уже видел, и у меня не было времени ходить по магазинам, потому что я погрязла в работе, поэтому я позвонила Эдмонду сегодня днем и попросила ее номер телефона. Я подумала, что мы могли бы носить примерно одинаковые размеры.

Платье, которое Джиджи одолжила мне, — это красное шелковое платье без рукавов с глубоким декольте, которое мне пришлось скрепить булавкой, чтобы грудь не выпала. Ее декольте, бросающее вызов гравитации, вероятно, удерживает вырез на месте без посторонней помощи, но моему нужно немного помочь.

Обхватив одной ладонью мой затылок, а другой — ягодицу, Джеймс говорит: — Она не может выглядеть в нем так же хорошо, как ты. Я хочу сорвать это платье с твоего тела зубами.

Он снова целует меня, жадно, до дрожи. На этот раз, когда он отрывается, я смеюсь.

— Боже мой. Я мертва. Ты убил меня.

Что-то острое и темное мерцает в глубине его глаз. — Не говори так.

Я дразнилась, поэтому лаконичный тон его голоса меня удивляет. — Я сделала тебе комплимент, глупыш. Я имела в виду, что ты отлично целуешься.

Его настроение сгущается грозовым облаком. Он отстраняется, его плечи сжимаются, а улыбка исчезает. — Ты готова идти?

— Конечно, — говорю я, смущенная. — Как только ты объяснишь мне, чем я тебя расстроила.

Он открывает рот, чтобы ответить, но закрывает его снова. Потом отводит взгляд, нахмутив брови, и проводит рукой по волосам. — Я не могу этого сделать, не перейдя на личности. *Очень* личные личности.

Он поворачивает взгляд ко мне и впивается в меня. — Я буду честным с тобой, если ты хочешь, но я говорю тебе прямо сейчас, что ты не хочешь этого слышать. Твои правила. Твой выбор.

Внутри меня вспыхивает война.

Конечно, я хочу услышать, что именно вызвало такое изменение в его поведении... но я также не хочу. Очевидно, что он не хочет мне рассказывать, что он думает, что этот рассказ что-то изменит между нами. Я ценю, что он дает мне выбор, но для человека с таким воображением, как у меня, неопределенность опасна.

Три месяца, Оливия. Ты в Париже всего три месяца. Не напрягайся. Оставь все как

есть.

Джеймс смотрит на меня, ждет.

Я говорю: — Я чувствую себя очень амбивалентно насчет этого.

Он кивает, его взгляд ищет меня. — Я тебя понимаю.

Мне нравится, когда он так говорит. Этой короткой фразой можно было бы решить столько споров. — Может, мы могли бы пойти на компромисс?

— Какой компромисс?

— А что, если ты просто скажешь мне, или то, что я сказала, как-то связано с твоей работой?

Его глаза расширяются. Он грубо повторяет: — С моей *работой*.

Почему он выглядит таким удивленным? — Да. Твоя работа. Те портреты, которые ты нарисовал, Перспективы скорби. Смерть для тебя — это что-то важное. Да?

Мышцы на его челюсти сжимаются снова и снова. Он смотрит на меня так пристально, что я думаю, он мог бы обжечь меня своим горячим взглядом. Когда это наконец происходит, его ответ осторожен.

— Скажем так, это... деликатная тема.

Я изучаю его выражение лица, убежденная, что он говорит мне правду, а также, что он не хочет, чтобы я зашла еще дальше.

Наблюдая, как он так напряженно ждет, когда я заговорю, я решаю, что тоже не хочу.

Я уже знаю, что смерть коснулась его так же, как и меня. Нет необходимости в эксгумации могил.

— Ладно.

Его глаза насторожены. — Ладно?

Я киваю. — Мы уже договорились, что не будем делиться своими печальными историями. Я понимаю, что ты не хочешь говорить о своих, потому что я точно не хочу говорить о своих. Так что... ладно. Отныне, если кто-то из нас не хочет вдаваться в детали чего-то, мы просто скажем: деликатная тема. Это будет нашим кодовым словом. Безопасная фраза, технически. Договорились?

Грозовая туча над его головой испаряется с головокружительной скоростью, оставляя его плечи расслабленными, а глаза улыбающимися. Прижимая меня к груди, он говорит горловым голосом: — Что ты знаешь о безопасных словах, дорогая?

Тепло в его взгляде говорит мне, что *он* знает очень много. — Я... читала о них. В книгах.

Он бормочет: — Правда? — и прижимается лицом к моей шее, нежно покусывая мышцу над ключицей. На этот раз он обхватывает мою задницу обеими руками.

Затем он целует меня до тех пор, пока почти все мысли не искореняются из моего сознания.

Каждая мысль, кроме воспоминания о том, как его глаза так быстро изменились со светлых на темные, когда я сказала, что он убил меня.

У меня закрадывается подозрение, что это воспоминание останется со мной надолго.

***

— Книжный магазин?

Стоя рядом со мной в тени лип на тихой мощеной аллее, Джеймс улыбается и сжимает мою руку. — Не просто книжный магазин. Книжный магазин Шекспир и компания — пожалуй, самый известный независимый книжный магазин в мире.

Я смотрю на причудливый магазин через дорогу с зеленым навесом и соответствующей отделкой, деревенской желтой вывеской и побитыми погодой книжными киосками, выстроившимися на одной стороне небольшой площади перед ним. Это похоже на место, о котором забыло время.

— Мне стыдно признаться, но я никогда о нем не слышала.

— Ничего страшного. Но должен тебя предупредить, что ты влюбишься в него, как только мы зайдём внутрь.

Он хватается меня за руку и тащит подальше от места, где нас высадило такси, на левый берег Сены, в двух шагах от Нотр-Дама. Небольшая толпа людей толчется перед книжным магазином, просматривая книжные прилавки под открытым небом и разговаривая, потягивая эспрессо из кафе по соседству. Здание, в котором разместился книжный магазин, имеет многовековую историю — это высокое каменное сооружение из ямчатого камня с осыпающимися углами и белым фасадом, со временем потемневшим до цвета слоновой кости.

Как только мы проходим через застекленную входную дверь, и где-то вдали весело звенит колокольчик, меня охватывает удивительное ощущение связи, как будто меня включили в розетку, и я начинаю гудеть от энергии. Я чувствую себя так, будто вернулась домой.

Это запах.

Книги — особенно старые — имеют свой собственный запах, сладкий и мускусный аромат, согретый оттенком ванили, который наполняет мозг хорошими воспоминаниями и добрыми чувствами. Я останавливаюсь и закрываю глаза, глубоко вдыхая.

Выдохнув, открываю глаза, впиваясь окружающей обстановкой.

Магазин до потолка заставлен полками с книгами. Узкие проходы ведут от входа в гнезда других комнат. Деревянная лестница ведет на второй этаж. Запыленные люстры бросают теплый свет на красные бархатные портьеры и изредка кожаные кресла, сиденья которых потрескавшиеся и потертые.

Голосом, как в церкви, я говорю: — Это рай.

Стоя рядом со мной, Джеймс хихикает. — Я же говорил тебе. Пойдем, посмотрим вокруг.

Он кивает милой блондинке за кассой, а потом ведет меня по проходу. На софите над нами трафаретная надпись: “Не будьте негостеприимны к незнакомцам, чтобы они не оказались переодетыми ангелами.”

Я провожу кончиками пальцев по корешкам, пока мы проходим мимо полок с книгами, пока не сворачиваем за угол и не останавливаемся в тихом алькове. Я бросаю взгляд на экземпляр Братьев Карамазовых Достоевского, стоящий на полке рядом с Войной и миром Толстого.

— Русский раздел — мой любимый, — говорит Джеймс, подходя и становясь вплотную позади меня, прижимаясь грудью к моей спине. Он хватается меня за плечи и погружает нос в мои волосы, глубоко вдыхая, так же, как и я, когда вошла и почувствовала запах всех этих вкусных книг.

— Это хорошая новость. На минуту я подумала, что ты ведешь меня прямо к Хемингуэю.

Я снимаю с полки Братьев Карамазовых и открываю ее, поднося страницы к носу, чтобы понюхать. Вздохнув от удовольствия, я смотрю на случайную строчку и читаю ее вслух.

— Тайна человеческого существования заключается не в том, чтобы просто выжить, а в том, чтобы найти то, ради чего стоит жить.

— Действительно, — шепчет мне на ухо Джеймс. Он скользит рукой по моей руке, по бедру и между моими ногами.

Я замираю. Мое сердце взлетает, как ракета. Сквозь небольшие пробелы в полке передо мной я вижу других людей, просматривающих товары в передней части магазина.

Я шепчу: — Джеймс.

Его сильные пальцы погружаются в щель между моими бедрами, нежно растирая. — Хм?

— Кто-то нас увидит.

— Возможно.

Он звучит невозмутимо. Тем временем я начинаю потеть. Это поэтому он попросил меня надеть платье?

— Я не уверена, что нам стоит...

— Почитай мне еще. — Он сжимает пальцы, от чего я задыхаюсь. Затем он скользит рукой по моему бедру, просовывает ее под подол платья и снова засовывает обратно. Он кладет свою теплую ладонь между моих ног. Теперь единственным барьером между его рукой и моей обнаженной плотью являются трусики.

То, как он обхватывает мою половую сферу, ощущается как собственность.

— Джеймс...

— *Читай*, — приказывает он низким голосом.

Я смотрю на страницы, но слова начали расплываться. Дрожащими руками я перелистываю несколько страниц, потом сосредотачиваюсь на одной строчке.

— Л — любовь в действии — суровая и ужасная вещь по сравнению с любовью в мечтах.

— Ммм. Как красноречиво. Видишь, почему я люблю русский раздел? Это так романтично. — Джеймс просовывает пальцы под резинку моих трусиков и скользит ими по клитору.

Я дергаюсь, втягивая испуганное дыхание.

Он дышит мне на ухо: — Думаю, тебе это тоже нравится. Ты уже мокрая.

Мое сердце так сильно стучит в грудь, что мне больно. Он обхватывает другой рукой мою талию и прижимает меня к своему телу, потом начинает быстрее двигать пальцами, поглаживая меня, пока я не начинаю задыхаться и пульсировать.

— Читай, Оливия.

Задыхаясь, испытывая страх, отчаяние и безумное возбуждение, я смотрю на книгу в своих руках. Страницы пролетают мимо меня, когда я листаю вперед, потом назад, едва не роняя книгу в процессе. Я нахожу страницу и читаю, мой голос дрожит.

— Ты будешь гореть и сгоришь; ты исцелишься и вернешься снова.

Джеймс разводит мои ноги шире, а затем погружает один палец глубоко внутрь меня.

Когда я вздрагиваю и издаю тихий крик, он строго шепчет мне на ухо: — Гори для меня, дорогая. Дай мне почувствовать это.

Его эрекция — это твердый, настойчивый жар против моей задницы. Если бы он немного наклонил меня вперед, то мог бы отодвинуть в сторону мои трусики и трахнуть меня сзади.

Я схожу с ума от одной мысли об этом.

Возможность того, что он может заниматься со мной здесь, в общественном месте, на глазах у посетителей перед входом в магазин или на глазах у всех, кто зайдет в нишу, меня так разжигает и пугает, что я едва могу думать.

Он использует мои волосы как поводок, чтобы оттянуть мою голову назад. Затем он глубоко целует меня, пока его большой палец касается моего клитора, а указательный палец скользит в меня, снова и снова, внутрь и наружу.

Книга выпадает из моих рук и падает на пол.

Он сжимает меня все туже и туже, сворачивая в раскаленный комок нервов. Мощные волны жара бьют меня, обжигая кожу и делая мои соски двумя болезненными точками потребности. Я вслепую тянусь к полке и упираюсь в нее, царапаясь, как будто хочу начать лезть.

Джеймс отрывается от моих губ. Тяжело дыша, гортанным голосом он говорит:

— Я мог бы трахнуть тебя здесь, дорогая. Я мог бы взять тебя прямо здесь. Ты этого хочешь?

— Нет! Да! О Боже... — Я застонала, отчаянно желая освобождения.

— Или я могу стать на колени, прижать тебя к полке и заставить тебя кончить моим ртом.

Мой стон мягкий и умоляющий. Я настолько мокрая, что чувствую это на своих бедрах. Бессвязно, я качаюсь на его руке.

— Или я могу поставить тебя на колени и заставить отсосать мне. Ты бы этого хотела, дорогая? Чтобы я трахал твой рот своим твердым членом, пока ты играешься со своей мокрой киской, стоя на коленях в русской секции?

Я представляю себе это. Мои щеки запали, его большие руки держат мою голову, его эрекция скользит между моими губами, пока я стою на коленях перед расстегнутой шириной его штанов, пальцами трахаю себя, погружая всю его толстую, твердую длину глубоко в горло, а на меня смотрят все книжные полки.

Рыдания вырываются из моей груди.

Джеймс горячо шепчет: — О, да, тебе это *нравится*. Моя милая, грязная, красивая девочка.

Он крепко дергает за набухший бутон моего клитора, и я кончаю.

Он глотает мое дыхание поцелуем, крепко держа меня рукой, словно железным прутком, вокруг талии, пока я бьюсь в конвульсиях и содрогаюсь от бурного оргазма. Он снова погружает палец глубоко внутрь меня, вызывая еще одну серию сильных сокращений.

Джеймс поворачивает лицо к моему уху и говорит сквозь зубы: — Я хочу почувствовать, как твое роскошное влагилице пульсирует вокруг моего члена.

Я потерялась. Потерялась в его голосе, в его вкусе, в его грязных словах. Потерялась в наслаждении, в ощущениях и во внезапном, непреодолимом страхе.

Это не я.

Эта женщина, такая безрассудная и охваченная желанием, не является никем, кого я узнаю. Она дикая и раскованная, и ей безразлично, что кто-то может увидеть, как она беспомощно дергается во время оргазма, когда красивый мужчина в красивом костюме крепко прижимает ее к своему телу и рычит непристойности на ухо. Ей безразлично, как она выглядит, выгибаясь в экстазе, когда он засовывает руку между ее раздвинутых ног. Ей безразлично, что подумают другие, увидев ее такой обнаженной.

Единственное, что ее волнует, это мужчина позади нее и то, как он вернул ее к

болезненной, покрытой волдырями, ужасной жизни.

Я прижимаюсь к груди Джеймса, закидываю руки вверх и назад вокруг его плеч и наклоняю голову для его поцелуя.

Потому что к черту.

Я уже прыгнула с этой высокой скалы, на которой стою с момента нашей встречи. С таким же успехом я могу сделать это с открытыми глазами и широко раскинутыми руками.

По крайней мере, я буду улыбаться, когда буду разбиваться на миллион кусочков, когда упаду на землю.

Джеймс шепчет мне на уста сладкие слова, которых я не слышу, потому что плыву где-то в пространстве. Только когда он выскальзывает рукой между моих дрожащих бедер, я открываю глаза и снова оказываюсь в книжном магазине, в туманном облаке послесвечения.

Сквозь щель в полке передо мной я вижу белокурую кассиршу. Она смотрит прямо на меня. Наши взгляды задерживаются на мгновение, потом она отворачивается, чтобы помочь покупателю.

Я знаю, что она нас видела.

Мне все равно.

Джеймс поворачивает меня к себе и нежно целует, затем вытаскивает шелковый платок из своего пиджака и проводит им между моими ногами, нежно вытирая меня насухо. Затем он засовывает шелковый платок на место, поправляет подол моего платья и снова целует меня, сжимая мое лицо в своих ладонях.

Слегка волочась на ногах, я хватаю его за лацканы пиджака и произношу: — Это лучший книжный магазин, в котором я была за всю свою жизнь.

Он усмехается. — Это мой любимый. Я хожу сюда уже много лет, с тех пор как переехал в Париж.

Я прикусываю язык, чтобы не спросить: *Откуда?* Вместо этого я собираюсь с духом и дразню его. — Если ты скажешь мне, что приводишь всех своих подруг в русскую секцию, я буду вынуждена снять один из моих туфель и воткнуть в тебя каблук.

Выражение его лица становится серьезным. Потирая большими пальцами мою линию подбородка и глядя мне в глаза, он бормочет: — Я никогда никого сюда не приводил, любимая. Никого, кроме тебя.

Любимая. Мое сердце делает эту сложную вещь, когда оно сжимается и тает одновременно. Затем я чувствую сильное давление на бедро и страдаю от угрызений совести.

— Что случилось? — резко спрашивает он.

Я моргаю, снова пораженная тем, как легко он видит меня насквозь. — Ты проходил курсы по чтению мыслей? У тебя это безумно хорошо получается.

Он на мгновение задумывается, прежде чем ответить. — У меня есть опыт в расшифровке выражения лиц людей.

Я могу сказать, что мы находимся в области чувствительных тем, но я не уверена, почему. Вполне логично, что художник, который создает такие детальные и полные эмоций портреты, очевидно, имеет большой опыт в чтении нюансов выражения лица, но он ведет себя так, будто это нечто большее.

Ты же сама настаивала на том, чтобы не задавать личных вопросов, гений. Продолжай в том же духе.

— Я просто подумала, что ты, гм, — я бросаю короткий взгляд на его эрекцию, зажатую между нами в штанах, — уже дважды позаботился обо мне, но я совсем не заботилась о тебе.

Его голубые глаза становятся теплыми. — Откладывать удовольствие — это то, что я хорошо умею.

Еще одно загадочное заявление, которое, я знаю, останется необъясненным.

Этот мужчина — сфинкс.

— Позволь мне показать тебе остальной магазин, — говорит он, протягивая руку и улыбаясь своей сфинксоподобной улыбкой.

Я обхватываю пальцами его бицепсы и позволяю ему вывести меня из ниши в другой извилистый проход к задней части магазина.

***

— Итак, известный книжный магазин, известная библиотека и бывшая резиденция одного из самых известных писателей мира. Ты устраиваешь мне грандиозную экскурсию.

— Грандиозную *писательскую* экскурсию, — поправляет Джеймс, улыбаясь мне. — Париж недаром называют литературной столицей мира.

Я изучаю его. Сидя напротив меня за столиком в ресторане на втором этаже Эйфелевой башни, он является олицетворением элегантности. Он также мощно магнетический, его грубая маскулинность подчеркивает изящные манеры и изысканный костюм. Женщина за соседним столиком не может оторвать от него глаз, несмотря на явное раздражение ее спутника-мужчины.

Она не одна такая. Я заметила еще нескольких женщин, чьи горячие взгляды направлены в сторону Джеймса.

Думаю, это неуважительно по отношению ко мне, что они ведут себя так нескромно, но я не могу их винить. Само его присутствие привлекает внимание. Его можно было бы свалить на пол, и все равно невозможно было бы отвести взгляд.

— Спасибо, что ты все это делаешь. — Я играю вилкой, мне льстит, сколько усилий ему, видимо, стоило спланировать и организовать это свидание. — Если бы не ты, я бы осталась на все лето в квартире Эстель.

Он не отвечает. Он просто смотрит, как я играю со столовыми приборами, его взгляд пронизывает меня насквозь, пока я не начинаю стесняться и складываю руки на коленях.

Наконец он говорит: — Я снова тебя волную.

— Ты волнуешь половину женщин в этом ресторане.

— Мне на них наплевать, — мгновенно приходит ответ, — Я забочусь о тебе.

Интенсивность его глаз волнует меня. Я должна отвести взгляд, чтобы не выставить себя душой и не начать декламировать оды его красоте. Очень тихо говорю: — То же самое.

Я слышу его тихий вдох. Краем глаза вижу, как его рука, лежащая на подлокотнике стула, сжимается в кулак, а потом разгибается.

Почему от этого мой пульс удваивается, я не знаю.

Низким и сдержанным голосом он говорит: — Ты даже не представляешь, какая ты красивая, и как мне нравится знать, что этот румянец на твоих щеках — это благодаря мне.

Я протягиваю руку и касаюсь своего лица. Конечно, мои щеки пылают. — Ты выводишь меня из равновесия, — робко признаюсь я. — Обычно на меня ничто так не влияет.

Мой смех тоненький и нервный. — Или никто.

— Посмотри на меня.

Когда я это делаю, то вижу, что он смотрит на меня с неистовой сосредоточенностью, его голубые глаза ясные и яростные.

Он говорит: — На меня тоже.

Между моими ногами бьется маленькое сердце, пульсируя в такт с каждым горячим приливом крови в моих венах. Никогда раньше меня так сильно не влекло к мужчине. Пугает то, что это не только физическое влечение. Меня привлекает в нем все: от того, как меняются его глаза в зависимости от настроения и света, до очевидной глубины его

интеллекта и чувствительности.

— Расскажи мне, — приказывает он, потому что, конечно, может читать меня, как открытую книгу.

Я шепчу: — Ты меня пугаешь.

Он наклоняется вперед, его голос настойчивый. — Ты боишься меня?

Я знаю, что он спрашивает, считаю ли я, что мне угрожает физическая опасность с его стороны, и это на мгновение останавливает меня. Предположение настолько безосновательное, что кажется нехарактерным. Обычно он так хорошо меня оценивает. — Нет, не так. Как...

Я делаю вдох для храбрости, опускаю взгляд на скатерть в поисках безопасного места, чтобы спрятаться от его пронзительного взгляда. — Будто если я не буду осторожной, то могу упасть в тебя и утонуть.

Через то, что кажется вечностью, Джеймс протягивает руку через стол и хватается за запястье. Опасаясь его реакции, и не слишком ли много я рассказала, я смотрю на него из-под ресниц.

От дикого голода на его лице у меня перехватывает дыхание.

— Не соблазняй меня, Оливия. Не делай это гипотетически. Потому что если бы я думал, что ты действительно собираешься дать мне хотя бы малейший шанс, учитывая то, что происходит между нами, я бы шел до последней чертовой мили. И поверь мне, это не то, чего ты хочешь.

Мои губы раздвинулись, но я не произнесла ни звука. Я слишком ошеломлена сочетанием его выражения лица и его слов, произнесенных опасным, лаконичным монотонным, резко контрастирующим со всем жаром и желанием на его лице.

— Добрый вечер, мсье и мадам! Bienvenue chez (прим. пер. с фр. — Добро пожаловать в...) Jules Verne.

Я подскакиваю, пораженная внезапным появлением официанта у нашего столика.

С закрытыми глазами и выразительным лицом, Джеймс отпускает мое запястье и откидывается на спинку стула, скрестив ноги. Он небрежно поправляет запонку, затем предлагает официанту незаинтересованную улыбку.

За одну секунду он превратился из кипящего чана с расплавленной лавой в холодный огурец.

Это невероятно нервирует. Не только потому, что это казалось таким легким, но и потому, что это казалось... отработанным. Профессиональным.

Как будто он выучил это в школе.

Официант что-то бормочет по-французски, как я предполагаю, рассказывая о меню или о самом ресторане, названном в честь известного французского писателя, поэта и драматурга Жюль Верна. Затем он обращается с вопросом к Джеймсу, который заказывает два бурбона и отпускает официанта.

Дрожащей рукой тянусь к стакану с водой. Глотаю прохладную жидкость, пытаюсь выиграть немного времени, чтобы успокоиться. Когда я ставлю стакан обратно на стол, Джеймс говорит: — Я должен спросить, есть ли у тебя какие — то особенные места в Париже, которые бы ты хотела посетить. Я хорошо знаю город.

Его тон вежливый. Даже отстраненный. Я не знаю, это часть его резкой смены настроения, или он сжалился надо мной и снял меня с крючка. Думаю, если бы он попытался заставить меня прямо ответить на ту головокружительную речь, которую он

только что произнес, я бы в панике вылетела из комнаты.

Я прочищаю горло и увлажняю губы. Несмотря на всю ту воду, которую я выпила, во рту пересохло. — Я не... я не думала об этом, честно говоря. Я думала, что сосредоточусь на попытках писать, а не... — Я замолкаю, представляя наше страстное свидание в книжном магазине. Тепло снова разливается по моим щекам. — ...осмотре достопримечательностей.

— Осмотр достопримечательностей, — повторяет он хриплым голосом.

Не смотри на него. Ты сгоришь в огне. — Но я думаю, что теперь, когда у меня есть кто-то с опытом, кто покажет мне все вокруг, я должна воспользоваться этим.

— Да, я очень опытный. И я с большим удовольствием покажу тебе здесь все.

Это двусмысленная фраза, если я когда-либо слышала такую. Произнесенные тем же хриплым тоном, что и несколько минут назад, его слова несут в себе скрытый смысл, темное подводное течение чувственности, которое сжимает мой живот и заставляет меня тяжело глотать, преодолевая внезапный комок в горле.

Или мое воображение играет со мной злую шутку? Или он просто поддерживает разговор, а я слишком много читаю в невинных словах?

Черт возьми, как я ненавижу иметь мозг, который создает магические порталы из повседневных трещин в стене! Жизнь была бы намного проще, если бы я была бухгалтером.

— Это было бы замечательно, — осторожно говорю я, глядя куда угодно, только не на него.

Я слышу его тихое хихиканье и знаю, что я его развлекаю.

Потом откуда-то изнутри его пиджака раздается приглушенное электронное *звяканье*. Я оглядываюсь. Нахмурившись, он залазит в карман пиджака и вытаскивает оттуда мобильный телефон, маленький и черный, размером с кредитную карточку. Это самый тонкий телефон, который я когда-либо видела. Видимо, европейская модель, недоступная в Штатах.

Он бросает один взгляд на экран, и все его тело застывает.

— Все в порядке?

Его взгляд вспыхивает и встречается с моим. Он смотрит на меня какую-то долю мгновения, в его глазах появляется странная новая твердость, а потом он коротко говорит: — Извини, но я должен идти.

— Уйти? Куда? — Я оглядываюсь по ресторану, будто ища правдоподобного объяснения такому внезапному повороту событий, но Джеймс уже стоит.

Когда он не отвечает, я понимаю, что мы снова оказались в зоне деликатной темы.

Чувствуя страх, я позволяю ему помочь мне встать со стула. Затем он проводит меня через ресторан, положив руку мне на поясницу, быстро двигая взглядом влево и вправо, будто визуальное прочесывание местности на наличие мин, пока мы направляемся к двери.

Когда мы спускаемся в лифте, а он стоит застывший и молчаливый рядом со мной, я теряю терпение от этой рутины плаща и кинжала. — Ты скажешь мне, почему ты вдруг так разозлился, или мне придется придумывать какую-то историю в голове, которая, вероятно, будет в тысячу раз хуже реальности?

— Я не злюсь, — огрызается он, и в его голосе звучит злость.

Я вздыхаю и закрываю глаза. — Ну что ж, тогда ладно.

Через несколько секунд лифт резко останавливается.

Я вскрикиваю от неожиданности, упираясь рукой в стену, чтобы удержать равновесие. Мои глаза открываются. Джеймс отворачивается от панели кнопок и нависает надо мной, в его взгляде горит огонь, когда он прижимает меня к стене лифта.

— Это с работы. Я не хочу идти, но должен.

Я смотрю на него с суженными глазами и сморщенным носом. — Работа? Срочная портретная съемка, да? Кто-то по прихоти решил в пятницу вечером, что ему очень нужно, чтобы ты запечатлел его лицо на бумаге перед сном?

— Нет, умник. Это не так.

Он большой, щетинистый и, очевидно, злой, но я не боюсь его и не отступаю. Я знаю, что это я установила весь этот формат никаких вопросов, но это было до того, как он начал вести себя так подозрительно.

— Нет? Ладно. Значит, твой агент написал тебе, что он только что потерял большую сделку? Ты должен прибежать в галерею и избить его или что?

Сквозь сжатые челюсти он говорит: — Нет.

Нос к носу, мы смотрим друг на друга. Тепло его тела обжигает меня через платье. Я так же разъярена, как и он, но, черт возьми, как же я хочу, чтобы он меня поцеловал.

Он опускает взгляд на мои губы. Жар между нами растет на несколько сотен градусов.

— Я отвезу тебя домой, — рычит он. — Я зайду позже. Может быть поздно. Не жди меня.

— Ха! Ты многое принимаешь как должное, Ромео! *Не* приходи позже, мне надо выспаться. Можешь попробовать позвонить мне завтра, но я не гарантирую, что отвечу, потому что я чувствую себя немного странно из-за всего этого сценария. Единственная причина, которая *мне* приходит в голову, почему тебя вдруг вызывают посреди ужина в пятницу вечером, а потом ты начинаешь вести себя как параноик, — это потому, что ты...

Я останавливаюсь, слова превращаются в пепел у меня во рту.

Я собиралась сказать в программе защиты свидетелей — что, как я понимаю, не имеет никакого смысла, но я была на волне, — но что-то гораздо худшее появилось в качестве варианта. Мне пришло на ум слово, еще более ужасное, чем беглец.

Это слово — женатый.

Я уставилась в него с ужасом.

Когда Эдмонд сказал мне на коктейльной вечеринке, что Джеймс — самый привлекательный холостяк в Париже, я восприняла это как то, что он одинок. Но учитывая откровенное отношение Эдмонда к моногамии, вполне возможно, что он считает всех мужчин пожизненными холостяками, независимо от того, какие юридические обязательства они взяли на себя.

Джеймс может иметь жену, которая где-то там себе существует.

Это же Франция, в конце концов. В Америке национальное развлечение — бейсбол, а здесь — иметь одну-две любовницы.

Джеймс тяжело вздыхает и закрывает глаза. — У тебя снова такой взгляд, будто ты думаешь, что я серийный убийца.

— Ладно, любовничек, я задам тебе вопрос. И ты должен сказать мне правду.

Он открывает глаза и смотрит на меня, выражение его лица настороженное.

— Обещаю, что это будет последний личный вопрос, который я когда-либо задам. Клянусь младенцем Иисусом и всеми святыми, и каждым ангелом и херувимом на небесах.

Его брови сводятся вместе. — Ты очень религиозна?

Я пренебрежительно машу рукой в воздухе. — Нет, я просто люблю преувеличивать. Это плохая привычка. Мой редактор всегда кричит на меня, чтобы я сбавила обороты. В любом случае, вот мой вопрос. И тебе лучше смотреть мне *прямо в глаза*, когда будешь

отвечать. Хорошо?

Еще один тяжелый вздох. Я могла бы его отшлепать.

Я произношу каждое слово медленно и осторожно. — Ты женат?

Его глаза сверлят прямо в самую темную глубину моей души. — Нет, — говорит он, так же медленно и осторожно. — Я. *Не*. Женат.

Сложив руки на груди, я рассматриваю его лицо. Кажется, он говорит правду, но это тот самый парень, который изображал из себя достоверного доктора Джекила/мистера Хайда, когда официант впервые подошел к нашему столику.

Звучит сигнал тревоги. Джеймс хватает меня и целует. Сильно.

Когда я поворачиваю голову и разрываю поцелуй, он грубо приказывает: — Оставайся в квартире, пока я не вернусь.

Черт, он властный. Я кисло говорю: — Если ты думаешь, что ты мой босс, приятель, то у тебя должна быть другая вещь.

— Мысль.

Я посмотрела на него искоса. — Прости?

— Правильная фраза: У тебя должна быть другая мысль, а не другая вещь.

— Нет. Это не имеет смысла.

— Говорю тебе, так оно и есть.

— Кто здесь писатель? Я или ты? Это *вещь*.

Сигнал лифта звучит снова, но на этот раз он не останавливается, а просто продолжает греметь. Выглядев разочарованным, сексуальным и горячим, Джеймс бормочет клятву и возвращается к панели кнопок, тыкая пальцем в одну из них. Лифт снова дергается, и мы едем вниз.

Когда через мгновение дверь открывается, он берет меня за руку и выводит на улицу, где свистит такси.

— Никогда не пойму, почему мы просто не поедem на метро, — бормочу я себе под нос.

Джеймс открывает дверцу такси, быстро сажает меня на заднее сиденье и наклоняется, чтобы посмотреть на меня. — Потому что в такси ты в большей безопасности, вот почему.

Это заставляет меня моргнуть. — В большей безопасности от чего?

Он хлопает дверцей перед моим лицом.

Затем наклоняется в открытое переднее окно, чтобы дать водителю адрес, бросает ему горсть денег, разворачивается и уходит.

Когда такси отъезжает, я кручусь на своем сиденье и смотрю в заднее окно, наблюдая за фигурой Джеймса, шагающего в теплый парижский вечер, пока его не поглощает толпа и он не исчезает.

Первое, что я делаю, когда возвращаюсь в квартиру, — это направляюсь к компьютеру в библиотеке Эстель и включаю его.

В поисковой строке Google я набираю — You've got another thing coming.

Google услужливо выдает мне 798 000 000 результатов.

Первый — клип на одноименную песню хеви-метал — группы Judas Priest, который наполняет меня самодовольством. Если известная рок-группа записала ее как thing вместо think, то я, очевидно, права.

Мой короткий приступ самодовольства продолжается до тех пор, пока я не прокручиваю страницу дальше вниз и не нахожу статью в Merriam-Webster об использовании этой фразы. Перейдя по ссылке, я с ужасом узнаю, что до сих пор ведутся дебаты о правильности выбора слова. Очевидно, мнение — это более старый вариант, происходящий из британского английского языка XIX века, а вещь — более современный и более распространенный, но часто критикуемый языковыми пуристами как некорректное калькирование.

Другими словами, мы с Джеймсом оба правы... за исключением того, что он более прав, чем я.

Привет, вмятое эго, мой старый друг.

Поскольку мне нужна моральная поддержка, я достаю свой мобильный телефон из сумочки на столе и отправляю Эстель сообщение.

Вопрос для твоего высшего литературного мозга: Как ты думаешь, будет правильно: У тебя есть другая ВЕЩЬ или у тебя есть другая МЫСЛЬ?

Пока я жду ответа, я иду на кухню. Сбрасываю каблуки, открываю холодильник и некоторое время всматриваюсь в него, пока не осознаю, что не голодна. Я не ела с самого завтрака, но после оргазма в книжном магазине, внезапной пародии Джеймса на Гудини за ужином и воспоминаний о том, как сильно выпятилась моя губа, когда я сказала ему, что он ошибался насчет мыслей и вещей, мне действительно хочется выпить, чтобы успокоить нервы.

Я наливаю себе бурбон и только я собиралась пригубить его, как у меня зазвонил мобильный телефон. Эстель ответила.

ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО ТЫ СНОВА ПИШЕШЬ?

Не прошло и пяти секунд, как у меня звонит телефон. Я улыбаюсь и нажимаю кнопку *Ответить*. — Привет, Эстель.

— Куколка! — радостно восклицает она. — Скажи, что у тебя хорошие новости!

Я не могу удержаться, чтобы не подразнить ее. — Боже, никакого давления или чего-то подобного. Разве я не могу просто спросить твое мнение?

Она смеется. — Фух. Единственный раз, когда ты спрашивала моего мнения о чем-то, это когда я пригласила тебя на обед в Le Bernardin на твой тридцатый день рождения, и ты не могла выбрать между сашими и икрой.

— Это неправда! Я отчетливо помню, как спрашивала твое мнение о том, стоит ли мне выходить замуж за Криса.

Наступает долгая пауза, затем Эстель трезво говорит: — Нет, куколка, не спрашивала. Если бы это было так, ты бы уволила меня как своего агента.

— Что ты имеешь в виду? — удивленно спрашиваю я.

Опять долгая пауза, которая так не похожа на Эстель, что мне становится не по себе. Обычно у этой женщины нет никаких фильтров.

— Я имею в виду, что Кристофер не очень хороший парень. И он точно не был хорошим для тебя.

Это шокирует меня. Хотя мы с Крисом разведены, я чувствую, что защищаю его. Я расстроена и смущена тем, что она так о нем говорит.

— Эстель, о чем ты говоришь? У нас были разногласия, как у любой пары, но мы...

— Он бросил тебя, когда ты нуждалась в нем больше всего, — вмешивается она, ее голос становится жестким.

Я помню, как одиноко я чувствовала себя, сидя на той холодной скамье в церкви одна. Какой истощенной и одинокой.

Мой голос дрожит от эмоций, я говорю: — Каждый справляется с горем по-разному.

Голос Эстель смягчается. — Да, по-разному. Но отец, который не появляется на похоронах собственного ребенка...

Я обрываю: — Он не смог с этим справиться. В этом нет ничего необычного.

Психолог сказал...

— или на рождение его ребенка.

— Он не смог вовремя уйти с работы! Ты же знаешь, что она родилась раньше!

— который оставил жену в чужой стране во время медового месяца.

— Ради Бога, Эстель! Он же дипломат! Началась война! Он был нужен! Этоя сказала, что он может уехать!

После моего гневного взрыва мы обе замолкаем. Эстель тяжело вздыхает. Потом она говорит: — Тебя устраивало все, что он делал. Все его молчание, все его отсутствия, все способы, которыми он не удовлетворял твои потребности... все было хорошо. Потому что ты любила его. Но он не заслуживал этого. Он не заслуживал *тебя*.

Горячие слезы пекут глаза. Горло так сжимается, что я едва могу проглотить полный рот бурбона, но мне удается его протолкнуть. Он пропекает полую дорожку до желудка и сидит там, сердито булькая.

Я говорю сквозь сжатые челюсти. — Так или иначе. Отвечая на твой вопрос, да, я снова пишу. Пишу довольно много, на самом деле. И это чертовски хорошо. Скоро вышлю тебе то, что получилось. А сейчас мне надо идти. Спасибо, Эстель. Пока.

Я нажимаю *Завершить* и швыряю телефон через всю комнату. Он с грохотом ударяется о стену, разлетается вдребезги, а потом падает осколками на пол.

Я оставляю его там, где он лежит, и выхожу из кухни, сердито утирая слезы. В гостиную ведет балкон с площадкой, достаточно большой, чтобы на ней мог стоять один человек. Я отодвигаю шторы и открываю французскую дверь, затем выхожу и опираюсь на изогнутые перила.

Небо мрачное, затянутое темными облаками. Басовитый раскат грома отдается где-то далеко. Воздух влажный и напоенный резким запахом озона — все признаки приближения летней грозы.

Когда начинают падать первые капли, я поворачиваю лицо к небу и закрываю глаза, позволяя дождю смешаться с моими слезами.

Отец, который не пришел на похороны собственного ребенка.

Это было самое болезненное. Из всех раз, когда Крис отсутствовал, этот раз так глубоко

врезался в мое сердце, что раны все еще свежи, будто их нанесли вчера.

Моя дочь умерла, моя душа превратилась в пепел, а моего мужа нигде не было.

Все разрушилось после того, как мы потеряли ее. Мы не могли больше разговаривать. Мы едва могли смотреть друг другу в глаза. Молчание в доме тянулось так долго, что я иногда думала, не потеряли ли мы способность общаться. Групповая терапия была ужасом, более болезненным, чем заливка кислотой открытых порезов. Все эти истории потерь нагромождались на мои собственные, пока я не почувствовала, что задыхаюсь.

Семейные консультации были не намного лучше. Не было никакого способа найти смысл в такой бессмысленной вещи, и никакие разговоры не помогли бы и не изменили бы ее.

Затем, наконец, после того, как Крис собрал вещи и съехал, я пошла на индивидуальную терапию, в последней отчаянной попытке найти мир с самой худшей вещью, которая когда-либо случалась со мной. Или хотя бы какой-то смысл.

Но в насилии нет никакого смысла. Убийство — это самоцель.

Стон вырывает меня из болота воспоминаний. Я открываю глаза и смотрю на ту сторону двора, откуда он раздался, на окно, которое еще мгновение назад было темным, а теперь освещено.

Джиджи и Гаспар в своей спальне, делают то, что умеют лучше всего.

Я отворачиваюсь и захожу внутрь, допивая оставшийся бурбон. Затем выключаю свет и ложусь спать.

***

Просыпаюсь через несколько часов, инстинктивно чувствуя, что что-то не так.

Это материнская интуиция. Обостренный слух. Обостренный нюх. Тонко настроенные усики, которые ты никогда не теряешь, даже когда твоего ребенка уже давно вырвали из твоих рук.

Сердце колотится, я сажусь в постели, напрягая уши, чтобы услышать какой-то звук. Я не уверена, что это *был* за звук, который разбудил меня, но я напряженно вслушиваюсь в темноту. Мои глаза медленно адаптируются, пока я не могу различить края комода, изогнутую ручку стула у двери.

И высокую фигуру мужчины, стоящего возле него.

Я кричу от ужаса, но он набрасывается на меня, прежде чем я успеваю соскочить с кровати. Он хватает меня и прижимает своим тяжелым телом к матрасу, пока я дико борюсь под ним.

— Оливия, — рычит мне на ухо грубый голос. — Это я. Остановись. Это всего лишь я.

Я падаю неподвижно, задыхаясь, с каждым ударом сердца понимая, что это Джеймс. Нужно всего несколько секунд, чтобы ярость охватила меня.

— *Какого черта!* — кричу я. — Ты почти напугал меня до смерти, мудака!

— Прости.

— Прости? Тебе *жаль*? Как ты вообще сюда попал? — Я продолжаю бороться, но он не отпускает меня. Более того, его руки еще сильнее сжимают мои запястья. Он перекидывает ногу через обе мои, не давая мне ударить его ногой.

— Ты оставила входную дверь открытой. Я стучал и звонил, но ты не отвечала.

Когда я вошла, я настолько отвлеклась на спор между глупыми вещами и мыслями, что не помню, закрыла я дверь или нет, но меня не удивляет, что я оставила ее открытой. То же самое я сделала вчера вечером, когда он пригласил меня на ужин. Он всегда выводит меня из

себя.

— Так ты решил, что это хорошая идея — ввалиться без приглашения?

— Я же сказал, что приду.

— А я просила тебя не делать этого!

Я чувствую его горячее дыхание на своей шее, когда он шепчет: — Скажи мне уйти, и я уйду.

Я лежу, глядя в потолок и скрежеща зубами, пока не беру дыхание под контроль. Часть меня хочет сорваться и сказать *Убирайся вон...* но другая часть меня — большая часть — не хочет.

В моей постели не было мужчины уже много лет. Годы. Каждый запущенный нерв в моем теле кричит.

И учитывая, что это именно тот мужчина, который одним своим взглядом разжигает меня так, что у меня аж глаза закатываются, я склонна позволить ему остаться и посмотреть, к чему это приведет.

Я говорю: — Ты можешь остаться, но тебе лучше загладить свою вину перед мной.

Он отпускает мои запястья, опирается на локти и целует меня. Это нежный поцелуй, и кажется, что он извиняется. Он знает, что я хожу по лезвию бритвы своего темперамента.

Он говорит: — Я хочу загладить свою вину, дорогая, но ты еще не отдала мне свой список.

— Ладно. Хочешь список того, что я люблю делать в постели? Вот первая пятерка: спать, читать, смотреть телевизор, обнимать мою подушку-бойфренда, мечтая о получении Нобелевской премии по литературе, и спать.

Лишь через мгновение я понимаю, что легкая дрожь в груди Джеймса — это подавленный смех.

— Ты дважды сказала "спать".

— Это потому, что я очень люблю спать!

Он нежно целует меня в чувствительное место под мочкой уха, от чего я вздрагиваю. — Понятно. А что такое подушка-бойфренд?

Еще один поцелуй, ниже, и я снова вздрагиваю. — Ты будешь смеяться.

— Не буду.

Поцелуй. Поцелуй. Покусывание. Поцелуй. Он медленно спускается по моей шее к ключице, затем погружает кончик языка в впадинку. Он регулирует свой вес сверху на мне, просовывая ногу между моими ногами.

Он такой большой и тяжелый. Такой теплый и твердый. Такой *сильный*. И Боже, как я это люблю.

Ничто не заставляет чувствовать себя женщиной больше, чем лежать под мощным мужским телом.

— Это... гм... как большая удобная подушка для сна, примерно в половину длины моего тела.

— Ммм. — Он просовывает руку подо мной и сжимает мою задницу, притягивая меня ближе к себе и сгибая бедра.

Он уже тверд для меня. Мой пульс становится аритмичным. Я сжимаю его плечи, погружая пальцы в тонкую ткань его костюма.

Почему он до сих пор в костюме? Неужели он пришел сюда прямо оттуда, ну, где бы он там ни был? — Она очень поддерживает, — говорю я, тяжелее дыша, — Я люблю свою

подушку-бойфренда.

Джеймс поднимает голову и встречается со мной взглядом. Его взгляд напряженный и горячий. — Интересно.

— Моя подушка?

— Нет, то, что я безумно ревную к ней.

Потому что я сплю с ней или потому что я сказала, что люблю ее? Мое сердце трепещет, но я не задаю вопрос вслух.

Я шепчу: — Если уж на то пошло, то это она должна была бы ревновать меня к тебе. Я никогда не получала оргазма, думая о своей подушке-бойфренде.

Глаза Джеймса вспыхивают, сверля меня взглядом. — Ты заставила себя кончить, думая обо мне?

Я могу сказать, что он возбужден этой идеей. Его голос сырой, и в его теле появляется новое напряжение, красноречивое изменение в ритме его дыхания.

Я киваю.

— Когда? Сегодня вечером?

О, Боже. Он хочет знать все грязные подробности. Зачем я вообще открыла рот? Я увлажняю губы. Джеймс отслеживает движение моего языка глазами хищника. — Нет. После того, как я встретила тебя в кафе.

Его губы раздвигаются. Удивленный, он смотрит на меня снизу вверх.

Я ворчу: — Не суди меня.

— Я не осуждаю тебя. Блядь, Оливия, я *не* осуждаю тебя. — Он смеется. — Особенно учитывая, что я сделал то же самое.

Я смотрю на него, не убежденная.

Увидев мой прищуренный взгляд, он снова смеется. Он целует мою шею и челюсть, хихикает, касаясь моей кожи, его щетина щекочет меня. — Это все из-за этого спелого персика, — бормочет он, снова сжимая мой зад. — Ты ушла от меня, и мой член стал таким твердым, глядя на то, как качается эта задница, что мне пришлось пойти в уборную кафе и подрочить.

Я толкаю его в грудь. — Это наглая ложь!

— Нет, милая. Это чистая божья правда.

Он целует меня, его рот твердый и требовательный, его сердце разбивается о мою грудь. Затем он скатывается с меня, включает лампу на тумбочке и становится у кровати, глядя вниз.

— Расскажи мне, что я делал с тобой в твоей фантазии, — говорит он низким, настойчивым голосом, стягивая с себя пиджак и небрежно отбрасывая его в сторону, — Скажи мне, что *именно* я сделал.

Он стягивает с себя рубашку, а я смотрю на него, как будто меня ударило током.

И я напугана до усрачки.

Я сплываю и стараюсь не задыхаться, глядя, как он разувается, сдирает носки, расстегивает ремень и срывает штаны. Если существует рекорд скорости раздевания, он собирается его побить.

И вот он стоит во всей своей красе в одних лишь черных трусах. Огромная выпуклость растягивается спереди.

Вид его роскошного тела, должно быть, пересекает все провода в моем мозгу, потому что я говорю: т— Ты трахал меня так, будто я принадлежала тебе, телом и душой.

Не отрывая зрительного контакта со мной, он ладонью сжимает свою эрекцию через трусы, а затем гладит рукой вверх и вниз по длине. — Продолжай.

Его голос контролируемый, но на лице видно напряжение. Все его мышцы напряжены, как будто он сдерживает себя, чтобы не сорваться.

По моей коже разливается тепло, колючее, как мелкие волоски на теле. Тонкая дрожь пробегает по моему животу. Я неподвижно лежу на спине, наблюдая, как этот возбужденный, красивый мужчина борется с собой, чтобы не наброситься на меня, и чувствую себя сильнее, чем когда-либо в жизни.

— Ты был на мне. Трахал меня. Жестко.

Его челюстные мышцы сгибаются. Он просовывает руку под эластичный пояс трусов и хватает свой выпирающий эрегированный член. Даже в окружении его большой руки он выглядит огромным.

Мой голос задыхается. — Ты трахал меня так, пока я не начала кончать, потом перевернул меня, поставил на колени и трахнул сзади.

Он начинает гладить свой голый член, проводя рукой вверх и вниз по стволу, толстому и покрытому венами. Все вены на его руках тоже выделяются, и одна на шее пульсирует.

— Потом ты шлепал меня, снова и снова, пока трахал, пока я не кончила, крича в подушку.

Он резко говорит: — Ты говорила, что тебя никогда раньше не шлепали.

— Да, никогда.

— Но ты фантазировала о том, как я это делаю?

— Да.

Его веки опускаются ниже. Его рука движется быстрее. Он стоит неподвижно, поглаживая себя, глядя на меня, его грудь хаотично двигается вверх и вниз.

Хлопковая футболка, которую я надела в постель, трется о твердые соски с каждым моим вдохом. Я чувствую тяжесть между ногами, покалывание, которое быстро перерастает в боль.

Джеймс приказывает: — Сядь, — и мое сердцебиение бешено колотится.

Я выполняю его указание, подгибаю ноги под себя и жду следующей команды, затаив дыхание.

Свободной рукой он двигает меня вперед. Я подползаю к краю кровати, потом снова подгибаю ноги под себя, глядя на него, все мое тело дрожит.

Он тихо говорит: — На руки и колени.

Я выдыхаю в порыве. Затем делаю то, что мне говорят, остро ощущая каждый сантиметр кожи на своем теле. Нервы поют. Кровь бьется в моих венах.

Все еще поглаживая свою эрекцию, Джеймс придвигается ближе к краю кровати, пока его член не оказывается в нескольких сантиметрах от моего лица.

Я не могу отвести взгляд. Мое зрение сужается до туннеля, в конце которого стоит огромный, красивый член, гордо выпрямившись, с маленькой капелькой влаги, вытекающей из щели.

Свободной рукой Джеймс хватается за челюсть и заставляет поднять на него глаза.

Его глаза темные и дикие.

Он грубо говорит: — Ты будешь сосать мой член и играть со своей киской, пока я буду шлепать тебя по заднице, дорогая. Ты готова?

Трепет, похожий на ужас, пронизывает меня. Но это не ужас, это подъем, шок от того,

как сильно я хочу, чтобы это пронзило меня, как ядерный ветер.

Дрожа, я шепчу: — Я готова.

Мой темный командир вознаграждает меня опасной улыбкой.

С горящими глазами Джеймс ждет меня, не говоря больше ни слова. Он тоже не шевелится, просто стоит неподвижно, когда я перевожу дыхание и бросаю взгляд на его зажатый в кулаке член.

Я переносу свой вес вперед на руки и осторожно облизываю бусинку влаги, сверкающую на кончике.

Все мышцы его живота сокращаются. Его пальцы, свернутые вокруг моей челюсти, дергаются.

Я воспринимаю это как положительный знак и просовываю набухшую головку между губами.

Он тихо втягивает воздух.

Я закрываю глаза и беру его еще больше, наслаждаясь тем, какой он горячий и твердый на моем языке, наслаждаясь его слабым вкусом соли и мускуса. Оттягиваясь назад, чтобы обхватить языком головку, я задерживаюсь там на мгновение, сосу, наслаждаясь, чувствуя, как пульсирует вена его ствола на моем языке.

Его рука скользит по моей челюсти к горлу, и он нежно сжимает.

Почему мне это нравится? Почему этот маленький жест доминирования заставляет меня сжиматься и вздрагивать? Почему он должен заставлять меня стонать?

Своим властным голосом он говорит: — Засунь пальцы себе в трусики и прими этот член себе в глотку.

Балансируя на одной руке, я просовываю другую руку между ног, нащупываю влажные трусики, отодвигаю их в сторону. Как только мои пальцы скользят по пульсирующему клитору, я расслабляю горло и скольжу губами по его стволу так глубоко, как только могу.

Он стонет, потом ругается, его рука горячо сжимает мое горло. Затягивает.

Я медленно отхожу, открываю глаза, чтобы посмотреть на него, когда сосу его кончик. Его глаза затуманены, он тяжело дышит, облизывая губы, наблюдая за мной.

Он спускается вниз и ласкает мою грудь через рубашку, сначала одну, потом другую, перекатывая мои твердые соски между пальцами, сжимая их полноту грубой, нуждающейся хваткой. Я задаю ритм, мои бедра покачиваются на моей руке, когда я беру его глубоко в горло и снова выпускаю, мое сердце колотится, как сумасшедшее.

— Я отшлепаю тебя, — бормочет он. — Не кончай.

Не кончать? Что он имеет в виду под "не кончай"? Разве это не то же самое, что...

ЩЛЕП!

Я подпрыгиваю, тяжело втягивая воздух через нос. Когда он шлепает меня снова, я скулю от боли и быстрее работаю пальцами между ног. Я такая мокрая, что слышу звук, который я издаю в комнате, даже над тихим барабанным боем дождя. Я сильнее сосу его член, жадно заглатывая как можно больше.

— Господи, Оливия. Ты такая чертовски красивая. Боже мой.

Каждое следующее слово прерывается одышкой. Он наклоняется и снова шлепает меня по заднице, шесть раз подряд. Мой оргазм приближается, как волна на гребне. Конечно, он знает.

— Этот оргазм принадлежит мне. Он принадлежит моему члену, а не твоим пальцам. Не смей кончать до того, как я буду внутри тебя.

Или что? Отшлепаешь меня?

Я схожу с ума. Наверное, так и есть. Единственная причина, почему я не смеюсь, заключается в том, что мне в горло воткнули двенадцатидюймовую стальную трубу, но я чувствую себя высоко, как отвязанный воздушный змей, бездумно парящий в небе, падая в яркое, опасное небытие.

Вдруг его член исчезает, и я падаю на спину, удивленно моргая глазами, когда Джеймс нависает надо мной.

— Я не пытаюсь наказать тебя, не позволяя тебе кончить, — говорит он отрывисто, — Просто если мы оттягиваем как можно дольше, это увеличивает удовольствие. Это называется эджинг или управление оргазмом.

Эджинг-смеджинг! Давай просто доведем эту крошку до самого дома! Лежа под ним, я потею и дрожу, не в состоянии говорить.

— Хорошо?

Стону в знак протеста, закрывая глаза.

Он целует меня в шею, шепча: — Скажи мне, чего ты хочешь. Если тебе действительно надо кончить прямо сейчас, скажи мне. Ты же знаешь, что я о тебе позабочусь.

Я открываю глаза и смотрю на него. Он смотрит на меня с напряженным вниманием, его темные волосы спадают на лоб, лицо затененное, красивое и полное тревоги.

Что-то в моей груди отпирается. Тяжелая дверь со скрипом открывается на ржавых петлях, впуская свет.

— Ладно, — говорю я, мой голос почти не слышен. — Давай сделаем всю эту штуку с управлением. Я тебе доверяю.

Он застывает. Кажется, он даже не дышит. Но под всем этим спокойствием и совершенным контролем что-то массивное бурлит и горит, вырывается из темноты, ища глубины его глаз.

— Ты мне доверяешь?

— Да.

Он произносит мое имя благоговейным шепотом, поднимая руку, чтобы нежно убрать прядь волос с моей щеки и заправить ее за ухо.

Я говорю: — Не будь таким странным, любовничек. У меня не было секса с тех пор, как Duran Duran возглавляли хит-парады. Давай сделаем это.

Он качает головой, тихо смеясь. — Ты вообще уже существовала в 1980—х?

— Да.

— Так ты занималась сексом в детстве?

— Нет. Гадость. Пожалуйста, дай мне свой рот сейчас.

— Конечно. — Он опускает голову и нежно целует меня в горло.

— Не там.

Подняв голову, он посылает мне ленивую и знакомую улыбку. — Нет? А где же тогда?

— Между ног.

Он качает головой и выгибает брови, будто не понимает, о чем я говорю.

— На киске.

Он насмешливо шепчет: — Оооо, там.

— Да, пожалуйста. Сейчас, пожалуйста. Если только ты не хочешь отшлепать меня там, потому что я это люблю.

Он смотрит на меня, его улыбка исчезает. Он изучает меня, его напряжение растет с

каждой секундой, пока он не говорит низким, лаконичным голосом: — Это хорошо, что ты здесь ненадолго. Иначе я бы сделал тебя своей.

Его слова волнуют меня, как и страсть в его глазах. Но страсть сдерживается той темнотой, которая появляется в неожиданные моменты, темнотой, которая должна была бы напугать меня, но вместо этого вызывает желание погрузиться в нее и потеряться в ней.

— Ты так говоришь, будто быть твоей было бы плохо.

— Это не было бы хорошо, Оливия. Не для тебя.

— Почему нет?

После напряженного колебания он пробормотал: — Деликатная тема.

Снаружи гремит гром. Треск белой молнии ненадолго освещает комнату. Я отталкиваю жуткое и иррациональное ощущение, что сама природа предостерегает меня от него, и беру в руки его челюсть.

Глядя глубоко в его прекрасные голубые глаза, я говорю: — Ты не можешь видеть себя так, как вижу я, Джеймс. Любая женщина была бы счастлива принадлежать такому мужчине, как ты. Однажды ты найдешь свою половинку. И кем бы она ни была, я надеюсь, что никогда ее не встречу, потому что я буду так завидовать, что захочу ударить ее прямо в лицо.

Он вдыхает, ноздри раздуваются. Его глаза сужаются до щелей.

Затем, с поразительной жесткостью, он прижимает свой рот к моему.

Он целует меня так жадно, что у меня мгновенно перехватывает дыхание. Мое сердце бешено колотится, так сильно, что кажется, будто оно бьется за пределами моей груди. В следующий момент он исчезает, встает на колени, чтобы стянуть мою тонкую футболку мне на грудь, на лицо и руки. Он собирает ее вокруг моих запястий и связывает концы вместе, сильно затягивая узел.

Схватив меня за предплечья, он прижимает мои запястья к матрасу над моей головой и смотрит на меня сверху вниз. Его глаза стеклянные и горят, как будто у него лихорадка.

— Не кончай, пока я не разрешу.

Его голос смертельно мягкий. Он посылает звон возбуждения, пробегающий по моим нервным окончаниям.

Мне нравится, когда он такой, на грани своего контроля. Мне нравится знать, что эта странная интенсивность желания и потребности является взаимной, что он хотел бы управлять ею, но не может, на самом деле не может, недостаточно для того, чтобы мы оставались в безопасности.

Мне понятно, что никто из нас не верит в безопасность. Больше не верим. Не после того, через что нам пришлось пройти.

Мы связаны ужасной правдой, что безопасность — это иллюзия.

Это также то, что в этот момент освобождает нас обоих.

Он срывает с меня трусики. Буквально рвет их, с легкостью разрывая кружевной материал и выдергивая лоскуты из-под меня. Затем он просовывает лицо между моих бедер и начинает жадно сосать мой клитор, тянется вверх, чтобы грубо сжать мою грудь в своих больших горячих руках.

Мне это нравится. Мне так нравится, что я выгибаюсь и вздрагиваю, вознаграждая его гортанным стоном, который превращается в форму его имени.

Он сжимает мои соски и работает языком между моих ног, поднимая меня все выше и выше, пока я не начинаю умолять его отпустить. Но он не отпускает меня. Вместо этого он

поворачивает голову к моему бедру и кусает меня там, его зубы впиваются в мою нежную плоть с жалом, клеймящим мое сердце.

— Еще нет, красавица, — предупреждает он, его голос твердый, — Не без меня внутри тебя.

Я качаю бедрами, стону, беспокойно поворачивая голову из стороны в сторону.

— Тогда трахни меня. Быстрее. Пожалуйста.

В его груди гремит животный звук. Тот, что говорит мне, что ему нравится моя реакция, мои слова, моя безоговорочная потребность в том, что он мне дает. Матрас прогибается, когда он ступает на пол. Я слышу, как он копается в своей одежде, затем я слышу, как рвется фольга, и знаю, что на этот раз он пришел подготовленным.

Матрас снова проседает. Джеймс говорит: — Открой глаза.

Он нависает надо мной, положив руки по обе стороны моей головы. Я смотрю вниз и вижу его эрегированный член, завернутый в презерватив, который сильно покачивается между моими раздвинутыми бедрами.

Он толстый и длинный, намного больше, чем у меня когда-либо был раньше, но я не девственница-невеста. Я знаю, что он подойдет мне как нельзя лучше.

Я зачарованно наблюдаю, как он сжимает свой член в руке и толкает его к моим мокрым складкам. Он скользит им вверх и вниз, пока верхушка не начинает блестеть.

— Посмотри на меня.

Когда я встречаюсь с его темным взглядом, он рычит: — Ты моя до сентября. Скажи это.

Я говорю, затаив дыхание: — Да. Я твоя до сентября. Я вся твоя.

Одним резким движением бедер он заталкивает весь свой толстый член глубоко в меня.

С криком я выгибаюсь из матраса. Он подпирается на локоть, впивается кулаками в мои волосы, а другую руку протягивает подо мной, чтобы собственническим движением схватить меня за задницу.

На мое ухо он приказывает: — Обхвати меня ногами за талию.

Я так и делаю, дрожа всем телом. Он выдыхает, медленно отходит, пока внутри меня не остается только кончик его члена, потом снова вонзает его.

Он подавляет мой стон поцелуем, глубоким и требовательным. Затем он снова и снова вонзает меня, сильно въезжая в мое болезненное влажное влагалище.

Это не нежно. Это не любовь. Это трах, сырой, животный и прекрасный в своей неотложности.

Единственное сильное сокращение внутри меня заставляет меня оторваться от его рта и умолять. — Джеймс, о Боже, Джеймс, пожалуйста, мне надо кончить, пожалуйста, *позволь мне кончить...*

Тяжело дыша, он замедляет движение бедер до мельчайших движений, затем замирает. Твердым голосом он говорит: — Нет.

Он наклоняет голову к моей груди и втягивает мой твердый сосок в горячий, влажный жар своего рта.

Обезумев, я барахтаюсь под ним. Моя кожа горит. Все мои мышцы сжаты. Я качаю бедрами, трусь клитором о его таз и преследую жжение, разгорающееся в моей сердцевине. Я чувствую прилив возбуждения, когда его член дергается в ответ.

Он приближает свой рот к моему уху. — Такая плохая девочка. Моя прекрасная, плохая девочка. Если ты сейчас же не прекратишь двигать бедрами, я выйду из тебя и отшлепаю

тебя по заднице, пока она не заболит так, что ты не сможешь сидеть целую неделю.

Я рыдаю от разочарования.

Я знаю, что эта игра на грани — это игра, в которую я согласилась играть, но, черт возьми, как же я жалею об этом.

Не двигаясь, я лежу под ним, задыхаясь и дрожа, с мокрой от пота кожей. Он снова наклоняет голову к моей груди, одаривая вниманием другой сосок, пощипывая его и проводя по нему языком.

Мне так хочется пошевелить бедрами. Вместо этого я сильно кусаю нижнюю губу и остаюсь неподвижной, пока Джеймс перемещается туда-сюда между моими пульсирующими сосками, сосет и нежно кусает, испытывая мою плоть зубами, чтобы увидеть, что заставляет меня стонать, а что заставляет меня задыхаться.

Когда я уже готова сломаться и заплакать, Джеймс шепчет: — Идеально. Ты идеальна. Я люблю тебя такой, за то, что ты так стараешься быть для меня хорошей, даже если тебе так сильно хочется кончить.

— Так сильно, — лепечу я, — так... *так* сильно.

Джеймс говорит что-то, чего я не могу понять.

Или я действительно брежу, и мой мозг слишком воспален, чтобы понимать слова, или он говорит на языке, который я не узнаю, чем-то экзотическим и мужским, со всеми скрипучими фрикативными с оттенком, похожим на мурлыканье.

По какой-то причине, это то, что в конце концов заставляет меня сломаться.

Я начинаю выгибать бедра, неистово трахая себя на твердой длине прекрасного члена, похороненного внутри меня.

Джеймс ругается, и я его понимаю.

— Я кончаю! Кончаю, кончаю, кончаю, кончаю! Я не могу остановиться, о Боже, Джеймс, я не могу остановиться...

Он вонзается в меня и рычит: — Отдай это мне.

— О, блядь, блядь...

— Да, любимая, *дай мне нахуй все, что у тебя есть.*

Бьась в конвульсиях и крича, я барахтаюсь под ним, пока он трахает меня. Оргазм разрывает мое тело с такой силой, что это похоже на детонацию. Сжимаю и отпускаю, сжимаю и отпускаю, волна за волной, волна за волной наслаждения накрывает меня. Беспомощная, я отдаюсь ему, когда Джеймс въезжает в меня, бормоча, его рот прижимается к тому месту, которое пульсирует на моем горле. Держа мои запястья и сильно присасываясь к моей шее, он проникает в меня мощными ударами, опустошая меня.

Владея мной.

Он ненадолго замирает, а затем издает хриплый стон. Все его тело дергается. Он приподнимается на руки, запрокидывает голову назад и кричит.

Затем снова начинает выгибать таз, трахая меня прямо во время оргазма.

Я крепко сжимаю бедра вокруг его талии и держусь, пытаюсь игнорировать предупреждающий голос Келли в моей голове, который говорит мне быть осторожной.

Но уже слишком поздно.

Где-то ближе к рассвету дождь утихает. Я лежу, засыпая в теплом убежище объятий моего любовника, слушая, как его сердце медленно и равномерно бьется о мою щеку, чувствуя чудесную боль в моем теле, нежные места, где он проводил зубами по моей коже и погружал свои сильные пальцы глубоко в мою плоть, когда брал меня.

Он пометил меня. Более чем одним способом.

Я стараюсь не думать об этом.

Джеймс пробормотал: — Ты проснулась.

— Как и ты, наверное.

— Я никогда не засыпал.

Я откидываю голову назад и смотрю на него. Он смотрит на меня мягкими глазами и еще мягче улыбается. Его темные волосы взъерошены, и ему крайне необходимо побриться, но он так роскошен, что у меня перехватывает дыхание.

Он наклоняет голову и прижимает нежный поцелуй к моим губам, затем прижимает мое тело к своему, подтягивая меня ближе, так что я плотно прижимаюсь к его боку. Его плечо поддерживает мою шею. Наши ноги сплетаются под смятыми простынями. Он прижимается щекой к моему лбу и одной рукой играет своими волосами, а другой нежно скользит по моей обнаженной спине вверх и вниз.

Он обводит кончиками пальцев бугорки моего позвоночника, медленно и трепетно, будто запоминает форму каждого из них.

Мне так хорошо, когда я лежу с ним вот так. Так интимно и правильно.

Колодец необработанных эмоций заставляет меня спрятаться лицом в его шею и закрыть глаза. Я перевожу дыхание и борюсь с чувствами. *Возьми себя в руки. Это не личное. Это секс. Это страна фантазий. Это не более, чем летняя интрижка.*

— Я знаю, — бормочет Джеймс, касаясь губами моих волос, — Я тоже борюсь с этим.

Я настолько поражена его странным восприятием, что на мгновение все, что я могу сделать, — это лежать в шоке. Оправившись, я слишком громко говорю: — Это так *странно*. Ты *должен* прекратить это делать!

— Я ничего не могу сделать.

— Ты мог бы ничего не говорить!

— Я бы все равно заметил.

— Возможно, но я бы не чувствовала, что ты влез прямо в мой продолговатый мозг!

Он хихикает, сжимая меня. — Ты имеешь в виду твой головной мозг.

Я хмурюсь на его подбородок. — Что?

— Головной мозг выполняет высшие интеллектуальные функции, такие как обработка речи и эмоций. Продолговатый мозг управляет произвольными телесными функциями, такими как чихание или рвота.

Я бормочу: — Я сейчас покажу тебе несколько произвольных телесных функций, вот что я тебе скажу.

Он снова сжимает меня, пытаясь подавить смех, потому что знает, что я в ярости.

— Перестань быть умнее меня. Это раздражает.

Он принимает серьезный тон. — Прости. Я забыл о твоих научных степенях.

— Точно.

— Наверное, это тоже оскорбление для твоего гордого феминизма.

— Чувак, ты даже *не* представляешь.

Он делает паузу. — Ты только что назвала меня чуваком?

— Я выросла в Сан-Диего. Если ты не запрограммирован на сленг серфингистов выпускного класса средней школы, тебе не дадут выпуститься.

Как только это прозвучало, я поняла свою ошибку. Я закрываю глаза и кладу голову ему на плечо, надеясь, что он не заметит того, что я сделала.

Но я забыла, с кем имею дело. Этот человек — умник. Он замечает все.

— Калифорнийская пляжная девушка, — говорит он, тыкаясь носом в мои волосы, — Это значит, что ты умеешь кататься на серфинге?

Я раздумываю, обращаться или нет к Деликатной теме, но решаю, что кот уже вылез из мешка. — Я пыталась заниматься серфингом в подростковом возрасте, но, оказывается, если все детство просидеть дома, погрузившись в книжки, это не делает человека особо спортивным.

— Ты не могла встать на доску?

— Если бы это было так просто. Мало того, что не смогла встать, я едва не утонула.

Он отвечает с полной уверенностью: — Я мог бы научить тебя серфингу. У меня отличные навыки обращения на воде.

— *Навыки на воде?* Ты так говоришь, как будто прошел курсы или что-то в этом роде.

— Продвинутый курс, да. Навыки на воде — это фундаментальная вещь.

Хорошо, что я не использую ботокс, потому что в ответ на это странное заявление я так сильно наморщила лоб, что чуть не разбила себе лицо.

Через некоторое время Джеймс говорит: — Давай. Спроси меня.

Его тон снисходительный. Он не выглядит обеспокоенным. — А как насчет земли Деликатной темы?

— На этот раз я откажусь от нее. Но взамен получу один бесплатный проход.

— Я только что дала тебе бесплатный проход, когда сказала, где я выросла!

— Да, но это было случайно. А я хочу *намеренно*.

Я смотрю на него и изучаю его лицо. — Ты очень странный человек.

Он улыбается. — Тоже самое, горячая штучка. Договорились?

Побежденная, я вздыхаю. — Ладно. Договорились.

— Хорошо. Итак, ты хочешь знать о водной компетентности?

— Да.

— Ты думала, что я тайный морской котик или что-то в этом роде?

Я думаю об этом. — Не совсем, но теперь, когда ты об этом упомянул, кажется, что ты мог бы пройти какую-то формальную военную подготовку.

Он смотрит на меня с изогнутыми бровями. — Правда? Как так?

— Ты очень... альфа.

Он взрывается смехом. — *Альфа?*

Я говорю кисло: — В отличие от бета-версии, да.

— Все феминистки так думают о мужчинах? С точки зрения греческих букв?

Я на это закатываю глаза. — Не альфа, как греческая буква, а альфа, как волк. Вожак стаи. Самый сильный, который защищает всех остальных.

Его смех медленно утихает, пока он не смотрит на меня с присущей ему интенсивностью и пронзительной сосредоточенностью.

Я говорю: — Я вижу, как крутятся шестеренки.

— Я даю тебе только один бесплатный пропуск.

— Я не спрашиваю, я просто говорю.

— Что именно ты говоришь?

— Неважно. Вернемся к вопросу об умении держаться на воде. Рассказывай.

Джеймс смотрит на меня. Тишина нарастает, пока не становится невыносимой. В моей голове трещит миллион разных теорий, каждая из которых неправдоподобнее предыдущей: от того, что он когда-то был каскадером в кино до эксперта по водному абордажу, допрашивавшего вражеских комбатантов в грязной камере тюрьмы в Гуантанамо.

Когда он наконец отвечает, тон его рассказа — констатация факта. — В детстве я был спасателем в нашем общественном бассейне.

Мое разочарование сокрушительно. — Ох.

Увидев, как я растеряна, услышав его простое объяснение, он снова начинает смеяться, только на этот раз уже не может остановиться.

Я бью его кулаком в грудь. — Заткнись, придурок!

Он тянет меня на себя и смеется, смеется и смеется, его голова откинута назад в подушку, а глаза закрыты, руки крепко обхватывают меня, чтобы я не могла вырваться, даже когда я борюсь.

— Видела бы ты свое лицо! — улюлюкает он. Вся кровать содрогается от его смеха — Ты выглядела так, будто тебе только что сказали, что Рождество отменили!

— Ха-ха, — сухо говорю я. — Смейся, любовничек, потому что в следующий раз, когда ты уснешь и будешь нежно храпеть, я прокрадусь к тебе в квартиру и брошу тебе в рот червяка. Тогда ты не будешь смеяться.

Джеймс резко перестает смеяться и смотрит на меня. — Черви имеют дурную славу. Они очень питательны и на самом деле не так уж плохи на вкус, если привыкнуть к их текстуре.

Я смотрю на него с разинутым ртом, пока он снова не растворяется в шквале смеха.

Я вздыхаю с отвращением, кладу голову на его широкую грудь и жду, пока он не выведет это из организма.

— Боже, ты такая чертовски очаровательная. — Он засыпает поцелуями всю мою макушку.

Глядя на комод на противоположной стороне комнаты, я говорю: — Рада, что ты находишь меня такой забавной. Возможно, у меня есть будущее в стендап-комедии.

Он берет мое лицо в руки и глубоко целует меня, его язык ищет мой рот. Когда он отрывается и говорит, его голос становится хриплым, а глаза становятся горячими. — Да, я нахожу тебя забавной. Забавной, захватывающей и такой чертовски сексуальной, что я мог бы провести с тобой всю жизнь и никогда не насытиться.

Пораженная силой и неожиданным удовольствием от его слов, от их беспрекословной честности, а особенно от упоминания о целой жизни, я не могу вдохнуть полной грудью. Тихим, сдавленным голосом я говорю: — Ты и сам не так уж плох.

Это дарит мне улыбку. Он шепчет: — Знаешь, как на такого крутого гениального писателя, у тебя ужасно заплетается язык, когда кто-то делает тебе комплимент.

— Писать — это совсем не то, что говорить. Гораздо труднее быть последовательным вслух, чем на бумаге.

Он задумчиво смотрит на меня, поглаживая большими пальцами мои щеки. — Тогда

запиши это для меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что вместо разумного ответа на то, что я сказал, напиши то, что ты на самом деле почувствовала.

Я взволнованно смотрю на него, мои глаза широко открываются. — Но... мы не переходим на личности.

Его голубые глаза притягиваются к моим с силой гравитационного поля. Он грубо говорит: — Ты слишком умна, чтобы в это поверить.

— Джеймс...

Он переворачивает меня и перекатывается на меня, так быстро, что я испуганно восклицаю. Затем он сжимает кончиками пальцев мою кожу головы, его глаза горят голубым огнем, и он говорит: — Ты сказала, что не хочешь, чтобы я задавал тебе личные вопросы, и я стараюсь это уважать. Я стараюсь уважать то, что по какой-то причине ты не хочешь, чтобы я приближался к тебе.

Мое сердце безумно колотится в груди. — Причина в том, что я покидаю страну в конце лета.

— Нет, это не так, — приходит жесткий и быстрый ответ, — Настоящая причина в том, что ты боишься.

— Ты удобно забываешь свое загадочное заявление о том, что мне не будет хорошо, если я буду принадлежать тебе. И твое внезапное, необъяснимое исчезновение во время ужина, и то, как ты сказал, что ты сломан. И не забывай о твоей ненормальной одержимости смертью. Неужели все это должно заставить меня чувствовать себя в безопасности, когда я открываюсь?

— Я никогда не говорил, что одержим смертью, — говорит он, стиснув зубы.

Мой ответ ледяной. — Скажи правду, Джеймс.

— То, что в моей последней коллекции есть портреты скорбящих людей, не значит...

— Что ты увидел, когда впервые встретил меня в кафе?

Его дыхание неровное, ноздри раздуваются, он молча смотрит на меня.

— Я точно знаю, что ты увидел, — тихо говорю я, глядя ему в глаза. — И это были не только бабочки и радуга.

— Я видел красивую женщину, с которой хотел бы познакомиться поближе.

— Чувшь собачья. Ты видел женщину, которая гуляла на собственном кладбище. Так же, я подозреваю, ты ходишь по своему.

Выражение его лица невозможно описать. Это отчасти гнев, отчасти разочарование и отчасти ужасное удивление.

Потому что я сделала это. Я забила этот чертов гвоздь прямо в голову.

Так же быстро, как он скатился на меня, он скатился с меня. Уставившись в пол, он садится на край матраса и проводит рукой по волосам. Смущенная, я сажусь, подтягиваю колени к груди и натягиваю простыни на грудь, наблюдая за ним.

Через некоторое время он спрашивает: — Хочешь, чтобы я ушел?

— Я хочу, чтобы ты был честен со мной.

Его тон ровный. — На самом деле ты не хочешь.

Тепло пробегает по моей шее. Я на мгновение замолкаю, чтобы взять свой гнев под контроль, а затем говорю: — Это было снисходительно и не оценено.

Он поворачивает голову и смотрит на меня через плечо. Его глаза такие же плоские, как

и голос. — Ты когда-нибудь видела фильм Матрица?

— Какое, черт возьми, это имеет отношение к нашему разговору?

— Просто отвечай на вопрос.

Тепло в моей шее распространяется до ушей, где застывает, пульсируя. — Ладно. Да, я видела его. И что?

— Когда Морфей подходит к Нео и предлагает ему две таблетки — красную, которая откроет правду о том, что мир, который он знает, является иллюзией, или синюю, которая позволит ему остаться в блаженном неведении и вернуться к своей старой жизни, — какую таблетку выбрала бы ты, зная, что будет после?

Я смотрю на татуировку на его плече, на странную латинскую фразу и ряды тонких черных линий, и меня пронизывает холодный ветер. Во рту пересыхает.

Джеймс говорит с жесткой окончательностью: — Ты выберешь синюю таблетку.

— Это какая-то аллегория на то, что ты — красная таблетка?

— Нет. Это должно показать, насколько ты готова иметь дело с реальностью. Потому что правда в том, что иногда незнание является гораздо более мудрым выбором. Мудрее и безопаснее для всех заинтересованных сторон.

Он встает и начинает одеваться.

Полная амбивалентности и острого, неназванного страха, я смотрю, как он натягивает трусы и брюки, носки и рубашку. Он быстро застегивает ремень, обувает черные мокасины и поднимает смятый пиджак с того места, где он бросил его на пол.

Затем он стоит и смотрит на меня в постели, его глаза потемнели.

— Те правила, которые ты установила для нас, были разумными. Никаких вопросов, никаких условий... так действительно лучше. Лучше для тебя, в основном, но также и для меня, потому что если бы у меня не было этих рамок, в которых я мог бы действовать, я бы уже решил, что собираюсь дать тебе красную таблетку, несмотря на последствия.

Он разворачивается и идет через комнату. В дверях он останавливается и оглядывается на меня.

— Если ты хочешь увидеть меня снова, Оливия, ты знаешь, как меня найти. А если нет, я пойму. Если я не получу от тебя известия в течение двух дней, я буду считать это ответом.

Он развернулся и вышел.

***

— О чем, черт возьми, этот человек говорил?!

— Я не знаю, Келли, но это меня чертовски напугало.

Я отступаю в другую сторону перед большим столом в библиотеке Эстель, сжимая в руке трубку телефона смертельной хваткой. Мой мобильный все еще лежит на полу на кухне, поэтому мне пришлось воспользоваться стационарным телефоном.

Хотя в Нью-Йорке уже почти полночь, я была настолько смущена тем, что случилось с Джеймсом, что не могла дождаться, чтобы позвонить Келли, пока там не наступило утро.

— Так что ты собираешься делать, детка?

Я тяжело выдохнула. — Как ты думаешь, Майк мог бы заняться им? Просто чтобы узнать, имею ли я дело с психопатом или нет?

В ее голосе слышится пожатие плечами. — Не понимаю, почему бы и нет. Я спрошу его прямо сейчас. — Она закрывает телефон рукой. Я слышу приглушенные крики, короткая тишина, потом снова приглушенные крики. Потом она возвращается на линию. — Он позаботится об этом. Просто напиши мне имя твоего жеребца и любую другую информацию,

которой ты располагаешь.

— О, черт.

— Что?

— Я не знаю его фамилии.

Келли фырчит. — Шлэндра.

— Я могу спросить у менеджера дома.

— Он живет в том же доме?

— Да.

— Тогда почему бы тебе просто не вломиться к нему и не осмотреть все вокруг?

Я прекращаю ходить. — Пожалуйста, скажи, что ты шутишь.

Она говорит серьезно: — Обязательно загляни в его аптечку. В аптечке хранятся сочные секреты каждого, и тебе не нужен пароль, чтобы войти туда, как в компьютер.

— Так вот как ты узнала, что я принимаю антидепрессанты.

— О, дорогая, это не было государственной тайной. Ты перешла от хождения как зомби к хождению как... ну, как медикаментозный зомби.

Приятно знать, что я была такой прозрачной. — Возвращаясь к Джеймсу. У Майка не будет неприятностей из-за того, что он изучает его, да? Потому что, если это связано с каким-либо риском, я не хочу, чтобы он это делал.

— Не волнуйся об этом. У Майка есть разрешение. Просто дай мне имя твоего мальчика-игрушки, и к концу дня у тебя будет полная информация.

Длинная зевота пересекает линию, заставляя меня чувствовать себя виноватой. — Я позволю тебе вернуться в постель, Кэлл. Прости, что побеспокоила тебя так поздно.

— Не стоит. Это просто золото. Не могу дождаться, чтобы увидеть, что Майк накопает на твоего жеребца. — Ее голос становится светлее. — Как думаешь, он в программе защиты свидетелей?

Великие умы думают одинаково. — Сомнительно. Если бы ты была в программе защиты свидетелей, ты бы устраивала художественные выставки по всему Парижу?

— Хм. Хорошее замечание. Но, честно говоря, даже если бы это было так, захотела бы ты отказаться от этого прекрасного двенадцатидюймового члена?

Я говорю серьезно: — Я сожалею, что рассказала тебе об этом.

— Ха! Как бы не так! Ты нарисовала такую яркую картину его причиндалов, что я вижу эту проклятую шгуку так, будто она запечатлелась в моем мозгу! — Она протрезвела. — Но мы должны поговорить о результатах.

— Почему это звучит зловеще?

— Ну, например, что, если окажется, что он член мафии?

— Что ты имеешь в виду под что, если? Я бегу очень далеко — вот что если

В ее голосе звучит сомнение. — Правда? Ты сбежишь от человека, который бросается на тебя, даже не поздоровавшись, только потому, что он связан с мафией?

— *Только потому?* С кем я сейчас разговариваю? Что ты сделала с моей лучшей подругой?

— Значит, мафия — это категорическое нет.

— Конечно, нет! Келли! — Я несколько раз стучу трубкой по столешнице. — Я тебя плохо слышу!

Ее тон небрежный. — Я имею в виду, что никто не идеален. И большой член многое компенсирует.

Я скорчила гримасу на телефон. — Сколько вина ты выпила за ужином?

Она игнорирует меня. — А если он шпион?

Я вздыхаю, смотрю в потолок и качаю головой. — Такой же ответ, как если бы он был в мафии.

— Сбежавший из психиатрической лечебницы?

— Ладно, этот разговор достиг предельной скорости бессмысленности.

Тебе пора спать. — Но вот это меня немного беспокоит.

— Фу, ты портишь мне все удовольствие. Ладно, я иду спать. Технически, я уже в постели, но я иду спать. Не то, чтобы я смогла заснуть из-за той истории о твоей оргазмической маленькой связи в русском отделе книжного магазина, но неважно. Приятных снов.

Я рассказала ей все, что произошло с Джеймсом с момента нашего последнего разговора. Не то, чтобы у меня был выбор: она прямо потребовала подробностей, как только подняла трубку.

Не думаю, что она шутила, когда сказала, что будет жить из-за меня. Майк, кажется, в последнее время расслабился в сексуальном плане.

Мы с Келли прощаемся и кладем трубку, потом я возвращаюсь на кухню и беру номер Эдмонда из записки, которую Эстель оставила на холодильнике. Начинаю набирать номер, но останавливаюсь, взглянув на часы.

Сейчас шесть утра.

Тогда мне приходит в голову блестящая идея посмотреть на стену почтовых ящиков на первом этаже. Дом десятиэтажный, и, по словам Эстель, на каждом этаже по четыре квартиры. Значит, там должно быть всего сорок почтовых ящиков.

Каждая из них помечена именем.

В доме может жить больше одного Джеймса, но мне придется назвать Келли их имена. Полная решимости, я иду в спальню, чтобы одеться, а затем спускаюсь на лифте вниз.

Через пятнадцать минут я отправляю Келли электронное письмо, состоящее всего из двух слов.

Джеймс Блэквуд.

Через несколько минут она отвечает.

Звучит как имя кинозвезды.

— Или псевдоним, — бормочу я, уставившись в экран.

Я не могу избавиться от странного ощущения, что где-то уже слышала это имя.

Я пытаюсь писать, но моя муза в отчаянии и отказывается появляться. Поэтому я провожу несколько часов, убирая квартиру, стараясь как можно больше заняться чем-то и не давать мыслям о Джеймсе вторгнуться в мою голову.

Одно мне удается лучше, чем другое.

После того, как квартира безупречно убрана, я иду в ближайший магазин. Я возвращаюсь домой с сыром, которого хватит на несколько жизней, и с таким большим багетом, что на нем можно было бы расстелить футон. Мне приходится проталкивать его через входную дверь.

В конце концов, я сдаюсь, захожу в спальню и падаю на кровать, где провожу часы, расслабленно глядя в потолок, время от времени думая о своей незавершенной работе, но в основном о Джеймсе.

Видимо, я задремала, потому что когда через некоторое время зазвонил домашний телефон на тумбочке, я в панике вскочила с места. Дезориентированная, я оглядываюсь.

Свет изменился. Послеобеденное солнце разрисовывает стены светящимися золотистыми полосами. На мгновение я не осознаю, где я, но настойчивый звонок телефона наконец возвращает меня к реальности.

— Алло?

— Дорогая, это я.

Зевая, я протираю кулаком глаза. Я дала Келли домашний номер во время нашего последнего разговора, потому что может пройти несколько дней, прежде чем я смогу починить свой мобильный или купить новый, если старый уже окончательно не будет работать.

— Привет.

— У тебя такой голос, как будто ты спала.

Мрачность ее тона заставляет меня затаить дыхание. — А у тебя такой голос, будто у тебя плохие новости.

— Так и есть.

Мой живот сжимается. Пульс начинает учащенно биться. Я перекидываю ноги через край кровати и крепче сжимаю телефон. — О, Боже. Джеймс в мафии, да?

Келли вздыхает, и это звучит грустно. — Нет, детка. Он не в мафии. Ничего подобного.

— Он женат. — *Если она скажет так, я убью его голыми руками.*

— Нет.

Когда она молчит слишком долго, я срываюсь. — Господи, Келли, что это за хрень? Я тут умираю!

— Позволь мне начать с хорошего. У твоего парня отличная кредитная история. Он вовремя платит налоги. Он чист с точки зрения закона: никаких тяжких преступлений, криминального прошлого, неисполненных ордеров, бла-бла-бла.

У меня перехватывает дыхание от нетерпения. — Да? И?

Она прочищает горло. — Он вырос в Сан-Франциско. Получил стипендию в Институте искусств в Чикаго, затем продолжил образование в Национальной школе изящных искусств в Париже.

Значит, он американец, как и я. Почему у меня дрожат руки? — Что еще?

— Хочешь знать, сколько у него на банковском счету? Потому что я была удивлена, насколько он богат, учитывая весь этот стереотип о голодных художниках...

— Келли! Нет, я не хочу знать, сколько у него денег! Я хочу знать, чего ты так долго тянешь!

После паузы она отвечает. — У него боковой амиотрофический склероз.

Я хмурюсь, ища в памяти любые подсказки о том, что такое БАС, но ничего не нахожу. — Я понятия не имею, что это значит.

— Боковой амиотрофический склероз. Болезнь Лу Герига.

По тону ее голоса я понимаю, что это плохо, но не знаю, насколько именно, пока она не добавляет: — Знаешь, это то, от чего умер астрофизик Стивен Хокинг.

Я представляю сморщенную и скрученную фигуру мужчины в инвалидной коляске с электроприводом. Полностью парализованного человека, который не может ни говорить, ни двигаться, ни делать что-то самостоятельно. Человека, запертого в ненужном теле, но с полным потенциалом своего гениального мозга.

Человек, погребенный в собственной плоти.

Я задыхаюсь от ужаса, а потом затыкаю рот ладонью.

— Прости, детка. Я знаю, что это много. Особенно после... после всего, что ты уже пережила.

— Ты уверена? — прошептала я.

— К сожалению, да. Когда Майк ничего не нашел в кредитной истории Джеймса или его судимостях, он решил проверить его медицинскую историю на случай, если у него был герпес или что-то похуже, что он пытался скрыть от тебя. Ему поставили диагноз в прошлом году.

Очевидно, он участвовал в нескольких клинических испытаниях.

Боже мой, вот почему ему пришлось поехать в Германию. — Каков прогноз для этой болезни? Прогрессирование медленное? Существует ли лечение?

Голос Келли становится тише, но ее слова поражают меня до глубины души.

— Лекарства нет. Это всегда неизлечимо. Большинство людей умирают в течение трех-четырёх лет после постановки диагноза.

Теперь это имеет смысл. Все это имеет совершенный, ужасный смысл.

Неуловимость Джеймса. Его меланхолия. Его слова о том, что у него нет времени на светские беседы, и что иногда незнание является более мудрым выбором. Его странная интенсивность. Его портреты людей, страдающих от боли.

Его одержимость смертью.

Все это сочетается, словно кусочки пазла, которые подгоняются друг к другу, пока я не вижу полную картину, раскрывающуюся в своей ужасной правде:

Джеймс умирает.

Я думаю, меня сейчас вырвет.

Мой голос дрожит, я умоляю: — Что мне делать?

Ответ Келли мгновенный и твердый. — Порви с ним.

— *Что?* Боже, я не могу быть такой безжалостной!

— Он уже дал тебе отмашку. Тебе не придется ничего объяснять. Просто не звони ему больше. Уходи и спаси себя от разбитого сердца. — Ее голос смягчился. — Разве с тебя еще недостаточно?

Эта идея кажется мне совершенно неправильной. Я качаю головой, настаивая: — Нет,

мне надо поговорить с ним об этом.

— Ты *не можешь* говорить с ним об этом, детка! А что бы ты сказала? Я попросила своего друга из ФБР просмотреть *всю историю твоей жизни*, потому что подумала, что ты можешь быть психом? Как ты думаешь, как он к этому отнесется?

Я встаю и начинаю ходить по комнате, жуя ноготь большого пальца и пытаюсь думать, но мои мысли настолько разбросаны, что это невозможно.

С моей стороны было неправильно просить Майка проверить Джеймса. Независимо от моих причин, это было неправильно, и теперь я это понимаю. Я нарушила его приватность. Если меня не устраивало то, что было между нами — политика никаких вопросов, которую я установила, — я должна была так и сказать, а не действовать за его спиной, чтобы получить ответы.

Ответы на вопросы, которые я не имела права задавать в первую очередь. То, что мы занимаемся сексом, не означает, что я заслуживаю знать все его секреты.

Он мне этого не должен.

Он вообще ничего мне не должен.

Я падаю в кресло у окна и откидываю голову назад, закрывая глаза. — Да, он, наверное, будет чувствовать себя обиженным, но я все равно должна ему сказать.

— Ты *не должна* ничего делать.

— Так будет правильно, Кэлл. Я не буду упоминать о ФБР, потому что от этого все это будет звучать в десять раз хуже. Скажу только, что проверила его биографию, потому что я одинокая женщина, которая пытается защитить себя. Женщины постоянно так делают с новыми мужчинами, с которыми встречаются.

Тон Келли сухой. — Да, конечно. Отличная идея. Но если у мужчины есть хоть полмозга, он поймет, что нельзя просто набрать в интернете чью-то защищенную законом историю болезни, чтобы узнать, что он участвует в клинических испытаниях.

— Я могла бы быть хакером.

Она фыркает. — Ты, *хакер*? Ты же едва разбираешься в компьютерах! Ты даже не используешь компьютер, чтобы писать свои рукописи!

— Он этого не знает!

— Если он видел биографию на твоём сайте, то знает.

Я застонала. Биография. Ту дурацкую биографию, на которой настаивал мой издатель, чтобы ее разместили на моем авторском сайте, вместе с фотографией, где я сижу за столом дома... пишу от руки на желтом блокноте, как чья-то секретарша из пятидесятых годов.

Круто быть олдскульным, — гласит подпись под фотографией, потому что я гигантская идиотка.

— Возможно, он это видел, — неохотно признаю я. — Он сказал мне, что расспрашивал обо мне менеджера здания. Не знаю, сколько информации он получил, но не надо быть гением, чтобы выяснить, кто я такая, и разыскать меня.

— Вот и все.

Я на мгновение задумываюсь, жуя внутреннюю часть щеки. — Возможно, я скажу, что наняла частного детектива. Они, наверное, могли бы получить доступ к медицинским файлам, да?

— Нелегально, теоретически, да. Но это будет стоить тебе *кучу* баксов. Много тысяч. Ты действительно хочешь рассказать парню, который шлепает все твои женские части тела, как непослушных детей, что ты потратила сумму, эквивалентную ипотечному платежу, чтобы

нанять какого-то неэтичного ищейку, который копается в его личном компромате?

— *Ищейку?* Мы что, в фильме-нуар сороковых годов?

— Ничего не говори Джеймсу о том, что ты знаешь, — отвечает Келли, игнорируя мое перебивание, — Это самый разумный шаг и лучший для тебя. Ты не несешь ответственности за его проблемы, так что не хватайся за них.

Я знаю, что *хвататься* означает *брать*, но я слишком занята обидой, чтобы считать ее выбор слова милым. — Я не беру на себя ничьи проблемы. Я просто говорю о честности.

Голос Келли становится мягким. — Я знаю тебя, детка. Ты смотрительница и очень мягкотелая. Для тебя нет ничего более непреодолимого, чем безнадежное дело. Помнишь, как ты спасла всех тех одичавших котят из подземного перехода автострады?

— Они были больны! Если бы я не спасла их, они бы умерли!

— Вместо этого они жили — все *восемь* — в твоём роскошном доме, крушили мебель и ссали на ковер, потому что ты не могла отдать их в приют для животных, пока Крис не заставил тебя отдать их на усыновление. И не забывай про инцидент со страусом.

Ах, да. Печально известный инцидент со страусом.

Однажды в город приехал цирк, когда моя дочь была новорожденной. Я отказалась идти, потому что не могу смотреть, как величественных животных, таких как львы и слоны, поработают ради человеческих развлечений. Но однажды один из страусов сбежал... и оказался в моем дворе.

Я занесла его в гараж и целую неделю кормила птичьими семечками и салатом, пытаюсь придумать, как и где выпустить его на волю, пока Крис не вернулся из командировки и не увидел, что это животное довольно гнездится на кровати из его одежды, которую я сделала для него в углу.

Испугавшись, страус набросился на него. Крис утверждал, что он пытался его убить, но я думаю, что он преувеличивал. В любом случае, он позвонил в службу контроля за животными, и они забрали страуса.

Спустя несколько недель я все еще убирала перья и кучи помета.

Келли говорит: — Я хочу сказать, что Джеймс не бездомный, которого надо спасать. И — извини меня — ты не в той форме, чтобы заботиться о ком-то, кроме себя.

Мы оба знаем, что я тоже не преуспела в этом.

— Ладно. Мне нужно идти. Мой психический срыв зовет.

Келли делает паузу, прежде чем заговорить снова. — Не шути об этом.

Мой вздох большой и глубокий. — О, Кэлл, если у меня ещё не было его, то я думаю, что я в безопасности.

— Никогда не знаешь наверняка. У судьбы темное чувство юмора.

— Отлично. Спасибо за ободряющий разговор.

— Я люблю тебя, ты же знаешь.

Мне нужно сделать несколько вдохов, чтобы прогнать лягушку из горла. — Я знаю. Я тоже тебя люблю. Ты хороший друг. Спасибо, что заботишься обо мне.

— Для этого и нужны друзья, дурочка. Я кладу трубку, пока наши гормоны не синхронизировались и мы не начали рыдать. Я позвоню тебе завтра.

— Тогда и поговорим.

Вернув трубку в подставку, я сижу, положив руку на телефон, и долго смотрю в окно, пытаюсь решить, что мне делать.

Я все еще сижу в той же позе, когда снова звонит телефон. Но на этот раз, когда я

поднимаю трубку, это не Келли. Это человек, с которым я не разговаривала почти год, который не должен знать этого номера или даже знать, что я в Париже.

Это мой бывший муж, Крис.

Первое, что вылетает из его рта после моего приветствия, это резкое и раздраженное: — Какого черта ты делаешь в Париже?

Его голос точно такой же хриплый голос из Новой Англии, каким он всегда был. Такой, что напоминает о пони для поло, частных светских клубах и коттеджах на Мартас-Виньярд. Слегка носатый кеннеди, который кажется богатым и властным, даже когда он ругается.

После шокирующей паузы я отвечаю ровно: — О, привет, Крис. Приятно слышать, что ты не потерял своего шарма и хорошего юмора со времени нашего последнего разговора.

Он обходит мой сарказм и возвращается к лающим вопросам. — Почему ты не сказала мне, что собираешься уехать из страны?

— Ну, давай посмотрим. Может быть, потому что мы больше не женаты. Или потому, что мы не общались после развода. Или потому, что, я не знаю, это не твое дело?

— Ты — моя жена, — приходит жесткий ответ, — Все, что ты делаешь — мое дело.

Я отвожу трубку от уха и растерянно смотрю на нее несколько секунд. *Может, это сон? Пила ли я раньше бурбон? Или я сейчас лежу на кровати лицом вниз, сплю и блаженно храплю?*

— Не хочу быть слишком точной, — говорю я, повернувшись на линию, — но, насколько я помню, ты подписал те же бумаги, что и я. Я больше не твоя жена.

— Брак — это на всю жизнь, что бы там ни было написано в долбанных бумагах.

Мои глаза вытаращились до такой степени, что я боюсь, что они могут выскочить из глазниц. Я слишком не верю в то, что слышу, чтобы возмущаться. Вместо этого я начинаю смеяться.

— Простите, сэр, но вы, очевидно, ошиблись номером. Человек, с которым вы разговариваете, не женат, и уже длительное время, и считает, что вам следует немедленно обратиться к психиатру по поводу этого бредового эпизода, который вы переживаете. И, кстати, откуда у вас этот номер?

— Когда я не смог дозвониться до тебя домой, я позвонил Эстель. Я знал, что она знает, где ты. — Он добавляет: — Эта старая летучая мышь всегда знает, где ты.

Почему он злой? Почему он ведет себя так странно? Что, черт возьми, происходит?

— Кристофер?

— Что?

— Почему ты мне звонишь?

Его молчание долгое и напряженное. Я точно знаю, что он делает во время него: ходит туда-сюда, опершись одной рукой на бедро, мрачно глядя в пол. Он в своем пентхаусе на Манхэттене или в каком-то шикарном гостиничном номере в Эмиратах на высоком этаже с красивым видом и простынями из египетского хлопка на тысячу нитей.

Его темно-русые волосы идеальны. Его голубая рубашка закатана на предплечьях. Хотя он работал непрерывно более десятка часов и измотан, он выглядит как из рекламы Brooks Brothers. Где-то в комнате стоит полупустая миска с мятными конфетами.

Независимо от того, в каком часовом поясе он находится, день это или ночь, его ноутбук открыт, а по телевизору на заднем плане играет круглосуточный канал новостей.

Он говорит: — Я хотел убедиться, что ты в безопасности.

Его голос низкий и грубый, и он пугает меня до смерти.

Я никогда раньше не слышала в нем таких ноток, обеспокоенности и эмоций, которые он никогда не позволял себе показывать во время нашего брака. Даже в больнице. Даже в морге. Он всегда был абсолютно контролирующим, абсолютно спокойным, абсолютно...

Холодным.

А теперь, вдруг, нет.

Я встаю, потом снова сажусь, потому что мое сердце бьется так быстро, что кружится в голове. — Что случилось?

Он отвечает: — Ничего не случилось. Я просто проверяю, как ты.

— Это гигантская куча страусиного дерьма, мой друг, и мы оба это знаем. Есть ли... есть ли новости о...

Он и без моих вопросов знает, о чем я спрашиваю. — Нет. Дело все еще открыто. Никаких новых зацепок.

Все дыхание покидает мои легкие в огромном порыве. Я закрываю глаза и падаю обратно на матрас, прикрывая рукой колотящееся сердце. — Что же тогда? Я знаю, что ты не позвонишь мне просто так, через год, без всякой причины.

— Я просто... я просто думал.

Мои глаза открываются. — Думал?

— О нас.

Теперь не только мои глаза широко открыты, но и рот. Мне кажется, или в его тоне чувствуется *тоска*? — Нас нет, Крис. Уже давно. Еще до того, как... — Я сплываю, потом продолжаю. — Я не знаю, что с тобой происходит, что мотивирует этот телефонный звонок, но...

— Со мной происходит то, — громко вмешивается он, — что я хочу знать, что ты в безопасности. Это все, чего я когда-либо хотел: чтобы ты была в безопасности.

Мы некоторое время дышим друг на друга, пока я не спрашиваю: — И как тебе это помогает?

Он огрызается: — Не будь сукой.

Злость наконец поднимает свою уродливую голову, обжигая меня, как горячий и горький ветер. Я отталкиваюсь, встаю и сопротивляюсь желанию пробить дыру в стене.

Крис, должно быть, чувствует мою ярость, потому что раскаивается. — Мне очень жаль. Пожалуйста, не бросай трубку. Мне жаль, что я так сказал, Ливи, просто... ты не можешь понять, как это было для меня...

Он выдыхает прерывистый вздох. Потом его голос становится жалким шепотом.

— Ты не единственная, кто потерял ее.

Мое лицо морщится.

Я чувствую, как оно морщится, как бывает перед тем, как я вот-вот расплачусь. Это не только упоминание о нашей дочери, но и весь этот причудливый и неожиданный разговор, включая то, как он произнес свое старое прозвище для меня. Как мягко и умоляюще он его произнес, как будто он тонет и ему нужно, чтобы я бросила ему спасательный круг.

Как удобно, что он забыл, что я когда-то тоже тонула, и единственное, что он сделал, это повернулся спиной и ушел прочь, когда я пошла на дно.

— Что бы это ни было, Крис, уже слишком поздно. Не беспокойся об извинениях сейчас. Мне жаль слышать, что у тебя трудные времена, потому что я желаю тебе добра, честно, но единственное, что делает этот телефонный звонок, — это сдирает струпья со старых ран, которые я все еще пытаюсь заживить.

Через мгновение он останавливается и говорит: — Я... если бы я только мог сказать тебе... я знаю, что совершил много ошибок...

— Остановись.

Мой тон, видимо, убедительно суров, потому что он замолкает.

— Пожалуйста, не звони мне больше, если не будет новостей от полиции. У тебя есть моя электронная почта. Воспользуйся ею.

— Ты меня ненавидишь, да?

Я перевожу дыхание и отвечаю высоким, сдавленным голосом. — Ты сделал мне лучший подарок, который я когда-либо получала. И хотя Эмми больше нет, я благодарна за каждую секунду, когда она была с нами. Я благодарна за каждое воспоминание, хорошее и плохое. Так что нет, я не ненавижу тебя. Я никогда не смогла бы тебя ненавидеть, Крис. Я просто еще недостаточно сильна, чтобы разобраться с тем, что происходит.

Я положила трубку и мгновенно расплакалась.

Тогда я решаю, что единственный подходящий способ для женщины справиться с тем, что она узнала, что ее новый возлюбленный имеет неизлечимую болезнь, в тот самый день, когда она получает телефонный звонок от своего бывшего, который отдалился от нее, сообщая ей, что они все еще женаты и он полон сожаления, — это напиться до потери сознания.

И вот, без лишних раздумий, я решила сделать так, чтобы это произошло.

***

Первое правило преднамеренного опьянения — это то, что оно всегда должно происходить дома.

Многие люди делают ошибку, идя в бар или ресторан, чтобы напиться, но это не только плохая идея из очевидных соображений безопасности, это еще и дорого.

Мой отец был настолько бережливым, что использовал одну и ту же простыню для сушки белья для десятка стирок. Он вырос отчаянно бедным и всегда был убежден, что каждая заработанная копейка будет последней. Я с гордостью могу сказать, что унаследовала некоторые из его склонностей, хотя это часто становилось источником напряженности в моем браке, поскольку Крис родился с серебряной ложкой во рту.

На шестнадцатилетие родители купили ему Porsche. Когда он быстро разбил его, они обвинили в этом машину и купили ему вместо нее Aston Martin.

Представьте, как он разозлился, когда я выполоскала пластиковые пакеты Ziploc, чтобы их можно было использовать снова.

Второе правило сознательного опьянения — это гидратация. Нужно выпивать не менее восьми унций воды на каждую выпитую порцию алкоголя. Одна из худших частей похмелья — обезвоживание, поэтому важно всасывать воду, пока вы заняты закуской. Ваша голова будет вам благодарна утром.

И последнее правило — то, которое никогда нельзя нарушать — это то, что вы не можете намеренно напиться в одиночестве.

Вы можете *случайно* напиться в одиночестве, но если вы делаете это намеренно, вам действительно нужен еще один человек рядом. Иначе это будет только ты и твоя хроническая проблема с алкоголем, а это совсем не весело.

Поскольку мои знакомые в Париже ограничиваются Джиджи, Гаспаром, Эдмондом и Джеймсом — половина причины моего проекта намеренного опьянения и, соответственно, дисквалифицирован — мне нужно всего пять секунд, чтобы решить, с кем бы я больше всего

хотела нажраться, и поднять трубку, чтобы позвонить.

— Эдмонд, — весело щебечу я, когда он отвечает, — не хотели бы вы с женой зайти ко мне на коктейль сегодня вечером?

В его голосе звучит радость от такой перспективы. — Ах, да! — Через мгновение он неуверенно добавляет: — Кто это?

— Оливия. — Когда молчание затягивается, я начинаю чувствовать легкое отчаяние. — Подруга Эстель? Писательница из Америки?

Эдмонд восклицает: — Простите, мадемуазель! По телефону у тебя такой счастливый голос!

Я уже жалею о своем выборе.

— Извини, что так быстро, но я только что поняла, что купила сегодня столько хлеба и сыра, что не смогу съесть сама, а вина у меня здесь столько, что можно напоить целую армию. — Или одну писательницу, которая балансирует на грани безумия. — Как скоро вы сможете прийти?

Он произносит французское слово, которое звучит так размашисто и восторженно, что я понимаю, что он имеет в виду *сейчас*.

— Отлично! Я оставлю дверь открытой, просто заходите.

— Что нам взять с собой? Мы не можем прийти с пустыми руками.

— Ничего. Только ваши замечательные личности. Я с нетерпением жду встречи с тобой и твоей очаровательной женой. — *И через час напиток до полусмерти.*

Польщенный моими излияниями, Эдмонд издает дедовский воркующий звук. — Ах, мадемуазель, вы так очаровательны! Если бы не твои печальные глаза...

— До встречи!

Я кладу трубку, зная, что ночь будет долгой.

***

Утром я мало что помню.

Жена-брюнетка Эдмонда была красивой и элегантной, это я помню. Также высокая: она возвышалась над ним. Помню, что у нее были очень длинные ноги, на которые я долго смотрела, думая о том, что это ноги человека, который родился мужчиной, потому что я никогда не видела таких роскошных ног у кого-то, кто родился женщиной.

Я знаю, что мы все выпили — много, много выпили, съели слишком много сыра и много смеялись, но я не могу сказать вам, о чем мы говорили. Все как в тумане.

Что я действительно пытаюсь понять, так это почему в кресле напротив моей кровати сидит мужчина и смотрит на меня из-под нахмуренных бровей.

— Джеймс, — говорю я густым голосом, — Что ты делаешь?

— Убеждаюсь, что ты не умерла от алкогольного отравления.

Кажется, он едва контролирует свой темперамент. Его тон низкий и отрывистый, а слова произносятся истонченными губами. Он хватается за перила стула, будто собирается оторвать их в любой момент.

Я лежу на боку в постели, накрытая одеялом, в той же одежде, что и прошлой ночью. За окном щебечут птицы. Солнце восходит. Я не знаю, во сколько я отключилась, но это новый день.

Новый день, в котором у меня похмелье, а Джеймс все еще умирает.

Полная вины за то, откуда я это знаю, я поднимаюсь в сидячее положение и смотрю на него. — Мне нужно тебе кое-что сказать.

Он выгибает брови. — Ты же не спросишь, как я оказался в твоей квартире? Или как я узнал, что ты пьяна?

Я хмурюсь, пытаюсь сосредоточиться сквозь туман в голове. — Я снова оставила дверь открытой?

— Я видел Эдмонда и Маршелин в лифте прошлой ночью. Они сказали, что только что вышли из твоего дома после приятного визита. От них обоих пахло выпивкой. Эдмонд сказал, что ты выглядела еще более грустной, чем обычно.

Чертов Эдмонд. Я выдыхаю и провожу рукой по лицу.

— Он сказал, что ты плакала в какой-то момент.

Ужаснувшись, я разинула рот на Джеймса. — Я плакала?

— Ты плакала, — повторяет он, прикипев взглядом ко мне, — из-за меня.

Я отвожу взгляд, сжимая губы от стыда. Я не помню, что плакала, но это не значит, что этого не было. Я также не знаю, сказала ли я им что-то о том, почему я могу плакать из-за Джеймса.

О том, что я узнала.

Черт.

— Я становлюсь слишком эмоциональной, когда выпью лишнего. — Я жду, напряженная, с урчанием в животе, чтобы увидеть, как он отреагирует на это. Если я рассказала Эдмонду и Маршелин о его личной медицинской ситуации, я никогда себе этого не прощу.

Джеймс очень тихо произносит мое имя. Я оглядываюсь и вижу, что он наклонился вперед, его предплечья уравновешены на расставленных бедрах, пальцы сплетены вместе, а глаза горят адски-синим огнем.

Он говорит: — Я чертовски сильно хочу взять тебя через колено и отшлепать. И не в хорошем смысле.

Меня пронизывает дрожь. Я прошептала: — Почему?

— Потому что это со мной ты должна была поговорить о том, что заставило тебя плакать. Это ко мне ты должна была бы обратиться, если тебя так расстроил наш разговор. Но главным образом потому, что ты слишком умна, и, честно говоря, слишком стара, чтобы решить похоронить это в себе и сделать так, чтобы тебе стало плохо, как способ справиться со своими эмоциями.

Конечно, он прав, но это не значит, что я не буду злиться из-за этого. — Ауч.

Он знает, какая часть его слов меня разозлила, и разочарованно качает головой. — Ради Бога, я не говорю, что ты старая. Я говорю, что это подростковый поступок.

Меня успокаивает одно: судя по тому, как он сказал "все, что заставило тебя плакать", я, должно быть, не стала подробно объясняться с Эдмоном и Маршелин вчера вечером.

— Возможно. Но это был мой ход, и я отвечаю за него. — Когда я больше не могу выдерживать напряжения его взгляда, я опускаю взгляд и ковыряюсь в покрывале кровати.

— И дело было не только в тебе. Вчера мне позвонили, и это выбило меня из колеи. — Мой смех тихий и горький. — Выбило меня из колеи и вернуло много старых, болезненных воспоминаний. Наверное, мне стоило пойти на пробежку или долгую прогулку, чтобы разобраться с этим, или вести дневник, как предлагали два десятка моих терапевтов, но, честно говоря, иногда единственный способ, который я знаю, как справиться с такой огромной болью, — это утопить ее.

Борясь со слезами, я делаю длинный вдох. Мой голос получается сдавленным.

— Думаю, ты был прав насчет меня и синей таблетки.

Возникает короткая пауза, затем Джеймс встает со стула и закрывает пространство между нами.

Он опускает нас на кровать, переворачивается на спину и тянет меня на себя, так что я лежу на нем, обхватив его руками за плечи, а он обхватывает меня за спину.

Я прислоняюсь щекой к его широкой груди и стараюсь не расплакаться.

Он долго ничего не говорит. Он просто обнимает меня, время от времени сжимает и целует в макушку. Когда я уверена, что держу свои эмоции под контролем и мое дыхание вернулось к норме, он шепчет: — Ну и как я сравниваюсь с подушкой-бойфрендом?

Я едва слышно смеюсь. Даже когда он злится на меня, он все равно ловит комплименты. — Нуууу. Ты подойдешь.

Его смех шевелит мои волосы. — Я знаю кое-что, чего она не может сделать для тебя.

Настойчивая интонация его голоса заставляет меня поднять глаза. Джеймс улыбается мне с дьявольским блеском в глазах.

Его настроение меняется даже быстрее, чем мое, и это о чем-то говорит.

— Например?

Он проводит кончиком пальца по линии моей челюсти. — Сначала скажи мне, что ты решила насчет нас.

Чувствуя, насколько он тверд и силен подо мной, как его тело комфортно выдерживает мой вес, как чертовски невероятно он выглядит и ощущается, невозможно поверить, что он может быть *больным*. Я не хочу в это верить.

Я хочу, чтобы он был здоров. Я хочу, чтобы он прожил долгую, счастливую жизнь и умер старым, окруженным семьей.

Осознавая, как сильно я хочу этого, я понимаю истинную ценность того, что мне дано.

Когда я сказала Крису по телефону, что я благодарна за каждое мгновение, когда у нас была наша дочь, за каждое прекрасное воспоминание, которое мы создали вместе, это была правда. Даже если бы я знала тогда, как вот сейчас, что у нас будет всего несколько лет с ней, я бы все равно сделала это снова.

Неважно, сколько у нас было времени. Важна была сила любви, которую мы разделяли как семья. Вся радость и неопишное удовольствие, которые принесло мне материнство.

Радость, которую не умалили страдания, пришедшие впоследствии.

Возможно, я все же любительница красных таблеток.

Глядя в прекрасные голубые глаза Джеймса, я тихо говорю: — Я решила, что встреча с тобой — это подарок, и это всегда будет подарком, независимо от того, сколько времени мы будем вместе. Так что то, что я пообещала, остается в силе: Я твоя до сентября. Если ты меня еще хочешь.

Он глотает. Глаза горят, он говорит хриплым голосом: — Ты же знаешь, что я все еще хочу тебя. — Он переворачивает меня на спину и глубоко целует, его большие руки обнимают мою голову. Его голос падает до едва слышного шепота, когда он говорит вплотную ко рту. — Я всегда буду хотеть тебя. Вот в чем проблема.

Я чувствую сжатие в груди, как будто тиски сжимают мое сердце.

Боже, помоги мне, но я уже знаю, что когда придет сентябрь, я не захочу уезжать.

Он снова целует меня, на этот раз более жадно, просовывает руку под меня, чтобы сжать мою задницу, потом стонет.

— Боже, этот персик.

Я решаю быть легкой и кокетливой, а не плаксивой и мрачной от мысли о том, что покину его через несколько месяцев... и о том, что будет потом. Для слез и грусти будет достаточно времени позже, когда я останусь в одиночестве. Я говорю скромно: — Не повреди товар, пожалуйста. Персик *очень деликатный*.

Он сжимает мою нижнюю губу и сильнее сжимает мою задницу. — Да, — дышит он, — это точно, блядь, да. А теперь пришло время раскрасить ее отпечатками моих рук.

Его слова волнуют меня, как и его глаза, которые темнеют, как это бывает, когда он начинает терять себя от желания.

Но я не успеваю об этом задуматься, потому что он встает, поднимает меня и перебрасывает через плечо, так легко, как будто я легкая, как перышко.

Которым, следует отметить, я, безусловно, не являюсь.

Мои волосы свисают вниз, а глаза находятся на одном уровне с его роскошным задом, одетым в узкие джинсы, демонстрирующие его совершенство, — я делаю вид, что обиделась.

— Если вы не заметили, сэр, я не мешок с картошкой.

Проходя через спальню в главную ванную комнату с одной большой рукой, сжатой на задней части моего бедра, Джеймс говорит: — Я не понимаю, при чем тут это.

— Потому что ты перекинул меня через плечо.

Он насмеяется. — А кто так делает? Я никогда не видел, чтобы кто-то так носил мешок с картошкой.

Меня это забавляет. — Я тоже, раз ты об этом упомянул. Наверное, я где-то читала об этом.

Джеймс останавливается возле ванны, переворачивает меня и ставит на ноги.

Он говорит: — Если бы ты достаточно читала Хемингуэя, то знала бы, что настоящие мужчины не носят мешки с овощами на плечах.

Он снимает с меня рубашку, отбрасывает ее в сторону и расстегивает бюстгальтер. Его тоже выбрасывает. Затем он прижимает меня к себе и замыкает свой великолепный рот вокруг одного из моих сосков.

Я задыхаюсь, впиваясь пальцами в его плечи и выгибаясь против него. Боже мой, он хорошо владеет языком.

— О, да. Я и забыла. Настоящие мужчины слишком заняты тем, что покоряют горы или машут красными накидками растерянным быкам, которые просто стояли и занимались своими делами, пока их не бросили на ринг с каким-то идиотом в клоунском костюме.

Хихиканье Джеймса приглушается на моей коже. Оторвавшись на мгновение от моей груди, он нетерпеливо дергает молнию на моих джинсах и спускает их вниз по бедрам. Я вырываюсь из них, и он отталкивает их, становясь передо мной на колени.

Он хватается за задницу и просовывает свое лицо между моих ног, закрывая глаза и глубоко вдыхая в мои трусики.

Я представляю лицо Келли, если бы она видела это сейчас — выпученные глаза и разинутый рот — и подавляю хихиканье.

Джеймс смотрит на меня, выгибая бровь. — Что-то смешное?

— Ты очень... — Тут нужно длинное слово, но я не могу его придумать. —

Примитивный.

— *Примитивный?* — повторяет он, как будто я оскорбила его интеллект.

— Я имею в виду это в хорошем смысле. Как мачо, по-Хемингуэйски.

— Стыдливо добавляю: — Мне это нравится. Ты заставляешь меня чувствовать себя женственной.

Его улыбка появляется медленно и опасно. — Я, Тарзан, — говорит он, глядя на меня, его голос низкий и грубый, — Ты, Джейн.

Затем, очень намеренно, все еще глядя мне в глаза, он кусает меня между ног.

Я тяжело втягиваю воздух, хотя это не больно. Это просто чистая мужская сексуальность, доминирование, то, как он говорит — *это мое, и я хочу это съесть*.

Прежде чем я успеваю прийти в себя, Джеймс разворачивает меня так, что я оказываюсь лицом к стеклянной двери душевой кабины. Все еще стоя на коленях, он впивается зубами в мою задницу.

Опять же, не настолько сильно, чтобы причинить боль. Но опять так сексуально.

Он просовывает большие пальцы под резинку моих трусиков и скользит ими вниз по моим ногам, разглаживая руками мою обнаженную плоть, пока не достигает щиколоток. Его теплое дыхание разносится веером по моему обнаженному заду. Я дрожу от предвкушения, мое сердце начинает колотиться.

Я выскакиваю из трусиков, когда Джеймс перемещает свой рот на другую сторону моей задницы и кусает. Затем он командует: — Положи руки на дверь душевой кабины.

Этот его доминирующий голос.

Мой пульс ускоряется. Кожа разливается жаром. Я делаю то, что мне говорят, наклоняюсь вперед, чтобы прижать руки к стеклу, от чего моя спина выгибается, а ягодичные мышцы выпячиваются под углом. Когда я слышу низкую брань удовольствия Джеймса, кровь приливает к моим щекам. У меня вдруг перехватывает дыхание.

— Если бы ты знала, что это со мной делает, — сурово шепчет он, сжимая большими горстями мою задницу, — Видеть тебя такой. Когда ты открываешься для меня. Доверяешь мне. Хотел бы я сказать тебе, как сильно я, блядь, люблю это.

Просунув руку между моих бедер, он открывает рот над моей плотью, посасывая и покусывая сначала одну ягодицу, потом другую. Он просовывает палец между моих складок и находит мой клитор, уже мокрый и набухший.

Его стон — это едва слышный шепот дыхания на моей коже. — И это. Такой сладкий и мягкий. Моя милая Оливия. Всегда готова ко мне.

Я задыхаюсь, выкатываю задницу и качаюсь на его пальцах, как жадная маленькая проститутка, которой я являюсь. Он сделал из меня сексуального котенка. Я почти мурлычу.

Шлепок — это шок. Сопровождаемый опасным, низким звуком, пронизывающим грудь Джеймса, он приходит без предупреждения и заставляет меня вскрикнуть от неожиданности.

Джеймс встает. Он становится сбоку от меня, правой рукой обхватывает мое бедро, а левой рукой скользит по мне спереди, между моими ногами. Нежно сжимая мои половые губы, он снова шлепает меня по заднице.

Я задыхаюсь и прижимаюсь к нему, мои ладони все еще прижаты к двери душевой кабины.

— Дай мне свой рот.

Я делаю, как он говорит, наклоняю голову назад для его поцелуя. Когда его язык проникает в мой рот, он шлепает меня снова и снова, сжимая пальцы вокруг моей болезненной киски. Каждое соприкосновение его руки с моей обнаженной плотью пронизывает меня жгучей ударной волной наслаждения, пока я не могу больше терпеть и умоляю.

— Пожалуйста, — шепчу я, открывая глаза, чтобы посмотреть на него сквозь туман жара, — Пожалуйста.

Он знает, о чем я прошу, но его глаза горят, а дыхание такое же неровное, как и мое. Я могу сказать, что он слишком наслаждается этим, чтобы позволить этому закончиться так быстро. Он еще не готов дать мне освобождение, которого я хочу.

— Иди в душ и включи воду.

Он отходит от меня, стягивает футболку через голову и ждет, пока я выполню его команду, глядя на меня глазами, похожими на живой огонь.

Дрожа, я открываю дверь душа и захожу внутрь. Первая струя воды ледяная, заставляет меня вздрогнуть, но она быстро становится теплой, а затем горячей. Джеймс разувается и сбрасывает остальную одежду, затем присоединяется ко мне в душе, закрывая за собой дверь.

Он целует меня крепко и глубоко, его руки так крепко сжимают меня, что мне почти больно. Объятия чувствуются отчаянными. Я догадываюсь, почему у меня в горле образуется комок.

Мы живем в долг. Даже если бы я не уезжала в сентябре, громко тикают другие часы — гораздо более грустные часы — хотя он не знает, что я это знаю, что делает это еще более трудным для восприятия.

Ложь в виде бездействия — это все равно ложь. Импульс, который вызвал у меня желание признаться, как только я увидела его в кресле у моей кровати, растет, бьется, как пойманный колибри в клетке в моей груди.

Я отрываюсь от его рта и смотрю ему в глаза.

— Я должна кое-что сказать, — произношу я, сердце колотится. — Я должна сказать тебе, что я...

— Нет. — Он резко качает головой. — Если мы собираемся сделать это, мы будем придерживаться твоих правил. Никаких вопросов. Никаких условий. Ты была права: только так это работает.

Я испуганно уставилась на него. — Но Джеймс...

— Пока не наступит сентябрь и ты не уйдешь из моей жизни навсегда, мы будем проводить каждый день так, будто он последний. Без сожаления. Не оглядываясь назад или вперед. Будем жить сегодняшним днем. Ценить каждую минуту. Создавать воспоминания, которые мы оба будем ценить после того, как вернемся к нашей реальной жизни.

Его спокойствие и уверенность поражают. Это человек, который знает, что умирает, и решил прожить ту жизнь, которая ему осталась, на полную. Без жалости к себе. Без страха.

Его мужество трогает меня, как ничто другое за последние годы.

Горячий пар клубится вокруг моего лица, и я надеюсь, что это поможет скрыть слезы, которые собираются в моих глазах. — Ладно, — говорю я, стараясь сохранить ровный голос. — Если это то, чего ты хочешь, то хорошо.

— Это то, чего я хочу. И это тоже.

Он разворачивает меня к распылителю, одной рукой прижимает к своей мокрой груди, затем берет мою руку и тянет ее за собой, между нашими телами, обкручивая вокруг своей эрекции. Он шепчет мне на ухо: — Погладь меня.

Он отпускает свою руку с моей и просовывает ее между моими ногами.

Брызги воды горячие и жгучие на моей чувствительной груди. Когда Джеймс скользит пальцами вперед-назад по моему клитору, лениво потирая, мои соски твердеют и начинают болеть. Он сгибает свой таз в моей руке. Я сжимаю его член, затем скольжу рукой к верхушке и сжимаю там.

Когда я скольжу рукой обратно к основанию, он снова сгибает бедра. Дергая мой набухший клитор, он шипит мне на ухо: — Чувствуешь, как ты меня возбуждаешь? Чувствуешь, какой я твердый для тебя, дорогая?

Так и есть. В моей руке его эрекция ощущается как стальная труба, обернутая шелком. Я издаю несвязный звук и снова глажу по длине его жесткого ствола, останавливаясь на нижней части, чтобы приласкать его яйца. От этого он тяжело втягивает воздух.

Он отбрасывает мою руку, размещает себя возле моего входа и проникает внутрь меня.

Стоная, я позволяю голове упасть на его плечо. Он кусает меня за шею и начинает входить в меня, удерживая меня одной рукой за бедро, а другой сжимая мою грудную клетку. Горячая вода пульсирует на моих сосках, стекает по моему телу к воронке между бедрами.

— Ты такой большой, — шепчу я, наслаждаясь тем, как он растягивает меня с каждым толчком. Люблю то, как он наполняет меня.

В ответ он снимает душевую насадку со стены и направляет горячие, жгучие струи прямо между моими раздвинутыми бедрами.

Когда я стону и корчусь на нем, он продвигает другую руку вверх и сжимает мою грудь. — Представь, что это мой рот, — говорит он гортанным голосом, держа душевую насадку в сантиметрах от моей плоти. — Представь, что я трахаю тебя и одновременно лижу твою киску.

Я издаю звук, которого никогда раньше не издавала, животный звук, низкий и плотский, острый от потребности. Вода течет против моей киски, создавая изысканный вид пыток, пока Джеймс продолжает трахать меня сзади длинными, глубокими движениями.

— Ты бы хотела этого, дорогая? Твердый член, погруженный глубоко в твое влагалище, и влажный рот между твоими ногами, сосущий твой сладкий маленький клитор?

Представив, что он занимается со мной любовью сразу вдвоем, я хнычу, сжимаясь вокруг его члена.

Его голос твердеет. — Тебе нравится эта идея.

— Только если это будешь ты, — говорю я, задыхаясь. — Никто другой, кроме тебя.

Он замедляет движения бедер. Дыша неравномерно возле моего уха, он говорит:

— Ты не хотела бы заняться сексом втроем со мной и еще одним мужчиной?

Мне не надо думать дважды, прежде чем я яростно качаю головой.

Голос Джеймса понижается еще на октаву. — Хорошо. Потому что я бы никогда тобой не поделился.

Я порадовала его своим ответом, но это не было моим намерением. Я просто говорила правду. Впустить другого человека в этот момент — значит удешевить его. Кроме того, никто другой никогда не смог бы сделать для меня то, что делает он.

Ни один другой мужчина не смог бы так легко и полностью разрушить меня.

Он засовывает насадку для душа обратно в держатель, хватая меня за челюсть,

заставляет поднять голову и целует с почти устрашающим голодом, его рот непоколебим, когда он берет мой.

Затем он отпускает мою челюсть и начинает ритмично шлепать меня между ног.

Он трахает меня сзади и шлепает по киске, крепко целует меня, пока я не стону ему в рот, отчаянно стремясь высвободиться. Тогда он останавливается и обхватывает мой пульсирующий клитор, его пальцы благоговейно исследуют место, где мы соединены.

Если бы не его рука, обнимающая меня, я бы бездыханно сползла на землю.

Задыхаясь и дрожа, с клубящимся вокруг меня паром, я произношу его имя. Это мольба и он знает это. На этот раз он готов дать мне то, что мне нужно.

— Как ты хочешь? Членом или ртом?

— Вот так. Когда ты внутри меня. Но мои колени больше не работают.

— Они и не должны.

Он выскальзывает из моего тела и разворачивает меня. Его лицо полно намерения. Его глаза горят. Он приказывает: — Обхвати меня ногами за талию, — и поднимает меня на руки.

Когда он прижимает меня спиной к стене душевой кабины и обхватывает мою задницу обеими руками, я понимаю, что он собирается *трахнуть меня стоя*.

Он целует меня, его губы горячие против моих. — Помоги мне войти, — просит он, расставив ноги. Я обхватываю его плечи рукой, а свободной рукой проникаю между нами. Затем я направляю его туда, где ему положено быть, пока он полностью не оказывается внутри меня, его гладкая грудь прижата к моей так плотно, что я чувствую каждое биение его сердца.

Он снова начинает трахать меня, его толчки настолько же сильны, насколько мягки его глаза.

Вода разбрызгивается повсюду. На наши тела, потолок, кафельные стены. Пар поднимается и клубится. Звуки моих беспомощных стонов и его резкого дыхания эхом раздаются вокруг нас, пока у меня не кружится голова, пока я не приближаюсь к оргазму настолько, что фокус моего зрения сужается до блестящего белого ожога внутри меня, который сворачивается все туже и туже, готовый вот-вот вспыхнуть.

Когда я наконец кончаю, это происходит с криком и серией сильных рывков всем телом. Но Джеймс не шатается. Его руки остаются сильными, а равновесие — устойчивым, и он продолжает неустанно входить в меня сквозь мои конвульсии, пока я не истощаюсь.

Затем он вырывается, крепко целует меня и глубоко стонет мне в рот. Он выпускает себя в бурлящий пар и горячую воду, все это время умудряясь выдерживать мой вес, не шатаясь. Его руки даже не дрожат. Он тверд, как ствол красного дерева.

Сквозь запутанный и пропитанный наслаждением туман моего разума проступает единственная, кристально чистая мысль:

Как может умирающий человек быть таким сильным?

После душа Джеймс вытирает нас обоих полотенцем и ведет обратно в постель. Он переворачивает меня на бок и крепко прижимает к своему теплому телу, закидывая свои ноги за мои и защитно изгибаясь вокруг моего позвоночника. Его грудь широкая и твердая, прижатая к моей спине. Его губы нежно касаются моего затылка.

Он шепчет: — Спи.

Измотанная, я сразу засыпаю.

Мне снится война.

Я бегу по ночному разбомбленному городу, мимо молчаливых, огромных руин зданий, разбитые окна которых смотрят на меня, как тысячи мертвых глаз. Небо затянуто густым черным дымом, который обжигает и душит мои легкие. Далеко вдали раздаются беспорядочные очереди автоматической стрельбы. Дорога, по которой я иду, — это бесконечный отрезок потрескавшегося черного асфальта, заваленный обломками и телами. Я спотыкаюсь о них, когда бегу, рыдая, подошвы моих босых ног окровавлены...

Я пробегаю мимо группы солдат, которые направляются в противоположном направлении. Их мундиры изорваны. Их лица измазаны грязью и залиты кровью. Все они ранены в разной степени, хромают или кровоточат от ужасных ран, лица перекошены от боли или пусты от истощения. Они игнорируют меня, все, кроме одного, который обращается ко мне, спотыкаясь, когда проходит мимо.

— Возвращайся, — кричит он, глядя через плечо в ту сторону, куда я направляюсь. — Ты умрешь, если пойдешь этим путем.

Он качается дальше.

Я игнорирую его предупреждения, потому что иду к свету.

Это безопасность, мягко сияющий белый свет сразу за подъемом на дороге впереди. Это убежище. Я чувствую его.

Поэтому я продолжаю бежать, легкие горят, в ушах раздаются крики плачущих детей и церковные колокола.

На вершине подъема я резко останавливаюсь. Слабая и запыхавшаяся, я смотрю на мужчину, стоящего посреди дороги. Он окружен сияющим шаром белого света. Кажется, он исходит из него самого, пронизывает его кожу и излучается из глубины его прекрасных голубых глаз.

— Привет, дорогая, — улыбаясь, говорит Джеймс, — Я так рад, что ты нашла меня. Теперь ты в безопасности. Ты дома.

Я всхлипываю с облегчением и падаю на колени... и тут я замечаю пистолет в его руке.

Подняв руку, он направляет пистолет прямо на меня.

Он все еще улыбается, когда нажимает на спусковой крючок.

***

Я вскакиваю на кровати, слепая от ужаса, мое сердце колотится. Судя по свету, уже полдень.

Я одна.

Дрожая, я прижимаю руку к своему колотящемуся сердцу. Сон казался таким реальным. Я все еще чувствую запах дыма и вижу мертвые тела. Хотя я уже много лет не верю в Бога, я перекрещиваюсь на груди.

Затем падаю на спину и лежу так, пока не смогу снова дышать. Пока оглушительный шум выстрела не стихает в моих ушах.

Окна открыты. Ветерок шепчет сквозь шторы, мягкими волнами заполняя их складки. Ленивый ветерок взъерошивает края листа желтой бумаги в клеточку, лежащего на тумбочке у кровати, прижатый авторучкой. Я подхожу, беру бумагу и читаю.

□□□□ □□□□ □□□□

Записывай, что ты чувствуешь. Все, что ты чувствуешь — о Париже, о жизни, обо мне — отныне и до сентября. А когда уедешь, оставь это, чтобы я не остался наедине со своими воспоминаниями. Оставь и мне свои воспоминания, чтобы я знал, что все это было на самом деле, когда ты уедешь. Чтобы я знал, что ты не была просто красивым сном.

□□□□ □□□□ □□□□

Бумага дрожит в моих руках, но эта дрожь вызвана не кошмаром и не ветром из окна.

Я прижимаю письмо Джеймса к груди и закрываю глаза, а потом просто сижу какое-то мгновение в тишине, позволяя эмоциям пройти сквозь меня, как внезапный морской бриз, пеннистая ярость, которая, как ты боишься, может перевернуть тебя, но которая в конце концов успокаивается под солнечным небом и спокойной водой.

Один из немногих моих терапевтов, который действительно помог мне, как-то сказал мне, что люди совершают ошибку, думая, что переживание эмоции означает, что вы должны что-то с ней делать. На самом деле, вам совсем не нужно ничего делать со своими эмоциями. Вы можете просто признать их, когда они появляются — о, посмотрите, эта старая сука Зависть снова вернулась — и идти заниматься своими делами.

По ее словам, именно цепляние за эмоции вызывает страдания.

Мудрый выбор — отпустить их и дышать.

Просто почувствуй меня. Просто почувствуй меня и дыши.

Вспоминая слова Джеймса, сказанные мне, когда я в панике убежала в туалет в ресторане, я чувствую себя лучше. От его записки мне тоже стало легче, хоть в груди и сжало.

По крайней мере, похмелье имело хорошие манеры, чтобы исчезнуть.

Я встаю, одеваюсь и иду в библиотеку, желание писать такое же сильное, как и любая зависимость. Я беру ручку, продолжаю с того места, где остановилась на желтом блокноте, и пишу, пока тот не заполнится. Тогда я начинаю новый.

Я не останавливаюсь, пока не слышу птичий щебет. Когда я оглядываюсь вокруг, то с удивлением осознаю, что писала прямо сквозь смерть одного дня к золотому, пахучему рождению другого.

***

После перерыва на сэндвич и сон, я снова за столом, забыв о мире. Когда свет начинает превращаться из желтого в фиолетовый, а руку сводит судорогой так сильно, что почерк становится неразборчивым, я откладываю ручку и отталкиваюсь от стула, морально истощенная, но с орлом, взлетающим в моей груди.

Ничто не может сравниться с тем кайфом, который я получаю от того, что исчезаю в своем воображении.

Не заботясь о редактировании, я сканирую все написанные страницы в компьютер и отправляю их Эстель по электронной почте.

Когда она отвечает без каких-либо комментариев, кроме знака вопроса, я проверяю то, что прислала. Затем снова сканирую все страницы — на этот раз правой стороной вверх.

Наливаю себе бурбон и засыпаю лицом вниз на кухонном столе.

Через минуту или год звонит домашний телефон. Он звонит и звонит, пока я не могу поднять свою большую тяжелую голову, которая каким-то образом набрала тысячу фунтов с тех пор, как я закрыла глаза.

— Алло?

— Куколка. Это Эстель.

— Ты прочитала страницы?

— Да, прочитала.

Ее тон удивительно нейтральный. Когда она больше ничего не говорит, я вглядываюсь в свой бокал бурбона, стоящий там, где я его оставила на столе. Там остался дюйм янтарной жидкости. Я смотрю на окна, замечая, что уже ночь. Какого черта. *По крайней мере, я не буду пить днем.* Я доливаю остаток бурбона в стакан, затем направляюсь к шкафу с выпивкой, потому что чувствую, что до конца этого разговора мне понадобится бутылка.

— Я здесь не становлюсь моложе. Просто скажи мне, что ты думаешь.

— Я бы сказала, но не могу найти нужных слов.

Она не саркастична, это я точно знаю. Ее голос задумчивый и немного удивленный.

— Позволь мне помочь тебе: рукопись невероятна.

Ее тон становится сухим. — Не ломайте руку, похлопывая себя по спине, мисс Рич.

— За исключением того, что я права. Разве нет? — Мне не нужно спрашивать. Я уже знаю, что эта книга — лучшее, что я когда-либо писала.

Вместо того, чтобы согласиться со мной, Эстель издает звук раздражения. — Я не могу это продать, Оливия.

Откручивая крышечку от бурбона, я наливаю себе хорошую порцию. — Странно, учитывая, что это твоя работа, и ты лучшая в этом деле.

— Ты *знаешь*, что я имею в виду, куколка.

— Боюсь, тебе придется объяснить мне по буквам. Я пишу непрерывно уже миллиард лет. Мой мозг сейчас похож на говяжий фарш.

Эстель вздыхает. По ту сторону провода раздается шелест бумаги. Я знаю, что перед ней лежит моя распечатанная рукопись, и представляю ее за столом в большом угловом кабинете с видом на Центральный парк, а в пепельнице у локтя тлеет испачканная губной помадой сигарета Virginia Slims, хотя курение в здании уже много лет как запрещено.

— Оливия, ты училась в Колумбийском университете. У тебя степень *магистра* английской литературы.

— Английского языка и компаративистики, — поправляю я, раздраженная ее ненужным ударением на каждом втором слове. — С дополнительной специализацией по креативному письму.

Она игнорирует меня. — Ты выиграла много, много престижных литературных премий.

— Не Пулитцеровскую. И не Нобелевскую.

Она снова игнорирует меня, потому что теперь я выгляжу смешной. — Твои коллеги — самые уважаемые современные американские писатели.

— А как насчет Хемингуэя? Как, по-твоему, я с ним сравниваюсь?

Я не уверена, связано ли ее молчание с тем, что я поставила ее в тупик, или она пытается решить, пьяна ли я. — Ты действительно хочешь услышать ответ?

— Да. У меня мазохистское настроение.

— Ладно, тогда. — Ее стул скрипит. Я слышу, как она затягивается сигаретой, потом

выдыхает. — Ты гораздо более многословна, чем Хемингуэй.

Помню, Джеймс говорил мне, что Хемингуэй не одобрил бы, как я говорю такими длинными предложениями и кривлюсь.

— И твой стиль гораздо более женственный, чем у него.

— Женственный? Ты хочешь сказать, что у меня видно мою вагину?

Она разозлилась. — О, прекрати, ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Ради Бога, кирпичная стена более женственна, чем Хемингуэй. Мне продолжать, или ты предпочитаешь сидеть здесь и жалеть себя?

Я бормочу что-то о том, чтобы продолжать, и глотаю еще бурбона.

— Больше всего общего с папой Хемингуэем у вас есть в темах ваших произведений.

Я наострила уши и выпрямляюсь в кресле. Этого мне еще никто никогда не говорил. — Что именно?

— Бесплезность войны. Красота любви. Святость жизни. Борьба, которую мы все ведем, чтобы найти смысл в жестоком, враждебном мире, который хочет нас убить.

Это мне льстит, но Эстель продолжает говорить.

— Вот почему ты можешь оценить мой полный шок, когда я нашла на *первой странице* твоей новой рукописи вуайеристическое описание пары, занимающейся куннилингусом.

Я улыбаюсь. — А, это.

— Да, *это*. С каких это пор ты пишешь эротику?

— Это не эротика. Это история о том, как двое незнакомцев влюбляются.

Она фыркает. — Влюбляются и трахаются, как кролики. Ты посчитала количество сексуальных сцен в том, что ты мне уже прислала? К концу книги пенис бедного героя будет стерт до нитки!

Я спокойно говорю: — Собственно, так он и умрет. Героиня трахает его член, и он истекает кровью до смерти. Конец.

Она громко вздыхает, но я вижу, что она не злится и даже не особо разочарована мной. Иначе она бы кричала. — Возможно — я говорю только *возможно* — я могу разослать его и посмотреть, клюнет ли кто-нибудь.

— Да! — кричу я, вскакивая со стула и тряся кулаком в воздухе, — Эстель, ты лучшая!

— Я не закончила.

Ровный тон ее голоса сдувает меня, как воздушный шарик. — Почему это звучит плохо?

— Потому что я сделаю это только при условии, что ты используешь псевдоним для этой книги.

Я шмыгаю носом. — Зачем мне псевдоним? Даже если это эротика, то это *литературная* эротика. Многие уважаемые писатели писали эротику. Коллетт, Джон Апдайк, Филип Рот...

— Не надо давать мне список, — резко перебивает Эстель, — Я хорошо знаю историю жанра. Я хочу сказать, что твоя читательская аудитория состоит преимущественно из образованных, замужних женщин с интеллектом выше среднего, которые ожидают от тебя определенного типа романа... такого, который не включает шестьдесят семь случаев использования слова киска в первой половине.

Я говорю: — Боже, интересно, кто же *те сто пятьдесят миллионов людей*, которые поглотили Пятьдесят оттенков серого и его продолжение?

Через мгновение Эстель отвечает: — Не знаю, куколка, но если нам повезет, мы узнаем.

Моя улыбка растягивает мое лицо так широко, что становится больно. — Эстель, ты

лучшая.

Она бормочет: — Либо так, либо я сошла с ума. — Потом, нормальным тоном:

— Придумай себе псевдоним, который хочешь использовать, и я отправлю его на обход.

У тебя уже есть название?

До этого момента не было, но оно пришло мне в голову мгновенно. — *До сентября.*

Она издает звук одобрения. — Отлично. Я свяжусь с тобой, как только получу какой-то фидбэк. И Оливия?

— Да?

Ее тон теплый. — Ты права. Рукопись невероятная.

Не говоря больше ни слова, она бросает трубку.

Я решаю, что это надо отпраздновать. Только я еще не забыла о своем недавнем похмелье и не настроена создавать новое, поэтому не могу просто сидеть дома и пить бурбон всю ночь.

Надо куда-то выйти. В мир.

Туда, где есть люди.

Когда эта мысль пугает меня, я решаю позвонить Джеймсу, чтобы узнать, свободен ли он.

Его линия звенит и звенит, но он не берет трубку. У него также нет голосовой почты, что я пытаюсь не считать странным, но в глубине души считаю. У кого нет голосовой почты?

Мой разум мгновенно выдает мне список:

□□□□ □□□□ □□□□

— Заключенные

— Амиши

— Собаки (хотя у кошек, вероятно, есть)

— Комнатные растения

— Анархисты

— Шесть коренных племен каменного века Андаманских и Никобарских островов

— Хватит! — громко говорю я пустой кухне. — Пойди и купи себе ужин.

Я же в Париже, в конце концов. В Париже не каждый день есть возможность ужинать.

Разве что если ты здесь живешь, но ты знаешь, что я имею в виду.

Я принимаю душ, одеваюсь и отправляюсь бродить по улицам, чтобы остановиться в одном из очаровательных тротуарных кафе, которые населяют каждый уголок города. В квартале от многоквартирного дома я нашла жемчужину с голубыми навесами и парой белых миниатюрных пуделей, дремлющих в плетеной корзинке перед входной дверью.

Чувствуя себя авантюристкой, я заказываю шампанское к эскарго и ненавижу и то, и другое. Я заказываю жареные бараньи голени с розмарином и картофелем *daphinois*, сопровождаемые олд-федом и гарниром с чувством вины за маленького ягненка. Десерт — это что-то настолько сладкое, что я почти впадаю в кому. Затем, сытая и довольная, я возвращаюсь в квартиру с мыслью прочитать еще несколько страниц перед сном.

Этот план рушится, когда я открываю входную дверь и вижу, что Джеймс и мой бывший муж стоят в гостиной, глядя друг на друга в грозном молчании, как будто они вот-вот вытащат оружие.

Я была настолько шокирована, что на мгновение застыла в дверях, уставившись на них. И что самое странное? Ни один из них не оборачивается, чтобы посмотреть на меня.

Я наделала много шума, открывая дверь, но я могла бы быть невидимой из-за недостатка внимания, которое я получаю. Джеймс и Крис не разрывают зрительного контакта, молча сидя по обе стороны журнального столика.

Крис в великолепном сером костюме, сшитом на заказ, белой рубашке, расстегнутой на воротнике, без галстука. Джеймс одет в черное с ног до головы: приталенная футболка, демонстрирующая удивительную архитектуру его верхней части тела, и джинсы с боевыми ботинками. На его левом запястье снова кожаная манжета, которая была на нем, когда я впервые увидела его в кафе, и выражение лица, которое я могу описать только как жуткое.

В то время как Крис весь потрескивает от напряжения и краснолицой ярости, его руки сжаты в кулаки, а мышцы на челюсти дергаются, как сумасшедшие, Джеймс выглядит расслабленным. Все линии его тела расслаблены. Дыхание ровное. Он кажется совершенно спокойным... пока не помотришь в его глаза.

Они такие же плоские и немигающие, как у кобры.

Я никогда не видела, чтобы человек выглядел настолько смертельно опасным.

Перед глазами промелькнула сцена из моего сна, та часть, где Джеймс спокойно улыбается перед тем, как нажать на курок пистолета и выстрелить в меня. Все волосы на моем затылке становятся дыбом.

Я громко спрашиваю: — Что здесь происходит?

Джеймс остается неподвижным и полностью сосредоточенным на Кресе, когда тот говорит. Его голос — холодный монотонный голос. — Твой муж не оценил, когда я постучал в твою дверь.

— *Бывший* муж. — Я вхожу в фойе, но оставляю дверь за собой открытой. Мои нервы настолько расшатаны, что я вся дрожу. Мой голос тоже дрожит, когда я говорю: — Кто не был приглашен, тот сейчас уйдет.

Крис бросает на меня свой свирепый взгляд. — Ты трахаешься с ним?

Я вижу, что Джеймсу не нравится, как Крис неуважительно со мной разговаривает, поэтому, как его руки медленно разгибаются, как будто чешутся обвить вокруг шеи Криса. Но в остальном он сохраняет свою странную неподвижность и немигающий взгляд, глядя на Криса с холодной, рассудительной уверенностью хищника, который знает, что его следующая добыча находится лишь на расстоянии одного молниеносного удара.

Я бросаю сумочку на пол и подхожу ближе к ним, чувствуя свой пульс в каждой части тела. Я решаю обойти вопрос Криса, потому что а) это не его дело и б) если я скажу да, то имею четкое ощущение, что потом буду оттирать лужу крови с ковра.

Вместо этого я задаю свой вопрос. — Почему ты здесь?

— Я сказал тебе по телефону, — огрызается Крис с горящими глазами, — Я должен был знать, что ты в безопасности. — Он возвращает свой горящий взгляд обратно к Джеймсу. — И теперь я получил свой ответ.

Джеймс осматривает Криса с ног до головы. Слабый намек на улыбку играет в уголках его рта. — Думаю, мы оба знаем, что со мной ей безопаснее, чем с тобой.

Он произносит эти слова с чем-то подозрительно похожим на удовольствие, так, будто

за этим стоит какая-то история, о которой я не знаю. Старое пари, которое было выиграно.

Внезапно я убеждаюсь в невозможном: Крис и Джеймс встречались раньше.

Оглядываясь туда-сюда между ними с растущим ощущением нереальности, я требую: — Одному из вас лучше рассказать мне, что, черт возьми, происходит. И я имею в виду прямо сейчас.

Все еще со своей слабой, самодовольной улыбкой, Джеймс говорит Крису:

— Давай. Скажи ей.

Крис практически вибрирует от ярости. То, что он хочет убить Джеймса, очевидно, но так много в этой ситуации остается загадкой, что мне трудно понять, что здесь вообще происходит.

Наконец Крис вырывается и начинает мерить шагами пол в гостиной. Одна рука на бедре, он мрачно смотрит на ковер, так, как я видела его миллион раз раньше.

— Мне не понравилось, как закончился наш разговор, — говорит он, не глядя ни на Джеймса, ни на меня. — Я хотел поговорить с тобой лично, поэтому забронировал ближайший рейс из Омана.

Он забронировал ближайший доступный рейс. Мужчина, который не испытывал потребности говорить со мной больше года, который не испытывал потребности говорить со мной в течение большей части нашего брака, забронировал ближайший рейс из Западной Азии в Париж, потому что ему не понравилось, как закончился наш разговор.

Как гром среди ясного неба, телефонный звонок, который еще предстоит объяснить.

Я наблюдаю за тем, как он продолжает шагать, и мое ощущение нереальности происходящего резко поворачивает вправо, к страху.

Я знаю, что Джеймс сейчас смотрит на меня, потому что я это чувствую. Я чувствую его горячий взгляд на своей коже, как прикосновение.

К черту все это. К черту весь этот странный сценарий. Я вызываю этих придурков.

Я требую: — Откуда вы двое знаете друг друга? — и мгновенно чувствую, как взгляд Джеймса заостряется.

Крис резко останавливается. Глотая, он смотрит на Джеймса, потом обратно на меня. — Мы не знакомы.

Я смотрю на Джеймса. Его выражение лица такое же непонятное, как у кота. Его голос спокойный. — Мы никогда не встречались.

Моя интуиция подсказывает мне, что они оба лгут.

Или это мое воображение лепит драконов из проплывающих мимо меня облаков?

Так или иначе, во рту пересохло, ладони вспотели, и я отступаю на шаг в нарастающей тревоге, осознавая, что оставила дверь открытой, и борясь с желанием развернуться и выбежать сквозь нее. Куда, я не знаю, но иррациональное желание убежать побеждает.

Джеймс очень тихо произносит мое имя. Когда я смотрю на него, он просто отрицательно качает головой.

Он снова читает мои мысли. Он знает, что я хотела сбежать.

От этого мне не становится легче.

Я выдыхаю в огромном порыве. Тогда мое терпение — которое никогда не было святым — лопается. Я кричу во все горло: — Что, блядь, происходит?

Крис твердо говорит: — Господи, Ливи, успокойся.

Услышав, как Крис называет меня по прозвищу, Джеймс стреляет в него ядовитым взглядом. Затем его глаза снова фокусируются на моих, и они горят. Он говорит: — Я

постучал в твою дверь. Он открыл. Когда я позвал тебя, он сказал, что ты его жена, и потребовал узнать, откуда я тебя знаю. Очевидно, мой ответ его не удовлетворил.

— И каков был твой ответ?

Снова едва заметная улыбка. — Иди на хуй.

Я смотрю на Криса, который смотрит на Джеймса в яростном молчании. Это не имеет никакого смысла. Крис никогда раньше не был ревнивым. — Как ты попал в мою квартиру? — Я точно знаю, что моя дверь была заперта, потому что я не забыла проверить ее, когда уходила.

Крис говорит: — Я сказал менеджеру дома, что я твой муж и что я здесь, чтобы сделать тебе сюрприз на день рождения. Он меня впустил.

Я делаю себе заметку, что позже накричу на Эдмонда.

Джеймс спрашивает: — У тебя день рождения?

Я бросаю на Криса тяжелый взгляд. — Нет. Но мой *бывший* муж считает, что все, что угодно, является справедливым средством для достижения любой цели, которую он преследует.

Он смотрит на меня дикими глазами. Дрожащим голосом он говорит: — Единственная цель, которую я преследую со дня нашего знакомства, — это уберечь тебя от опасности, Оливия. Ты никогда не узнаешь, на какие жертвы я пошел ради твоей безопасности.

Прежде чем я успеваю осознать, насколько я ошеломлена этими словами, Джеймс мягко укоряет: — Может, тебе стоит рассказать ей. Посмотрим, что она думает о твоём выборе.

Крис поворачивается к нему и ревет: — *Пошел ты, лицемерный ублюдок! Еще одно слово, и я вырву твое долбаное сердце голыми руками!*

Джеймс отвечает спокойно: — Заткнись, пока не пострадал. Вы, парни из загородных клубов, всегда очень кровожадные.

Олд фэшн. Это, видимо, олд фэшн, который я выпила за ужином, пудрит мне мозги. Я не могу слышать то, что слышу, и интуитивно понимать то, что интуитивно понимаю, если это вообще можно назвать реальным словом.

Вот факты: Джеймс — художник. Он чувствителен. А еще он умирает от бокового амиотрофического склероза. Каким-то образом также удивительно сильный, несмотря на это, но все же *умирает*. Это игра, которую он разыгрывает перед Крисом, мачо, в стиле Хемингуэя, я — страшный тореадор. Такое позерство, которое мужчины — и обезьяны — делают перед своими конкурентами.

Да?

Да.

С этим решено, я переключаю внимание на Криса, огромным усилием воли обуздывая свой темперамент. — Пообедаем завтра. Тогда и поговорим. А сейчас, пожалуйста, уходи.

Когда он колеблется, его взгляд бежит туда-сюда между мной и Джеймсом, я говорю: — Кристофер.

Он смотрит на меня.

— Это не было просьбой.

К его чести, Джеймс не ухмыляется. Он просто молча стоит, наблюдая. Он по-прежнему спокоен и контролирует ситуацию, но внимательно наблюдает за Крисом, и я знаю, что он готов расправиться с ним, если тот хотя бы нахмурится в мою сторону.

Я также знаю, что он может это сделать.

Хотя Крис спортивный и в отличной форме, его телосложение худощавое. Он на несколько сантиметров ниже и как минимум на сорок фунтов легче Джеймса. Для Джеймса он — Михаил Барышников для Мухаммеда Али. Здесь не было бы никакого соревнования... особенно с вишенкой на торте Джеймса — страшным образом серийного убийцы.

Сейчас он заставил бы серийного убийцу упасть в обморок от страха.

К черту деликатную тему, у нас будет хороший, долгий разговор, как только мой бывший муж уйдет отсюда.

Крис разочарованно вздыхает и проводит обеими руками по волосам. — Ладно. Я приеду в полдень и заберу тебя...

— Встретимся в кафе Blanc, — перебиваю я, потому что не знаю, что это такое, но это точно не свидание. — Погугли. Не заказывай столик в секции Жан-Люка.

— Ливви...

— Хоть раз в жизни, Кристофер, пожалуйста, послушай меня.

Я говорю это сквозь стиснутые зубы, пока в моей голове прокручивается карусель образов всех тех случаев, когда он отталкивал меня, чтобы делать то, что ему, черт возьми, заблагорассудится. Сколько раз я просила его о чем-то, а он меня игнорировал.

Такие вещи, как: люби меня. Обними меня. Не оставляй меня переживать этот кошмар в одиночестве.

Крис выдерживает мой взгляд на мгновение. Я удивленно вижу, как в его глазах блестят слезы. На мгновение у него перехватывает горло, и кажется, что он собирается что-то сказать, но потом он коротко кивает и выходит из квартиры.

Он не оглядывается.

Первое, что я делаю после того, как он ушел, — беру бутылку бурбона с кухонного стола и наливаю себе выпить. Я глотаю его, пока Джеймс подходит к входной двери и закрывает ее. Он возвращается на кухню и становится напротив меня, положив руки на спинку стула.

Он спокойно говорит: — Так это был твой бывший муж. Интересный парень.

Я машу на него пальцем. — О, нет. Я начинаю. А потом ты говоришь. Садись. — Когда он выгибает брови, я показываю на стул перед ним и делаю вид, что он плохо себя ведет, как собака. — *Садись.*

Забавляясь, он говорит: — А ты говорила, что я властный. — Но он опускается в кресло без дальнейших комментариев, а затем смотрит, как я допиваю остаток напитка.

— Джеймс.

— Да?

— Если я задам тебе несколько вопросов о том, что только что произошло, ты скажешь мне правду?

— Да.

Я вглядываюсь в его лицо, но оно открыто и лишено коварства. Вся странная убийственная энергия, которая была здесь, когда Крис был здесь, исчезла. Я помню, как быстро он переключался в ресторане — с раскаленной скамьи на прохладный огурец — и думаю, что еще он может включать и выключать в одно мгновение.

— Ты когда-нибудь встречал Криса раньше?

— Нет.

Он не засомневался, но и не сказал: "Конечно, нет!" или "Где, черт возьми, я мог встретить твоего бывшего мужа? Просто сказал "нет" и все. Что, конечно, недостаточно

хорошо.

В раздражении я говорю: — Тебе не кажется странным, что я об этом спрашиваю?

— Ты расстроена. У вас противоречивые отношения. Неудивительно, что ты была бы шокирована, застав нас обоих в своей квартире, когда вернулась домой.

Сузив глаза, я спрашиваю: — Откуда ты знаешь, что у нас противоречивые отношения?

Его голос смягчается, как и глаза. — Кроме того, что было сказано... язык твоего тела. Твое лицо. Не забывай, я очень чувствителен к тебе.

Ох. О, да. Это.

Я падаю на стул напротив него и изучаю его в мельчайших деталях. Я не могу избавиться от ощущения, что что-то упускаю, но берусь за другое дело.

— Ладно, вот тебе наблюдение. Я просто выскажу его и хочу услышать твое мнение. — Я жду, пока он кивнет, чтобы продолжить. — Ты был очень... как бы это сказать? Ты казался опасным, когда взаимодействовал с ним. Будто ты мог буквально убить его.

— Он мудака, — говорит он без жара, — Снисходительный, высокомерный, самовлюбленный мудака, который думает, что его дерьмо не воняет. Такие люди всегда пробуждают во мне худшее.

Когда я просто устала на него, ожидая продолжения, он говорит: — Но ты права: я мог буквально убить его. У меня черный пояс четвертой степени по крав мага.

— Что это такое?

— Боевая система, разработанная израильскими военными, которая сосредоточена на реальных боевых ситуациях. Она похожа на другие боевые искусства: дзюдо, каратэ и т. д. — Он улыбается. — Только более жестокая.

— Угу. — Я на мгновение моргаю, представляя себе, как он босиком борется на коврике на полу с другим парнем в одном из этих хлопковых кимоно с поясом, пытаюсь проломить друг другу голову. — И ты практикуешь это...

— Крав Мага, — отвечает он во время моей паузы.

— Точно. Ты практикуешь это регулярно?

Он кивает.

— И я предполагаю, что черный пояс является наиболее продвинутым?

— Да. И в пределах черного пояса есть пять ступеней, каждая из которых является более совершенной, чем предыдущая. Еще одна, и я буду считаться мастером.

Так вот почему он так безумно силен. Он европеоидный Брюс Ли.

Он видит мою улыбку. — Что смешного?

— Твои кулаки зарегистрированы как смертельное оружие?

Он становится в одну из тех карате-поз для удара, с плоскими руками, согнутыми под углом перед грудью. В сопровождении пронзительного, театрального *Хия!* Что вызывает у меня смех.

— Уже лучше. — Он протягивает руку через стол и берет мои руки, успокаивающе сжимая их. — Теперь моя очередь задавать вопрос: с тобой все в порядке?

Я знаю, что он имеет в виду неожиданное появление Криса. — Если быть до конца честной... — Я глубоко вдыхаю. — Нет. Когда я вижу его, я вспоминаю много плохих воспоминаний. Много...

— Призраков, — бормочет Джеймс, глядя на меня.

Он знает. Он точно знает. То ли Эдмонд рассказал ему, то ли он сам меня разыскал, Джеймс знает о том, что произошло с моей семьей.

Эмоции пытаются проложить себе путь к моему горлу, но я даю им отпор, отказываясь поддаваться им. Выдерживая его взгляд, говорю: — Не жалею меня. Мне не нужна твоя жалость.

Его ответ мгновенный. — Я никогда не смогу тебя пожалеть. Ты одна из самых сильных людей, которых я когда-либо встречал.

— Ты меня едва знаешь.

— Я знаю тебя. — Он делает паузу. Когда он заговорил снова, его голос стал тише. — Лучше, чем твой муж когда-либо знал.

Это утверждение вызывает такое буйство противоречивых чувств, что я испытываю искушение позвонить своему давнему терапевту, которая рекомендовала дыхательные упражнения для борьбы с сильными эмоциями, и сказать ей, что она идиотка. Убрав свои руки с его, я откидываюсь на спинку стула и просто смотрю на него.

Он терпеливо ждет молча, выражение его лица не читается, пока звук гортанного стога, доносящегося с другой стороны двора, не заставляет его взвести брови.

Когда он повторяется, он спрашивает: — Это...?

— Да. Добро пожаловать в мой мир.

Стон становится громче. Джеймс спрашивает: — Кто?

— Ты не видел, как местные эксгибиционисты занимаются своими делами?

— Нет. Я живу с другой стороны дома, с выходом на бульвар.

— Это Гаспар и Джиджи.

Как по команде, Джиджи кричит, а Гаспар стонет. Я машу руками к окнам. — *Вуаля*. Утренние и вечерние спектакли каждый день недели, бронирование не требуется, вход свободный.

— Ты их видишь?

— Из окон спальни и гостиной я практически могу сосчитать все их зубы.

Джеймс с интересом изучает меня. — Ты наблюдала за ними.

Он произносит это как утверждение, а не вопрос, в ответ на который мои щеки становятся горячими. — Да.

Его глаза заостряются, а голос понижается на октаву. — Тебе понравилось смотреть на них.

Еще одно утверждение. Может, он знает меня.

Может, он знает меня достаточно хорошо.

Я должна увлажнить губы, прежде чем ответить, потому что мое сердцебиение бешено колотится, а во рту внезапно пересыхает. — Да.

Прежде чем я успеваю смутиться из-за своего признания, Джеймс встает. Он берет меня за руку и тянет на ноги, а затем выводит из кухни в гостиную. Он останавливается в нескольких футах от окон, сбоку, так что мы спрятаны за тяжелыми бархатными шторами, но имеем четкий обзор наружу и освещенную квартиру напротив.

Джиджи стоит голая на кровати на коленях, запрокинув голову назад, голая грудь подпрыгивает, когда Гаспар въезжает в нее сзади, его руки обхватывают ее стройные бедра.

Таша меня перед собой, Джеймс обхватывает меня руками так, что мои руки оказываются прижатыми к моим бокам. Затем он опускает свой рот к моему уху и горячо шепчет: — Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя, пока мы смотрим, как они трахаются, не так ли, солнышко?

На этот раз мне не нужно отвечать, потому что мы оба уже знаем, что это так.

Джеймс раздевает меня быстро и бесшумно, бросая мою одежду на соседнее кресло. Он останавливается, чтобы коротко рассмотреть кресло — большое пурпурное бархатное кресло с высокой спинкой и резными деревянными ножками, — а затем перетаскивает его туда, где я стою голая. Оно, должно быть, весит сотню фунтов, но этого не скажешь, глядя, с какой легкостью он обращается с этой вещью. Он ставит ее лицом к окнам.

Затем он срывает декоративную золотую шелковую кисточку с драпировки, ставит меня так, чтобы мой живот упирался в изогнутую верхнюю часть спинки стула, и затягивает мои руки за спину.

Он связывает мои запястья шелковым шнуром.

Мое сердцебиение учащается. — Джеймс...

— Не разговаривай, — рычит он своим доминирующим голосом. Из-под сиденья кресла он достает мои трусики, которые собирает в клубок и запикивает мне в рот. — Говорить буду я, дорогая. Ты просто слушаешь и смотришь.

Мой беспомощный стон приглушают трусики. В комнате тепло, но моя кожа покрывается мурашками. Я уже дрожу от предвкушения. Мои соски твердые. Дыхание неровное.

А мой разум мчится со скоростью миллион миль в час, пытаюсь обработать все вопросы без ответов о мужчине, который сейчас стоит на коленях между моими раздвинутыми ногами.

Когда я чувствую, как горячий рот Джеймса припадает к моему клитору, я втягиваю в себя воздух. Удовольствие очень сильное. Он хватается меня за задницу обеими руками и делает из меня еду, посасывает и лижет, пока мои бедра не начинают дрожать.

Гаспар переворачивает Джиджи на спину. Он обхватывает ее лодыжки за плечи и наклоняется, чтобы погладить ее упругую грудь.

Джеймс просовывает толстый палец внутрь меня. Мы оба стонем одновременно.

— Эта сладкая киска станет моей смертью, — шепчет он, а затем возвращается к сосанию, скользя пальцем туда-сюда, когда мои бедра начинают соответствовать его ритму, покачиваясь вперед-назад на его лице.

Я стою с изогнутой задницей, со связанными за спиной руками и животом, упирающимся в стул, пока Джеймс ест меня, а Гаспар с силой вонзается в Джиджи.

Мой низкий, беспомощный стон поднимает Джеймса на ноги. Он стоит позади меня. Я слышу, как рвется фольга, его прерывистое дыхание, затем он засовывает свой твердый член в мое болезненное влажное влагалище и обхватывает большой рукой мое горло.

Он даже не пытается раздеться.

Я чувствую шероховатую ткань его джинсов на своем голом заду, прохладный металл расстегнутой молнии царапает мою кожу, подол его футболки касается моей спины, и это настолько потрясающе эротично, что он полностью одет, а я голая — беспомощная и уязвимая, связанная, — что я снова стону, вздрагивая.

Свободная рука Джеймса обхватывает мою грудь. Он сжимает мой напряженный сосок между пальцами, делает это сильнее, когда я выгибаюсь в его ладони.

— Тебе нравится немного грубее, не так ли, любимая? — шепчет Джеймс, быстрее входя в меня. — Тебе нравится, когда я тебя связываю и шлепаю по твоей заднице и твоей

прекрасной киске. Ты любишь, когда я трахаю тебя глубоко и жестко.

Приближаясь к оргазму, я скулю. Я поднимаюсь на пальцы ног, наклоняя таз назад, чтобы он мог найти самый глубокий центр меня и взять его, владеть им, сделать его своим.

— О да, — дышит он, сжимая рукой мое горло, — Ты любишь это. Ты, блядь, любишь все это.

Ты, я хочу сказать, я люблю все это, потому что это ты даешь мне это. Но я не могу произнести ни слова, когда у меня во рту кляп.

Я благодарна за вынужденную тишину. Сейчас я не доверяю себе. Боюсь, что не смогу контролировать, какие темные истины вылетят из моего рта.

По ту сторону двора кричит Джиджи, выгибаясь из матраса, когда Гаспар наклоняется над ней, складывая ее почти пополам, его мышцы задницы сжаты. Он вонзается в нее снова и снова, издавая звуки, как животное.

Когда Джеймс протягивает руку и сжимает мой набухший клитор, я тоже кончаю. Мгновенно, неистово, все мое тело застывает.

Позади меня он застывает, держа меня, пока я бьюсь в конвульсиях.

— О, блядь, это так удивительно. — Он стонет, тянувшись к моему соску, вызывая еще один каскад сокращений, раскачивающих меня. — Ты должна подоить этот член, дорогая. Дои мой член своей роскошной жадной киской.

Я всхлипываю, не понимая, как они могут мне так нравиться, все его грязные, прекрасные слова. Как я могу обожать, когда со мной так обращаются, не важно, насколько осторожно. Как сильно я могу наслаждаться отказом от своих запретов под чарами его голоса и нашего безумного, плотского желания друг к другу, подобного которому я никогда не знала.

Он был прав: я люблю все это. Мне *нужно* все это.

И это пугает меня до самых темных уголков моей души, где тайком скрываются мои самые глубокие желания.

Задыхаясь, я падаю на стул. Джеймс убирает руку с моего горла и погружает ее в мои волосы, нежно оттягивая мою голову назад. Он наклоняется надо мной так, что его широкая грудь прижимается к моей спине.

Шепча мне на ухо, он начинает трахать меня короткими, идеальными движениями, рассказывая, какая я красивая, как хорошо ему со мной, как сильно он любит мое доверие. Его слова сплетают вокруг меня головокружительную паутину, и я кружусь, затерянная в мареве наслаждения, затерянная под магией, которую мы творим вместе, двое совершенно незнакомых людей, нашедших нечто редкое.

Мы откопали клад, который большинство людей копают всю жизнь и никогда не находят.

Но, как и большинство закопанных сокровищ, этот клад имеет проклятие. За такие находки надо платить. Ничто столь ценное не бывает бесплатным.

Пожалуйста, не умирай. Я не хочу, чтобы ты умирал. Пожалуйста, Джеймс. Пожалуйста, Джеймс.

Я издаю звук отчаяния. Мой любовник все еще шепчет мне на ухо, его голос густой. Я поворачиваю голову и смотрю на него. Его глаза закрыты, а между темными бровями пролегла борозда.

Он не обращает никакого внимания на Гаспара и Джиджи. Все его внимание приковано ко мне. К нам. К этому блаженству и безумию, которое мы создаем каждый раз, когда

касаемся друг друга.

Он вздрагивает, стонет. Становясь более вертикально, он берет ладонями мою грудь и увеличивает скорость своих движений. Он сжимает и перекачивает мои соски между пальцами, а его тяжелые яйца бьются о мои мокрые складки, звук развратный и невероятно горячий.

Я смотрю сквозь окно, как Гаспар переворачивает Джиджи на живот. Он вонзает свой эрегированный член в тугий розовый узелок ее задницы и удерживает ее, пока она сопротивляется и стонет.

Но ее стон — это стон наслаждения, а не боли. Она шире раздвигает ноги, отталкиваясь, чтобы он вошел глубже. Он закрывает глаза и поворачивает лицо к потолку, его рот разинут, он трахает ее самые нежные места с выражением почти религиозного пыла.

Джеймс произносит мое имя. Это сломленный звук. Отчаянный.

Он переступает через край и тянет меня за собой.

Гаспар кричит.

Джиджи кричит.

И теплая парижская ночь вдыхает звуки страсти четырех любовников.

***

Когда я просыпаюсь утром и обнаруживаю, что снова одинока, разочарование настолько сокрушительное, что на мгновение мне становится трудно дышать.

— Не будь душой, — ругаю я себя, глядя в окно спальни на еще одно блестящее, прекрасное летнее утро. — Ты слишком стара для иллюзий.

Слишком стара для надежды. Слишком истощена для мечтаний. Слишком опытная, чтобы быть настолько тупой, чтобы прицепить свое сердце к падающей звезде.

Я опускаю голову на поджатые колени и сердито обещаю себе, что если заплачу, то отрежу себе все волосы ржавыми ножницами.

Через несколько минут открывается входная дверь. Джеймс кричит: — Я принес кофе и круассаны!

Радость взрывается внутри меня, яркая и жгучая, как проглоченное солнце. Я падаю на бок и прячу лицо в подушку.

Это плохо. Очень плохо.

Хуже всего то, что я *знаю*, что это закончится трагедией, но мое глупое, упрямое сердце отказывается это понимать.

Тяжелые шаги пересекают квартиру и останавливаются у дверей спальни. — Только не говори мне, что ты заменила меня еще одной подушкой-бойфрендом.

Я поднимаю голову и смотрю на него, стоящего в дверях, как греческий бог, несущий кофе Starbucks. Вместо того, чтобы произнести жалкий сонет о звездных глазах, который мой мозг сочинил в десятисекундном интервале между тем, как он вошел, я терпко говорю: — Может, и заменила. Мистер Подушка чрезвычайно очарователен.

Голубые глаза мигают, Джеймс сжимает губы. — Хм. Я вижу, что эти твои друзья, набитые перьями, будут постоянной проблемой. Почему бы тебе не поспать, чтобы я мог собрать их всех и выбросить в окно?

Перевернувшись на спину, я потягиваюсь, с немалым удовольствием отмечая, как Джеймс жадно следит за каждым движением моего обнаженного тела. — Ты ревнуешь к неодушевленному предмету?

Он улыбается. Где-то на небесах хор ангелов начинает петь. — Я ревную ко всему, что

касается тебя и не является моими руками.

Отбросив притворное равнодушие, я протягиваю к нему руки и шевелю пальцами. — Кстати, о твоих руках, я хочу их. Иди сюда.

— Такая требовательная, — снисходительно бормочет он.

— Я всегда требовательна до того, как выпью утреннего кофе. К тому же, раздражительная. Лучше поторопись и тащи свою задницу сюда, пока я не устроила истерику.

Его улыбка становится тлеющей. Он ставит пакет с круассанами и чашки с кофе на комод. Затем перебегает через комнату и прыгает на кровать, приземляясь прямо на меня.

— Уф!

Джеймс покрывает поцелуями все мое лицо и шею, смеется. — Уф. Я был осторожен, чтобы не сломать тебя.

Он не сломал меня, но это не значит, что я собираюсь это признать. — Ты вешишь тонну! Я не могу дышать!

Он поднимает голову и улыбается мне. — Ты не можешь дышать из-за того, сколько я вешу, или из-за того, что я лежу на тебе со всем своим невероятным мужеством?

Я перестаю делать вид, что пытаюсь вылезти из-под него, и просто смотрю на него, качая головой. — Это не твои мышцы весят слишком много. Это твое эго.

Ты, наверное, самый высокомерный мужчина, которого я когда-либо встречала.

— Наверное? — дразнится он. — Я соглашусь с этим.

Мы улыбаемся друг другу некоторое время, пока что-то в моей груди не тает, и я должна отвести взгляд, чтобы он этого не увидел.

Джеймс наклоняет голову и шепчет мне на ухо: — Ты уже должна знать, что от меня не спрячешься, дорогая.

Я закрываю глаза и вздыхаю. — Боже, это так раздражает.

Он смеется, тыкаясь носом в мои волосы. — Ты любишь это.

Опять это слово: *любовь*. Оно всплывает в случайных паузах в разговорах, как какой-то устойчивый сорняк.

Он, видимо, чувствует, как меня пронизывает дрожь при мысли об этом страшном слове из пяти букв, потому что когда он поднимает голову и смотрит на меня, его выражение лица теряет свою легкость. Теперь на меня смотрит Интенсивный Джеймс, с острыми краями и глазами, похожими на лазеры.

Я умоляю: — Пожалуйста, не говори ничего. Я только что проснулась. Я не пила кофе. Я не в том состоянии, чтобы иметь с этим дело.

— Иметь дело с чем? Нет, не смотри на стену. Смотри на меня.

Жуя губу, я сосредотачиваюсь на расщелине на его подбородке. Это гораздо более безопасное место, чем черная дыра его глаз, которая высосет из меня правду.

Он ждет, пока я заговорю, обхватив руками мое лицо, а его тело напряглось от ожидания. Когда я затягиваю с ответом, он тихо спрашивает: — Иметь дело с *чем*, Оливия?

А, к черту. Если я совру ему, он узнает, так что нет смысла пытаться.

Я говорю: — С этим, — потом беру его руку и прижимаю к груди, прямо над своим колотящимся сердцем.

Я думала, что уже видела, как горят его голубые глаза, но сейчас в них горят целые планеты.

Он прижимается к моей груди, широко расставив пальцы, так что его большая ладонь

охватывает почти всю ширину моей груди. — Это то, что ты чувствуешь ко мне?

Под его ладонью мое сердце — дикий зверь.

Протягивая руки, чтобы погрузиться в густой шелковый беспорядок его темных волос, я шепчу: — Это песчинка во вселенной, состоящей из пляжей, что я чувствую к тебе.

Потом я целую его, потому что когда-то, не так уж и далеко в будущем, его не станет, и я больше никогда не буду иметь удовольствия целовать такого прекрасного мужчину, как он.

Он жадно целует меня в ответ, издавая призывные звуки низко в горле. Когда мы разрываемся, мы оба задыхаемся.

Он скользит рукой вдоль моего тела и забирается под меня, обхватывая мою задницу. Когда я прижимаюсь бедрами к его тазу, он ругается себе под нос.

— Через час я сажусь на самолет. Внизу меня ждет машина.

Опять Германия? Так быстро? Он не уточняет, и хотя я хочу спросить, но не могу. Но вскоре меня отвлекает его следующее заявление.

— Но мы поговорим об этом, когда я вернусь.

Его тон мрачный. Я не могу решить, это обещание или предупреждение, и это меня раздражает. — Последнее, что я слышала, мы жили одним моментом. Никаких вопросов, никаких обязательств, никаких сожалений. Ничего не напоминает?

Его губы скривились. — Ты думаешь, что я забыл бы хоть что-то из того, что сказал тебе, умник?

— Так ты просто нарушаешь правила на ходу?

Он смотрит на меня какое-то мгновение с той же нервной невозмутимостью, которая иногда на него находит, с той сменой, которая напоминает хищника, преследующего свою добычу.

Будто признаваясь в убийстве, он тихо проговаривает: — Ты даже не представляешь, какие правила я нарушаю, Оливия. Но если бы ты попросила меня, я бы нарушил все правила, которые существуют. Я бы разбил каждое из них на куски.

Пока мы смотрим друг на друга, у меня такое же ощущение, будто я вышла на натянутый канат, балансирующий высоко над черной пропастью... только теперь поднялся холодный ветер, и канат раскачивается.

В некоторых вещах я уверена.

Первое: мы говорим о разных наборах правил.

Второе: я быстро и сильно влюбляюсь в мужчину, который является полной загадкой.

И третье: тот факт, что он умирает, может быть не единственной большой тайной, которую хранит Джеймс Блэквуд.

Кафе Blanc переполнено тем же надоедливym ассортиментом влюбленных, которые пялятся друг на друга, как и в последний раз, когда я ела здесь в свой первый день в Париже. Я раздражена на себя за то, что предложила это место для нашего с Крисом обеда, но уже слишком поздно передумывать. Мы уже здесь.

— Ты выглядишь великолепно.

Сидя напротив меня на очаровательном открытом дворике в тени полосатого зонтика, Крис мрачен и напряжен. Он пытается выглядеть спокойным. Любой другой, кто наблюдал бы за нами, подумал бы, что так оно и есть, но я знаю этого человека слишком хорошо. За солнцезащитными очками его глаза бегают. Его большой палец быстро стучит по колену.

— Спасибо. — Непривычная к таким комплиментам от него и смущенная его энергией, я не знаю, как действовать дальше. Стыдливо касаюсь своих волос.

— Я ходила к парикмахеру перед отъездом. Видимо, что-то вроде "балаяж" — это новая фишка.

Сжав челюсть, Крис бегло осматривает мои волосы. — Тебе идет. — Его голос звучит более уверенно. — Ты выглядишь счастливой.

Началось. — Сними чертовы солнцезащитные очки, Кристофер, — тихо говорю я, — и поговори со мной.

Разъяренный, он срывает свои авиаторы и бросает их на белую льняную скатерть, бормоча проклятия. Эта демонстрация раздражения и нервного возбуждения столь несвойственна ему. Пресса недаром окрестила его Айсбергом, потопившим Титаник.

Он проводит рукой по волосам. Темно-русые волосы, густые и блестящие, насыщенного оттенка банки свежего меда, поднятого к солнцу. Он всегда был таким красивым, как модель Кельвина Кляйна. Американский золотой мальчик с безупречной родословной, которую можно проследить до его чистокровных британских предков, прибывших на Мейфлауэре, чтобы уничтожить коренное население своими одеялами, зараженными оспой.

Яд имеет множество коварных форм, но красота — самая коварная из них.

Он отрывисто говорит: — Ты должна вернуться в Нью-Йорк как можно скорее.

Откинувшись на спинку шикарного кресла в кафе, я складываю руки на животе и рассматриваю его.

Когда-то я любила этого человека. По-настоящему. Глубоко. Я бы буквально умерла за него. Я бы пожертвовала своей жизнью, чтобы уберечь его. Но сейчас мне хочется засунуть свои большие пальцы в его глазницы.

— А ты должен рассказать мне, что, черт возьми, происходит.

Он стучит кулаком по столешнице, от чего столовое серебро подпрыгивает. Он огрызается: — Ради Бога, Оливия, это не игра. Это *серьезно*. Ты знаешь, что меня бы здесь не было, если бы это было не так!

Он смотрит на меня, кипятясь. Несколько посетителей ресторана бросают в нашу сторону встревоженные взгляды. Краем глаза я вижу, как мой заклятый враг, официант Жан-Люк, улыбается нам из-за соседнего столика.

Выдержав разъяренный взгляд Криса, я говорю спокойно: — Времена, когда ты отдавал приказы, а я их выполняла, давно прошли. Хочешь, чтобы я прыгнула для тебя? Я не спрашиваю *Как высоко?* я говорю *Покажи мне деньги, сучка*, и обсудим цену.

Рот Криса открывается, потом закрывается. Он не привык к такой моей версии.

Я тоже, честно говоря, не привыкла, но я уже почти на краю пропасти с мужчинами в моей жизни и всеми их драмами.

Крис щелкает пальцами. Официант мгновенно материализуется возле нашего столика. — Да, мсье?

— Блантон, чистый. Двойной.

Официант кланяется, прежде чем исчезнуть, потому что Крис имеет такое влияние на людей.

Я говорю: — Дела, должно быть, плохи, если в полдень ты пьешь двойной бурбон.

Опираясь предплечьями на стол, он проводит языком по зубам. Какое-то мгновение смотрит на скатерть, собираясь с мыслями, потом поднимает на меня глаза. Тихим голосом он говорит: — Плохо — это мало сказано.

Зная, что он в конце концов выплюнет это, если я буду молчать, я жду, наблюдая за ним.

— Я не могу защитить тебя в Европе, Ливи.

Мои брови стреляют вверх — Не обращая внимания на то, насколько это странное заявление, ты говоришь это так, будто *защищал* меня в Штатах.

Он смотрит на меня своими блестящими глазами и твердой челюстью. — У меня было круглосуточное наблюдение за тобой в Нью-Йорке. Так что да, я защищал тебя там.

Челюсть отпадает. Я в ужасе открыла рот. — Ты... ты следил за мной? Ты *шпионил* за мной?

Его тон остается ровным. — Нет. Я защищал тебя. Наблюдение было мерой безопасности.

Разъяренная и смущенная, я воскликнула: — Защищал меня? От чего?

Я наблюдаю, как он перебирает тысячи возможных ответов, прежде чем остановиться на одном. — Обратный удар.

Когда он не добавляет больше, я развожу руками, мол, *какого черта?*

Он выигрывает время, прежде чем ответить, потому что официант возвращается с его напитком, ставит его перед ним с блеском, а затем спрашивает, не хотим ли мы заказать наши блюда. Я прогоняю его раздраженным взмахом руки.

Когда мы снова остаемся наедине, Крис поднимает стакан с бурбоном и выпивает его одним махом. Осторожно ставя пустой стакан на место, он облизывает губы, а затем встречается с моими глазами.

— Моя работа очень важна. Ты же знаешь.

— Поздравляю с назначением послом Соединенных Штатов в ООН, — огрызаюсь я. — Ты — большая шишка. Ура. Какое это имеет отношение к делу?

Он отвечает сквозь зубы. — Высокий профиль означает высокий риск для безопасности.

Я жду, но он снова не может предоставить адекватного объяснения. *Отлично. У меня на руках еще один сфинкс.*

— Помогите расставить все по полочкам. Мы больше не женаты. Мы уже давно не живем вместе. Мы не разговариваем, не общаемся, если на то пошло, и никогда не видим друг друга. У нас нет никаких связей. Как твое положение может представлять для *меня* угрозу?

Его взгляд прожигает дыру в моем лице. — Потому что ты — единственное в моей жизни, что может быть использовано против меня. Ты мое единственное слабое место. Ты моя ахиллесова пята, и есть люди, которые это знают. — Он делает паузу. — Люди, которые

не задумываясь используют это в свою пользу. Используют тебя, чтобы добраться до меня.

У меня отвисает челюсть. Глаза не моргают. В ушах раздается жуткий звук, будто тысяча волков воют на луну.

Я его слабое место? Его проклятая Ахиллесова пята? С каких это пор?

Даже во время наших ухаживаний, когда мы влюбились, его работа всегда была для него приоритетом. Он никогда не скрывал, что карьера для него на первом месте — и так оно и было, — но теперь он говорит мне грубым, эмоциональным голосом, что я каким-то образом все еще имею для него значение?

Достаточно важна, чтобы стать приманкой для шантажа?

Наконец мне удается спросить: — Какие люди?

— Плохие люди, — его мгновенный, отрывистый ответ, — У меня есть враги, Ливи. Могущественные. Безжалостные. Именно поэтому мне нужно, чтобы ты забрала свою задницу в самолет и вернулась в Нью-Йорк. Немедленно. Прямо сейчас. *В эту минуту.*

На мгновение я застываю от неверия. Я не могу поверить, что слышу то, что слышу.

У Криса была охрана, когда он был членом законодательного собрания перед назначением послом, но она была минимальной, ограничивалась входом и выходом из Капитолия и другими государственными делами. Не было никаких парней в черных внедорожниках, которые сидели возле нашего дома в полночь. Секретная служба не пряталась в кустах с наведенным оружием.

И тут меня как молнией ударило: если я — приманка для шантажа... то и наша дочь была тоже.

Я становлюсь ледяной, потом горячей. Ярость подступает к горлу, как бешеный зверь. Адреналин заливает мои вены, и все тело начинает трястись.

Перегнувшись через стол, я хватаю Криса за лацканы его пиджака.

— Если ты причастен к смерти Эмми, — рычу ему в лицо, — то, да поможет мне Бог, я тебя убью.

Жан-Люк проплывает мимо нашего столика, направляясь к другому, и говорит: — Не воспринимайте это лично, мсье. *Elle est folle.* (прим. пер. с фр. — Она сумасшедшая)

Крис вскакивает на ноги и тащит меня через внутренний дворик, прежде чем я успеваю наброситься на Жан-Люка. Он тащит меня внутрь ресторана и резко поворачивает направо к уборной в конце коридора. Он открывает ногой дверь мужского туалета, закрывает ее за нами и прижимает меня к ней, обхватив руками за плечи.

Наклонившись так, что мы оказываемся нос к носу, он грубо говорит: — Конечно, я этого не делал. Смерть Эмми была несчастным случаем, ты же знаешь...

— Она была *убита*, — громко говорю я, мое лицо горячо. — Выстрел — это не несчастный случай, Кристофер. Это убийство. Она не упала в бассейн и не утонула. Это несчастный случай. Она не поскользнулась и не ударилась головой, не подавилась куском еды, не гналась за мячом во время движения. Ее *застрелили*. — Мой голос срывается. На глаза наворачиваются слезы. — Нашу девочку застрелили, и это долбаное *убийство*.

Выдохнув неровный вздох, Крис кивает и зажмуривает глаза. Он шепчет: — Я знаю. Мне очень жаль. Я знаю. Я просто имел в виду, что это не предназначалось для нее. Полиция сказала, что она была невиновным свидетелем. Бандитские разборки... и пуля предназначалась для кого-то другого.

Он останавливается, его голос задыхается, а выражение лица выражает глубокое страдание.

Затем, к моему большому удивлению, мой бывший муж начинает плакать.

Он обнимает меня, погружается лицом в мою шею и рыдает, как ребенок, его объятия такие крепкие, что у меня перехватывает дыхание.

Никогда, ни разу за все годы, что я его знаю, он не показывал ничего подобного этому уровню эмоций. Если бы кто-то сказал мне раньше, что он на самом деле способен плакать, я бы рассмеялась.

Более правдоподобно было бы, что Гибралтарская скала пролила бы слезы.

Вся ярость вытекает из меня, оставляя лишь пустую боль.

— Все в порядке. — Я неуклюже хлопаю его по спине. — Эй. Эй, давай. Давай. Я не хотела тебя расстраивать. Прости, что я накричала...

Прежде чем я успеваю сказать еще одно слово, Крис берет мое лицо в свои руки и целует меня. Это тяжело, небрежно и полно отчаяния. Его зубы соприкасаются с моими. Шокированная, я втягиваю воздух через нос и прижимаюсь к его груди, но он не отпускает меня. Вместо этого он прижимается ко мне всем телом и впивается кулаками в мои волосы.

Все, о чем я могу думать — это *Джеймс*.

Я хочу, чтобы сейчас меня целовал Джеймс, а не этот мужчина, которому я отдала свое сердце так давно, который небрежно бросил его в свой портфель от Луи Виттона и крепко запер его.

Задыхаясь, я отрываюсь от губ Криса. Мы стоим там, грудью к груди, кажется, целую вечность, тяжело дыша, застывшие в нереальности момента, пока он не отступает назад, держа руки в воздухе, как жертва ограбления.

— Прости.

Второе извинение через несколько минут после первого, которое он когда-либо приносил. Я понятия не имею, кто этот незнакомец.

Потрясенная, я провожу тыльной стороной ладони по губам. Я смотрю на него широко раскрытыми глазами, не имея никакой идеи, что сказать.

Он снимает с меня ответственность, говоря первым.

— Я люблю тебя, — хрипло произносит он, его глаза сияют, — Я всегда любил тебя. И никогда не перестану. Я понимаю, если ты пошла дальше в своей жизни, но я нет. Я не могу. Ты — единственное, что когда-либо делало мою жизнь стоящей, чтобы ее прожить.

Я моргаю, гадая, не случился ли у меня наконец-то психический срыв, который годами преследовал меня по пятам, но он все еще говорит.

— Я знаю, что облажался во многих отношениях, и я хотел бы, чтобы я мог загладить свою вину перед тобой, но я говорю тебе прямо сейчас, Оливия, я готов заставить тебя возненавидеть меня, если это значит, что ты будешь в безопасности. Я лучше рискну твоей ненавистью, чем твоей безопасностью. Так что если ты не вернешься в Нью-Йорк в течение 24 часов, я буду вынужден сделать это сам.

Смех, вырывающийся из моей груди, звучит безумно, резко отскакивая от кафельных стен ванной комнаты. — Что, черт возьми, это должно означать? Ты похитишь меня и вывезешь из страны?

Дикими глазами он смотрит на меня, пока я не начинаю чувствовать страх.

— Это будет не первый раз, когда я заключаю подобные сделки. И поверь мне, когда я говорю, что ты не захочешь встречаться с людьми, которые занимаются такими вещами. Когда мы поженились, ты обвиняла меня в бессердечности, но по сравнению с ними я просто котенок. И иногда люди, которых они опекают, становятся такими сломленными, что

их невозможно исправить.

Мое сердце колотится так быстро, что я не могу перевести дыхание. Я смотрю в его глаза — ореховые глаза, в которые я смотрела столько раз раньше — и с ледяным холодом, пробегающим по спине, осознаю, что, вполне возможно, все, что я думала, что знала об этом человеке, — ложь.

— Двадцать четыре часа, Оливия. Не испытывай меня.

Прежде чем я успеваю ответить, он отталкивает меня с дороги к двери и проходит сквозь нее, не оглядываясь.

Вернувшись домой, я растеряна. Мне хочется выпить, но я боюсь, что группа людей в масках вот-вот ворвется во входную дверь и отвезет меня в аэропорт в фургоне без опознавательных знаков. Мне нужно сохранить голову ясной.

Поэтому я блуждаю из комнаты в комнату, заламывая руки и борясь с паникой, перебирая в памяти все, что Крис сказал мне за обедом и во время предыдущего телефонного разговора.

Ничего из этого не укладывается в голове. Если бы мы с ним были персонажами одного из моих романов, мне пришлось бы сделать ему неоперабельную опухоль мозга размером с грейпфрут, чтобы его поведение обрело смысл.

Когда где-то в квартире звонит телефон, я замираю и оглядываюсь.

Это не домашний телефон. И мой мобильный до сих пор лежит разбитый там, где упал, на полу. Но, несмотря на это, звонок продолжает раздаваться, поэтому я осторожно направляюсь на кухню, идя на приглушенный звук.

Он доносится из ящика возле раковины.

Чувствуя себя как в шпионском фильме, я открываю ящик и смотрю на гладкий черный мобильный телефон, спрятанный среди набора чайных полотенец. Телефон размером с кредитную карточку, который выглядит точно так же, как у Джеймса.

Он звонит и звонит, настаивая, чтобы я взяла трубку.

Когда я это делаю, то понимаю, что на нем нет кнопки ответа. На нем вообще нет никаких кнопок. Когда я переворачиваю его, задняя сторона такая же пустая, как и передняя. Единственный способ, которым я могу сказать, что это задняя сторона, — это то, что поверхность матовая, а не блестящая. Я трясую его. Когда экран не загорается, я стучу пальцем по всему экрану, надеясь, что это будет иметь какой-то эффект. Когда и это не срабатывает, я вздыхаю и просто подношу телефон к уху, в шутку говоря: *Йоу*, как будто это должно сработать.

В ответ слышу бархатный голос Джеймса. — Привет, дорогая.

Я кричу: — *Джеймс!*

— Виноват. Вижу, ты нашла телефон.

— *Что сейчас происходит?*

Его тихий смех пронизывает меня волной облегчения. — Я заметил, что твой телефон попал в какую-то аварию, в результате которой он разбился на куски, поэтому я достал тебе новый. Тебе нравится?

Он сказал "достал", а не "купил". По какой-то странной причине мне кажется, что это важная разница. — А где здесь кнопки? Когда ты подложил его? Ты уже в Германии?

Я все еще кричу. На мгновение мне кажется, что это причина странной паузы Джеймса, но потом я понимаю, что ошибаюсь, когда он отвечает.

— Да, — тихо говорит он. — Я в Германии.

Я холодею от ужаса.

Я не должна была знать, куда он уехал.

Я не должна была знать, что он участвует в клинических испытаниях. Или что у него БАС.

Или что он умирает.

Блядь, блядь. Может, он подумает, что сказал мне, куда едет. Я застываю с телефоном, прижатым к уху, с сердцем, подступающим к горлу, и жду, когда он что-то скажет. То, что он скажет, не имеет большого значения.

— Просто дыши, Оливия. Я слышу, как ты паникуешь.

Я выдыхаю в огромном порыве и ковыляю к кухонному столу, где падаю на стул. — Я... я... я... я... — *Я понятия не имею, как мне выпутаться из этой передраги. Идиотка!*

— Дай мне услышать, как ты сделаешь вдох. Сделай глубокий вдох. Давай.

Я втягиваю полные легкие, как будто тонула в океане и только что вынырнула на поверхность. *Скажи ему правду. Когда он спросит, откуда ты знаешь о Германии, просто скажи. Признайся во всем. Будь честной.*

От моего хриплого голоса он снова хихикает. Он бормочет: — Ты так мило изображаешь астматическую утку. Ты так по мне соскучилась? Меня не было всего несколько часов.

— Да, я скучала по тебе. — Я вспоминаю Криса за обедом и вздрагиваю. — Не могу дождаться, когда мы снова увидимся.

Он, должно быть, услышал что-то не то в моем голосе, потому что он напрягся.

— Что случилось?

— Господи Иисусе, как ты можешь читать мои мысли *по телефону?*

Он прорычал мое имя. Теперь включен режим босса. По крайней мере, он отвлекся от Германии. Я тяжело вздыхаю и опускаюсь в кресло пониже.

— Мой обед с Крисом состоялся.

Тишина потрескивает. — Я хочу потребовать, чтобы ты мне все рассказала, но не хочу быть любознательным засранцем. Если ты скажешь, что мы должны сменить тему, мы так и сделаем.

Мне нравится, что он прямо говорит то, что думает, и в то же время уважает мои желания.

Обдумывая, как ответить, я решаю, что моя запутанная личная жизнь — это последнее, с чем ему сейчас нужно иметь дело, когда он в другой стране пытается найти лекарство от болезни, которая пытается его убить.

— Мы не разговаривали с тех пор, как расстались. Он просто хотел... — *Чтобы меня похитили бандиты.* Я прочищаю горло перед тем, как соврать, так что, надеюсь, это звучит более правдоподобно. — Проверить, все ли в порядке.

После еще одной трескучей тишины Джеймс говорит: — Он все еще любит тебя. Увидеть меня в твоей квартире, должно быть, было нелегко для него.

Я подавляю в себе воспоминание о том, как Крис признался мне в любви в мужском туалете, и спрашиваю слишком громко: — Почему ты думаешь, что он все еще любит меня?

Голос Джеймса становится поглаживающим, мягчайшей, самой теплой лаской.

— Как он может не любить? Ты самая совершенная женщина, о которой только может мечтать мужчина, Оливия. Ты — сокровище.

Мое сердце продолжает делать странные вещи. Странные, извилистые гимнастические движения. Я сглатываю, дышу неглубоко, позволяя себе сидеть с его красивыми словами.

— Ты ничего не говоришь.

— Просто наслаждаюсь талантом твоих сценаристов. Боже, эти парни хороши.

Я слышу голоса на заднем плане. Мужские голоса. Мужские голоса, которые говорят не по-английски... но и не по-немецки. Я не знаю немецкого языка, но он очень отчетливый, и

это точно не он.

На самом деле, это звучит очень похоже на экзотический язык, который я слышала — или представляла, что слышала — от Джеймса, который бормотал мне на ухо, когда я переживала эпический оргазм.

Я прислушиваюсь к звуку шагов, пока голоса не стихают и не исчезают на заднем плане. Либо мужчины отошли от Джеймса, либо он отошел от них.

Его голос хриплый, он говорит: — Я оставил еще кое-что для тебя в квартире. Поищи в левом ящике комода в спальне.

Мое любопытство разгорелось, я встаю и иду в спальню. В ящике комода нахожу квадратную черную коробку, перевязанную красной лентой. — Ты купил мне еще один подарок? — спрашиваю я, тронутая. — Когда ты успел все это спрятать?

— Открой.

— Позволь мне положить телефон на секунду, чтобы я могла использовать обе руки. — Я кладу телефон на комод и нетерпеливо развязываю ленту, затем поднимаю верхнюю часть коробки. Когда я вижу прекрасные золотые и бриллиантовые серьги с ожерельем, сверкающие на белом шелке, я ахаю.

Срань господня. Они, должно быть, стоят целое состояние.

Я перевожу дыхание и снова поднимаю трубку. — Джеймс, это ожерелье потрясающее. А эти бабочки... Я никогда в жизни не видела таких красивых сережек.

Он смеется, восхищенный трепетом в моем голосе. — Это не ожерелье и серьги, дорогая. Вынь их.

Не ожерелье и серьги?

Смущенная, я поднимаю одну из бриллиантовых бабочек и обнаруживаю, что они прикреплены к цепочке собственными деликатными цепочками. Маленькие золотые зажимы украшают спинки. Когда я поднимаю бабочку выше, с шелкового ложа разматывается большая часть тонкой цепочки, и тогда я понимаю, что на конце цепочки *также* есть бабочка с маленьким золотым зажимом.

Все это образует форму буквы Y, с золотым кругом размером с четверть в центре, к которому прикреплены три цепочки.

Я держу его и смотрю, пытаюсь понять. — Я не понимаю.

— Подумай, дорогая. Где я мог бы использовать три маленьких зажима на твоем теле?

Мои глаза широко открываются, а голос повышается. — Думаю... не на пальцах ног?

— Где-то в более чувствительном месте, — пробормотал он, его голос был теплым.

Наверное, не на мочках ушей и не на кончиках пальцев. Я сглатываю, начинаю потеть.

— Надень это и пришли мне фото.

— Я понятия не имею, как надевать эту штуку. Я могу что-то повредить. Кроме того, я не разбираюсь в технологиях. Я даже не знаю, как пользоваться этим телефоном.

Если я думала, что это снимет меня с крючка, я ошибалась. У Джеймса все под контролем.

— Телефон активируется голосом, и мой номер уже запрограммирован в нем. Просто наведи его на себя и скажи: "Сфотографируй и отправь Джеймсу". Давай, попробуй.

Я держу телефон на расстоянии фута от лица и повторяю его указание. Раздается малейшее электронное позвякивание, и все. Экран остается абсолютно черным. Я подношу телефон обратно к уху. — Откуда мне знать, что это сработало? Я ничего не вижу на своей стороне!

— Потому что у меня есть фотография, где ты шмыгаешь носом ко мне, вот как. Кстати, у тебя отличная прическа. — Он снова переключается на властный режим, его голос становится темным. — А теперь раздевайся, надевай бабочек и присылай мне мои фотографии.

— Гм... да, мне придется отказаться от этого, Ромео. Если мои обнаженные фото когда-нибудь просочатся в сеть, мой издатель бросит меня, как горячую картофелину.

— Ты же знаешь, что я никогда не показал бы твоих фотографий никому другому.

Горячая собственность в его тоне заставляет меня улыбнуться. — Да, я знаю. Но телефоны имеют неприятную привычку взламываться.

— Этот телефон не взломать. Все, что ты мне отправляешь, зашифровано шифрами, которые невозможно взломать.

Когда я делаю долгую паузу, удивляясь, откуда у него телефон, который невозможно взломать, он небрежно отвечает: — У меня есть приятель, который производит их для правительства.

— О. Круто. погоди, это значит, что правительство может шпионить за мной с помощью этой штуки?

Он хихикает. — Им не нужен телефон, чтобы шпионить за тобой.

— Мне от этого не легче.

— Не волнуйся об этом слишком сильно. Если ты не плохой парень, они тобой не интересуются. Вернемся к моим фотографиям. Пришли мне несколько.

Я сморщила лицо. — Я имею в виду, я хочу. Теоретически? Потому что знаю, что тебе понравится? Но, честно говоря, это не совсем мое. Я не преувеличивала, когда говорила, что не люблю технологии. Я случайно отправила крупным планом свою подмышку. Которая, если ты не заметил, не является подмышкой супермодели. Там происходят какие-то серьезные случайные вещи. Если целлюлит под мышками существует, то он у меня есть. Я бы лучше украсила себя этими прекрасными секс-украшениями, если бы ты был здесь, чтобы помочь мне.

Его смех длинный, горловой и красивый. — Блядь. Ты преступно очаровательна.

По какой-то странной причине этот комментарий заставляет меня думать о Крисе. Крисе, который плакал в мужском туалете и вдруг решил, что влюблен в меня.

— Да. Я настоящая находка.

Что бы Джеймс ни услышал в моем ответе, его голос становится резким и требовательным. — Что это значит?

Его обостренное восприятие становится настолько привычным, что я уже почти не удивляюсь этому. Но все же не хочется копаться в этой конкретной грязи. — Это был просто сарказм. Это ничего не значит.

— Ты знала, Оливия, что ты ужасная лгунья?

Я вздыхаю глубоко и покорно. — Ладно, хорошо. Но не сердись, когда я скажу тебе, потому что ты сам попросил. — Я жду, пока он не зарычит в знак согласия, чтобы продолжить. — Крис сегодня за обедом вел себя очень странно. Он говорил много странных вещей.

Голос Джеймса становится смертельно мягким. — Какие вещи?

О, Боже. — Никакие.

Он настаивает: — Расскажи мне.

Я нервно смеюсь. — Как будто мне нужно немедленно возвращаться в Нью-Йорк.

— *Потому что?*

Ой-ой. Это прозвучало убийственно. Надо сменить тему. — Потому что он идиот. Забудь, что я сказала.

Наступила долгая, тяжелая тишина. — Он тебе угрожал?

— Нет! — Я делаю паузу. — Я имею в виду, не в том смысле, в каком ты это имеешь в виду.

По телефону доносится звук скрежета зубов. — Я тут волосы на себе рву.

— Вот почему я не хотела ничего говорить. Не хочу, чтобы ты волновался.

— Слишком поздно. Если ты не расскажешь мне все, я вылетаю следующим же самолетом в Париж.

Что во мне так изменилось в последнее время, что мужчины в панике летят через весь мир, чтобы броситься ко мне на порог? — Это не обязательно.

— Будет, если ты не начнешь говорить.

Я сажусь на край кровати и зажимаю переносицу между пальцами, золотая цепочка свисает с бедер. — Он сказал, что если я не вернусь в Нью-Йорк через двадцать четыре часа, он найдет кого-то, кто об этом позаботится.

Не сбавляя оборотов, Джеймс огрызается: — Убирайся из той квартиры! Сейчас же!

Открыв глаза, я хмуро смотрю на стену. — Прости?

— Иди ко мне. Секция 912. На стене возле двери есть клавиатура. Набери свое имя задом наперед, и они откроются.

Набрать мое имя задом наперед, и дверь откроется. Как будто мой рот открыт. Как будто моя голова открыта, потому что она только что взорвалась. — *Что?*

— Сделай это. Собирай вещи и уходи. Никому не говори, куда ты идешь. Иди в мою квартиру — *прямо, блядь, сейчас*, — и жди меня там.

Линия обрывается.

Ошеломленная, я смотрю на телефон в своей руке. Мое сердце начинает колотиться. Тревога пронизывает меня изнутри. Глядя на пустой экран, я говорю: — Позвони Джеймсу!

Когда я подношу телефон к уху, он звонит. Он поднимает трубку и рычит: — Черт возьми, женщина...

— Не смей сейчас на меня ругаться! — Я кричу, с красным лицом. — Скажи мне, что, черт возьми, происходит, или я никуда не пойду!

Его дыхание прерывистое. Его слова звучат так, будто он проглотил горсть камней. — Ты сказала, что доверишься мне.

— Джеймс.

— Ты сказала, что *доверишься* мне или *нет*?

Я смотрю на блестящих бриллиантовых бабочек, которых держу в руках, желая, чтобы я никогда не открывала своего большого проклятого рта. — Да, — неохотно признаю я.

В его грубом выдохе чувствуется оттенок облегчения. — И ты была права. Я никогда не позволю, чтобы тебя обидели, и это моя клятва. Но сейчас меня нет рядом, и для того, чтобы ты была в безопасности, ты должна меня выслушать.

Я кричу: — Почему все так беспокоятся о моей безопасности сейчас? Почему я вдруг оказалась в опасности?

Голос Джеймса затихает. — Это не внезапно, дорогая. Ты была в опасности годами. Ты просто не знала об этом.

Я начинаю дрожать. Мои подмышки становятся влажными. Я не могу контролировать

дрожь в голосе, когда шепчу: — Откуда *ты* знаешь?

— Клянусь, я тебе все расскажу, только, пожалуйста, прошу, иди ко мне домой прямо сейчас. Сделаешь это для меня?

Подтекст тревоги в его голосе наконец заставляет меня решить послушаться его.

Возможно, из-за мольбы. Он не из тех, кто умоляет.

Когда я говорю так, он бормочет: — Спасибо, блядь.

— Но тебе лучше быть готовым ответить на много вопросов, Ромео, — угрожаю я. — И если мне покажется, что ты не говоришь мне чистую правду, я сяду в самолет и *вернусь* в Нью-Йорк в течение суток.

На этот раз я отсоединяюсь. По крайней мере, я так думаю. Кто может сказать с этим дурацким телефоном?

С глубоким ощущением неверия в то, что это моя жизнь, я кладу цепочку обратно в красивую коробочку, спешу к шкафу, вытаскиваю чемодан и тащу его к комоду. Расстегиваю молнию и начинаю забрасывать вещи. Джинсы, футболки, трусики, все, что я так тщательно распаковала и сложила, теперь летит туда, как мусор.

Опасность. Я в опасности, и так уже много лет.

Какого хрена?

Я не могу ясно мыслить. Ничто из этого не имеет никакого смысла. Единственное, на чем я могу сосредоточиться, это убраться к черту из этой квартиры, которая сейчас имеет гнетущее ощущение тюремной камеры.

Или гроба.

Засунув телефон, который дал мне Джеймс, в задний карман джинсов, я спешу с чемоданом в кабинет Эстель, где хватаю со стола свою рукопись и запикиваю ее во внешний карман на молнии.

Я даже не беспокоюсь о косметике или туалетных принадлежностях. Я просто убегаю оттуда, хватаю сумочку и хлопаю дверью на ходу. Задыхаясь и потев, я бегу по коридору к лифтам.

Когда дверь открывается, я уже почти жду, что из нее выскочит пара вооруженных мужчин и схватит меня, но там никого нет. Короткая поездка до этажа Джеймса кажется мне тысячелетием. Затем дверь снова открывается, и я бегу по коридору.

Когда я понимаю, что иду не в том направлении, я разворачиваюсь и бегу в другую сторону.

Он сдержал свое слово: к стене рядом с входной дверью прикреплена гладкая электронная клавиатура. Я набираю на клавиатуре буквы своего имени задом наперед, надеясь, что это просто неудачный розыгрыш, но когда лампочка на клавиатуре загорается зеленым цветом, дверь открывается, и я могу заглянуть внутрь, надежда умирает в моем животе.

Знаете старую поговорку, что если что-то кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой, то так оно и есть?

Она существует уже давно и не без причины.

Хорошая новость заключается в том, что целая стена его элегантно обставленной гостиной заставлена книгами. Застекленный книжный шкаф с одной из тех крутых библиотечных лестниц, тянущихся до самого потолка. Большое коричневое кожаное кресло стоит у окна, а сбоку — маленький столик и лампа для чтения.

Значит, он читает. По крайней мере, он не врал об этом.

Плохая новость заключается в том, что окно затемнено толстой стальной панелью, а на стене напротив книжного шкафа хранится другая коллекция предметов за стеклом... предметов, созданных только с одной целью.

Убивать.

Я мертва. Ты убил меня.

Я помню с ужасающей ясностью, как настроение Джеймса изменилось от светлого к темному в одно мгновение, когда я сказала ему эти слова. Слова, которые должны были быть комплиментом к его поцелуям, но для него, очевидно, означали что-то совсем другое.

Как будто я что-то поняла.

Какое-то холодное мгновение, затаив дыхание, я пялюсь на коллекцию пистолетов, винтовок и пулеметов, так аккуратно расставленных на стеллажах из досок, ярко освещенных сверху булавками, а снизу заставленных сотнями коробок с патронами разного размера.

Тогда я делаю единственное, что имеет смысл.

Убегаю к черту.

Таксист считает меня сумасшедшей. Я знаю, потому что он кричит мне вслед: — Ты сумасшедшая! — когда я вырываюсь из его такси, бросая деньги через плечо и задыхаясь, как лабрадор.

Само по себе это маленькое проявление психической нестабильности, вероятно, не было бы для него таким расстраивающим. Но вместе с тем, как я бросилась в кабину и кричала ему: *Езжай, езжай, езжай!* стуча по пластиковой перегородке между передним и задним сиденьями, потом нырнула на пол и свернулась калачиком, бормоча что-то себе под нос, прячась под защитой своего чемодана, — это было уже слишком.

Я понятия не имею, где он меня высадил.

Впрочем, это не имеет значения, потому что то, что мне нужно, находится всего в полуквартале отсюда. Веселая вывеска отеля манит меня со стороны высокого кирпичного здания, обещающая безопасность и анонимность.

И мини-бар. Пожалуй, самая важная из трех вещей.

Я спешу по улице, таща за собой чемодан, потея, ругаясь и сходя с ума от паники. На стойке регистрации меня встречает бородатый молодой человек со спокойной улыбкой. Судя по бейджу, его зовут Кристоф, что я воспринимаю как зловещий знак, но по крайней мере здесь не написано Джеймс.

Я не особо суеверна, но есть предел тому, что я могу выдержать.

Я кричу: — Мне нужна комната! Любая имеющаяся!

— На сколько ночей, мадам? — Он ждет, держа руки над клавиатурой.

Ухватившись за стойку, я хриплю и задыхаюсь. — Как минимум на одну. Я не уверена. Можно, я скажу вам позже?

Он смотрит на меня с ног до головы, его спокойная улыбка никогда не исчезает. Как и Жан-Люк из кафе Blanc, он, видимо, считает американцев сумасшедшими.

— Да, конечно. Ваша кредитная карта, пожалуйста.

Я нащупываю в сумочке кошелек дрожащими пальцами, а потом бросаю ему свою карточку Amex. Она соскальзывает со стойки на его клавиатуру. Он деликатно подбирает ее указательным и большим пальцами, так, словно на ней плавают микробы.

Зачем Джеймсу столько оружия? У меня в голове всплывает оскал волчьих зубов. Чтоб было чем стрелять в тебя, моя дорогая.

— Мисс Оливия Росси, — читает Кристоф с моей карточки, — Добро пожаловать в Сен-Жермен. Какие-нибудь пожелания по поводу типа комнаты? Размер кровати? Вид из окна?

— Нет, нет. — Я нервно оглядываюсь через плечо. — Неважно, просто быстрее.

Он печатает быстро и точно. Он смотрит на экран своего компьютера. — У меня есть отличный номер на четвертом этаже, мадам. Большая кровать с камином, с видом на...

— Я беру его!

Он останавливается, чтобы взглянуть на меня. Приглушенным голосом он мягко спрашивает: — Мисс Росси... с вами все в порядке?

О, Боже. Не дай себя выгнать. Веди себя нормально. Отбрасывая волосы с лица и прочищая горло, я изо всех сил стараюсь выглядеть цивилизованным человеком, а не женщиной, убегаящей от дьявола.

— Вообще-то, нет. Мой парень... — Я с неподдельным страхом смотрю на дверь... — Мы поссорились. Я не хочу, чтобы он знал, где я.

— Больше ничего не говорите, — бодро говорит Кристоф, выпячивая грудь, — я зарегистрирую вас под другим именем, мадам. — Теперь он печатает еще быстрее, благослови его Бог. Он с размахом нажимает клавишу Enter, затем перегибается через стойку, чтобы прошептать: — Вы в комнате 402, мадам Поллитт.

— Поллитт. Спасибо.

Он сообщает мне заговорщицки: — Мэгги Поллит — так звали героиню Элизабет Тейлор в фильме *Кошка на раскаленной крыше*. Вы видели этот фильм?

— Нет.

— Лучший американский фильм, когда-либо снятый. Конечно, американские фильмы не имеют такого качества, как французские, но этот фильм был совершенным. А вы, мадам, имеете поразительное сходство с его звездой.

Несмотря на панику, я должна смеяться. Я похожа на Элизабет Тейлор? Очевидно, он был пьян.

Он настаивает: — Это правда. Вам никто никогда этого не говорил? — Он машет рукой перед моим лицом. — Это глаза. Этот невероятный фиалковый цвет, que c'est belle! Можно сказать, глаза с призраками.

Если я не услышу этого слова до конца своей жизни, это будет слишком скоро.

Я слабо благодарю его за комплимент. Он смотрит на меня, потом отворачивается, чтобы достать ключ от номера из маленького шкафчика, висящего на стене позади него. Я подписываю бумагу, которую он мне протягивает, беру ключ и, хромая, иду к лифтам.

Когда зеркальная дверь закрывается и я вижу свое отражение, я удивляюсь, что вежливый портье не вызвал полицию. Я выгляжу так, будто только что сбежала из тюрьмы.

Комната хорошо обставлена элегантной мебелью и гораздо больше, чем я ожидала. Наверное, мне следовало спросить цену, но когда человек имеет дело с открытием, что ее бывший муж имеет похитителей на зарплате, а ее любовник хранит в своей квартире запас оружия, который может конкурировать с арсеналом маленькой страны, такие банальные вещи, как деньги, не кажутся такими важными.

Возможно, я приплю Крису счет.

Оставив чемодан в коридоре, я бросаю сумочку на кровать, а затем дергаю шторы на окнах. Мне сейчас безразличен роскошный вид на Эйфелеву башню, а подозрение, что Джеймс каким-то образом узнает, где я, разжигает в заднице огонь паранойи.

Я делаю набег на мини-бар под тумбой под телевизором и выпиваю три крошечные бутылочки виски, прежде чем перевести дыхание. Затем сажусь на край кровати и оглядываюсь вокруг, думая, что же мне, черт возьми, делать.

Очевидно, что надо бежать обратно в Нью-Йорк. Но там меня ждет невидимая команда наблюдения Криса. От мысли, что за мной следят — как долго? — меня тошнит. И, честно говоря, это раздражает. Не только из-за вторжения в личную жизнь, но и из-за того, что я не знаю, почему Крис решил, что тайная охрана необходима в первую очередь.

У меня есть враги, — сказал он. Могущественные враги. Безжалостные. Враги, которые могут использовать меня, чтобы добраться до него.

Я тянусь к телефону на тумбочке у кровати, чтобы позвонить Келли за советом, но останавливаюсь. Если Крис следил за мной, то мог ли он следить и за ней? И что именно означает слежка? Люди, которые всматриваются в меня через бинокль? Слушают меня через

устройства, установленные в моем доме?

Прослушивают мой телефон?

Мне стало плохо.

И тут я вспоминаю, что у меня в заднем кармане лежит телефон Джеймса, который невозможно взломать. Я вытаскиваю его и всматриваюсь в пустое черное лицо. — Джеймс Блэквуд, — шепчу я. — Кто ты?

Телефон отвечает ровным, компьютеризированным голосом. — Джеймс Блэквуд — художник американского происхождения, специализируется на портретах.

Я кричу и швыряю телефон через всю комнату.

Он падает на ковер у двери и лежит там, улыбаясь мне.

Через мгновение, когда я беру под контроль беспорядок в своем теле, я осторожно подхожу к телефону и снова поднимаю его. Проклятие моему проклятому чрезмерно активному воображению, потому что я могу поклясться, что у этой штуки есть пульс, который бьется о мою ладонь.

Я говорю ему: — Конечно, бьется.

Чертова тварь молчит. Время для другого подхода. — Кто такой сэр Элтон Джон?

Телефон тут же выдает мне статью о музыканте в Википедии, включая детали о его рождении, образовании, ранней карьере, а также награды и почести.

Ладно, значит, на нем установлена какая-то продвинутая версия Siri.

Давай попробуем. — Покажи мне фото Джеймса Блэквуда.

Экран загорается. Фотографии начинают пролетать мимо со сверхсветовой скоростью. Молодые люди, старики, младенцы, выпускные фото, водительские права, объявления о рождении, некрологи и, наконец, плакат Разыскивается 1832 года с улыбающимся, оскаленным ковбоем с огромными усами.

Этот телефон — долбаный умник.

— Покажи мне фото Джеймса Блэквуда, американского художника, специализирующегося на портретах.

Экран темнеет. После короткой паузы электронный голос говорит снова. — Не существует ни одной известной фотографии Джеймса Блэквуда, американского художника, специализирующегося на портретах.

Сюжет закручивается.

— Как тебя зовут?

— Я телефон Джеймса Блэквуда.

— Привет, телефон Джеймса Блэквуда. Я Оливия.

— Привет, Оливия.

Я не могу поверить, что веду этот разговор, но поскольку моя жизнь в последнее время совершенно безумная, я смирилась с этим. — Телефон, кто твой производитель? — Джеймс сказал, что у него есть друг, который сделал его для правительства, но я больше не склонна верить ни одному его слову.

Но телефон играет скромно. — Эта информация засекречена.

Черт. Эта штука не только умна, но и сообразительна. — Ты можешь рассказать мне что-нибудь о себе?

— Я Водолей.

— Забавно.

— А ты Скорпион.

У меня перехватывает дыхание. Сердцебиение ускоряется. Мне приходится глотать, прежде чем я могу говорить. — Откуда ты это знаешь?

— Твой день рождения двадцать седьмого октября.

Я пытаюсь не потерять самообладание. В конце концов, у меня есть собственная страница в Википедии. Если у этой штуки есть какая-то прославленная версия Google в своей операционной системе, она знает обо мне все.

Но подождите, я же назвала только свое *имя*. В мире, наверное, миллион Оливий. Десять миллионов. Даже больше.

Гусиная кожа поднимается на моих руках. Я прошептала: — Откуда ты знаешь, кто я?

— Твой голос совпадает с образцом из файла данных, который запросил Джеймс Блэквуд 9 июля 2019 года в 15:12.

Девятого июля я встретила с Джеймсом в кафе Blanc.

Что касается времени, то 15:12 — это на военном языке двенадцать минут после трех часов дня. Я не знаю, который был час, когда я впервые его заметила. Он запросил файл с данными после того, как я вышла из кафе... или до?

О, Боже. Он уже знал обо мне до того, как я пришла? Он знал мое лицо? Он ждал меня?

Его *послали* за мной?

Это поэтому у него столько оружия?

Мой разум начинает обдираться по краям, словно распускающийся кусок ткани. Хрупкая нить быстро разматывается с катушки. — Что еще есть в файле данных?

Я сижу и слушаю в растущем шоке, как телефон читает подробную биографию обо мне, включая вещи, которых нет на моей странице в Википедии. Место рождения, город, где я выросла, имена родителей, имена братьев и сестер, образование, род занятий, названия романов и даты их публикации, хобби, волонтерская работа, любимые блюда, аллергии, список текущих лекарств, даты женитьбы и развода и десятки других подробностей.

И последнее, но не менее важное — дети.

— Эмерсон Луна Риджвелл, единственный ребенок, родилась 10 сентября 2012 года. Умерла восьмого апреля 2017 года. Причина смерти: катастрофическое повреждение сердца от проникающего огнестрельного ранения, полученного на политическом митинге под открытым небом в Вашингтоне, организованном ее отцом, в то время конгрессменом от Нью-Йорка. Выстрелы в толпу были произведены из автомобиля, мчавшегося на большой скорости, попав в Эмерсон, единственную жертву.

Электронный голос делает паузу. — Целью убийцы был конгрессмен Риджвелл.

Мое дыхание со свистом вырывается из легких, будто меня ударили ногой в живот.

Я с ужасом бросаю телефон и хлопаю ладонями над ртом, отступая назад, пока не упрусь в стену. Стою, дрожа, пока не подкашиваются колени, а потом сползаю на пол, слепая и глухая ко всему, утопая в ужасных воспоминаниях.

Самое свежее из них — всего несколько часов назад, когда Крис рыдал в уборной кафе и говорил мне, что пуля, убившая нашу дочь, предназначалась для кого-то другого.

Думаю, и этот телефон, и мой бывший муж знают, что пуля предназначалась ему.

Еще один момент, когда один плюс один равняется двум: Джеймс тоже знает.

И если Джеймс и Крис встречались раньше, как я и подозревала, ничего из того, что они мне сказали, не было правдой.

Через некоторое время я все еще сижу у стены, глубоко шокированная, когда Джеймс врывается в дверь гостиничного номера.

Он останавливается в коридоре, его горящие голубые глаза уставились в меня. Он прекрасный и страшный, мстительный бог, одетый во все черное, с пистолетом размером с терминатора в руке.

Дверь закрывается за ним с грохотом, который кажется окончательным, как крышка, закрывающаяся над склепом.

Переполненная адреналином и чистым ужасом, я вскакиваю на ноги и хватаю ближайший тяжелый предмет: торшер. С криком я бросаю его, как копьё, прямо в него.

Увы, с метанием копья у меня так же скверно, как и с любыми другими спортивными достижениями, потому что лампа с глухим стуком падает на ковер между нами. Абажур отскакивает и откатывается в сторону. Джеймс смотрит на лампу, потом на меня.

Я никогда не видела, чтобы глаза светились таким нечестивым синим оттенком.

Я подбегаю к маленькому столику возле тумбы с телевизором и вырываю телефон прямо из стены. Я швыряю его в него тоже, с чуть лучшим результатом: трубка задевает его руку, когда он отбрасывает ее.

За телефоном летят толстенные меню обслуживания номеров и подшивка с перечнем гостиничных удобств. Один пролетает мимо него за милю, другой заставляет его пригнуться. После того, как оба лежат на полу, он говорит: — Тебе надо успокоиться.

Его голос ровный, но выражение лица могло бы вселить страх в сердце самого дьявола.

Это значит, что я, видимо, потеряла рассудок раз и навсегда, потому что я кричу на него, как баньши.

— *А тебе нужно идти на хрен!*

Раздувая ноздри, он говорит очень тихо: — Оливия.

Это звучит как угроза. Я реагирую так же, как реагировала на угрозы с тех пор, как он вошел, и снова начинаю бросаться вещами.

— Как ты меня нашел? — кричу я, швыряя настольную лампу в его сторону. Она врезается в кресло вместо того, чтобы разбить ему лицо.

— В телефоне, который я тебе дал, есть GPS.

Блядь. Я ненавижу его тупой говорящий телефон, палящий жаром тысячи солнц. — Отойди от меня! Я закричу!

— Ты уже кричишь, — терпеливо говорит он. — И я не собираюсь делать тебе больно, поэтому, пожалуйста, *успокойся*.

Не знаю, как вы, но когда меня просят успокоиться, это имеет прямо противоположный эффект. Истерика впрыскивается в мою кровь, как укол героина. Сжимая руки в кулаки, я издаю крик библейских масштабов, хуже моровой язвы, посланной самим Богом.

Единственное, что он делает, это заставляет Джеймса выглядеть так, будто у него несварение желудка.

Он поднимает руку. — Я понимаю, что ты расстроена, но позволь мне объяснить.

Я начинаю лепетать, упираясь спиной в стол и ковыляя к балконным окнам, словно бешеный краб. — Да, да, пожалуйста, объясни, откуда ты знаешь моего бывшего, и почему ты лжец, и почему у тебя миллиард единиц оружия, и почему ты наставил один из них *на меня!*

— Я не наставил его на тебя, милая. Я просто держу его, а это совсем другое дело.

По его тону я понимаю, что испытываю его терпение. *Я испытываю его терпение!* — Не смей называть меня милой! Убирайся! Оставь меня в покое! Ненавижу тебя! — Я кричу в дверь. — Помогите! Кто-нибудь, пожалуйста, помогите мне!

Он вздрагивает. — Не говори, что ненавидишь меня. Я бы не смог вынести, если бы ты меня возненавидела.

Задыхаясь и почти теряя сознание от истерики, я смотрю на него какое-то мгновение, думая, что, возможно, мы оба сошли с ума.

Затем хватаю вазу с цветами с тумбочки и швыряю ее через всю комнату.

Он легко уклоняется, потом вздыхает, когда она разбивается о стену позади него и разлетается на миллион осколков. — Я вижу, что ты не собираешься быть благоразумной насчет этого.

Он делает шаг вперед. Я прижимаюсь к раздвижной стеклянной балконной двери.

— Стой, где стоишь! Я скорее выброшусь с балкона, чем позволю тебе прикоснуться ко мне!

Чтобы доказать свою правоту, я пытаюсь потянуть раздвижную дверь, но обнаруживаю, что она заперта. Я царапаю замок и снова дергаю дверь, но она упорно остается закрытой.

Джеймс деловым голосом сообщает мне: — На рельсе внизу есть замок.

Я поворачиваюсь и смотрю на него. Он пожимает плечами. — Просто говорю.

Этот. Долбаный. Нахал.

Я подхватываю деревянный столик, на котором стояла ваза с цветами, и тыкаю в него. И что он делает? Сукин сын *закатывает глаза!*

— Ради Бога, женщина, ты же знаешь, что я тебя не обижу.

— Чувства *не* взаимны! И перестань называть меня женщиной!

Я дико оглядываюсь в поисках другого тяжелого предмета, чтобы бросить в него после того, как я ударила его столом, когда что-то на большой скорости пронесется мимо моей головы и с громким треском пронзает дверь внутреннего дворика. Звук сопровождается треском стекла, которое разбивается, словно лед под ногами.

Стекло держится какое — то мгновение, а потом дверь падает на пол с оглушительным грохотом, от которого звенит в ушах.

Затем все переходит в замедленную съемку.

Джеймс бросается на меня, валит на ковер. Он перекачивается на моем теле, подпирается локтями и направляет пистолет на дверь отеля. Он выстреливает несколько раз подряд. На конце пистолета глушитель, который спасает мои барабанные перепонки от разрушения, поэтому я слышу тяжелый *стук*, который следует за выстрелами.

На клеточном уровне я понимаю, что это звук падения тела на пол.

Мой крик становится саундтреком к очередному выстрелу, но на этот раз стреляет не Джеймс. Он снова и снова перекачивается нас на ковре от балкона к кровати. Как только мы оказываемся между ним и стеной, он выскакивает и делает три выстрела в сторону входа, используя матрас, чтобы удерживать локти. Затем он опускается назад, чтобы обратиться ко мне.

— Я люблю тебя, — говорит он. — Нам надо пожениться.

Пули свистят над нашими головами и вонзаются в стену позади нас, разбрызгивая куски штукатурки. Едкий запах пороха обжигает мне нос. Я разинула рот, затыкая уши руками.

— Ты, наверное, думаешь, что это немного поспешно, но когда ты знаешь, то знаешь. Мы поговорим об этом позже. А пока подумай, где бы ты хотела провести медовый месяц.

Просто мои пять копеек, но я всегда считал Бора-Бора невероятно романтичным. Там есть отличный отель Four Seasons, в котором я останавливался. Но если тебе не нравится пляжный отдых, я открыт для предложений.

Он вскакивает на колени и снова начинает стрелять. Тот, кто пытается убить его — нас? — стреляет в ответ. Между выстрелами я слышу отдаленный вой сирен.

Я искренне жалею, что не выпила больше тех крошечных бутылочек ликера из минибара.

Джеймс вскакивает на ноги, хватая меня за запястья и поднимает, чтобы я могла стоять.

Комната затянута дымом. Дверь гостиничного номера испещрена пулевыми отверстиями и свисает с петель. Окровавленные тела четырех крупных мужчин в тактическом снаряжении валяются на полу в коридоре.

Мой крик застревает в горле и отказывается появиться на свет.

Я шатаюсь в сторону, собираясь сползти обратно на пол, но Джеймс хватая меня за талию.

— Ух ты! Эй. Посмотри на меня.

Когда я отрываю свой взгляд от трупов и перевожу его на него, он улыбается мне. — Ты молодец. — Он крепко целует меня в губы. — Но нам надо идти. Просто держись за мою руку и не отпускай. Хорошо?

Глубоко шокированная, я киваю, планируя сбежать от него и найти полицейский участок при первой же возможности.

Джеймс выводит меня за руку из разрушенного гостиничного номера, останавливаясь лишь для того, чтобы перекинуть мою сумочку через плечо и схватить чемодан, прежде чем мы уйдем.

Часть III

□□□□ □□□□ □□□□

...все истории, если их продолжать достаточно долго, заканчиваются смертью, и он не рассказчик правдивых историй, чтобы скрывать это от вас.

Эрнест Хемингуэй

Короткое путешествие на автомобиле приводит нас на ферму в сельской местности, где мы садимся на двухмоторный самолет, которым ловко управляет Джеймс. Потому что привет, Дороти, мы уже не в Канзасе. Этот парень точно не обычный художник.

Если он *вообще* художник. Возможно, это просто прикрытие для того, кто он есть на самом деле. Убийца/стрелок/горячий психопат.

А я думала, что он чувствительный. Хочется дать себе по морде.

Примерно через час полета, за который мы не обменялись ни одним словом, он приземляется на еще одной крошечной полоске бетона в другом сельском поле. Его ждет гладкий черный Mercedes, потому что горячие психопаты не ездят на Volkswagen.

Мы едем в еще большей тишине. Он, наверное, думает, что я обдумываю все возможные места нашего медового месяца, бредовый урод.

На самом деле мне интересно, что мешает мне наброситься на него и вырвать его красивые голубые глаза прямо из глазниц.

Любопытство заслуживает определенных баллов. Честно говоря, мне не *терпится* услышать, что он скажет в свою защиту. Я сомневаюсь, что даже мое собственное грандиозное воображение может конкурировать с тем, что у него в руках.

Возможно, я смогу использовать это в романе.

Чистое неверие также участвует в гонке. Мои инстинкты самосохранения и бегства были брошены в кухонный комбайн и измельчены. Я не знаю, что из этого получится.

А еще есть тот идиотский импульс, который заставляет меня спасать больных котят и страусов-беглецов. Этот нежный, сердечный, сентиментальный импульс, который я хотела бы вырезать из своего сердца лезвием бритвы.

В отличие от Джеймса, я не могу выключить свои эмоции одним щелчком выключателя.

Мне все еще нравится этот придурок.

Он мне очень нравится.

Ладно, даже больше, чем очень, но мы уже выяснили, что он психопат, так что я не буду об этом.

Нет, решаю я, скрепя сердце, настоящая причина, почему я еще не выколола ему глаза, заключается в том, что мне нужно знать, что он знает о том, что случилось с моей дочерью. Тогда я уберусь отсюда.

Куда бы то ни было.

Глядя прямо перед собой, я спрашиваю его, куда мы едем.

— Домой.

Его голос мягкий и теплый. Я оглядываюсь и вижу, что он смотрит в ветровое стекло, его руки расслабленно лежат на руле. Закатное солнце бросает золотистый блеск на его красивое лицо, делая его похожим на ангела.

Он улыбается.

— Где мы?

— На юго-востоке Франции. Вблизи деревни Соль, в Воклюзе. — Он встречается с моим пустым взглядом, и его улыбка становится теплее. — Прованс, дорогая. Мы в Провансе.

Мы поднимаемся на невысокий холм, и я затаила дыхание от прекрасного вида, раскинувшегося передо мной.

Средневековая деревня, расположенная на хребте, с одной стороны окруженная лесом, а с другой — холмистой долиной, отсвечивает теплой охрой в закатных лучах солнца. Его черепичные крыши вымыты багрянцем. Звонкий церковный шпиль вздымается высоко в голубое небо.

Словно картина старого мастера, пышная долина манит взгляд к далекому горизонту с захватывающим видом на милю за милей лавандовых полей, светящихся в сумерках глубоким фиолетовым и синим цветом. Их прямые линии пересекают пологий взлет и падение земли, сколько хватает глаз, ряд за рядом сочных цветов и яркой жизни, время от времени прерываемой оливковым деревом, раскинувшим свои корявые серебристые ветви над буйной фиалковой армией цветов, расцветающей внизу.

Это праздник для глаз. Мое зрение насыщается цветом. Все такое живое и яркое.

Потом Джеймс опускает окна, и я вдыхаю аромат рая.

Сладкий и сумеречный, тонкий и выразительный, пьянящий аромат лавандовых полей переполняет мои ощущения. Глубоко вдыхая, я закрываю глаза и просто позволяю ему окружить меня, самому красивому, расслабляющему облаку.

Джеймс шепчет: — Существует поле, за пределами всех понятий добра и зла. Я встречу тебя там.

Когда я открываю глаза, он нежно смотрит на меня. — Это не мои сценаристы. Это поэт Руми. Ты его знаешь?

— Я видела, как ты сегодня убил трех человек. Не смей цитировать древнеперсидских мистиков.

Он улыбается. — Четыре.

— Прости?

— Я убил четырех человек в отеле. И я должен был знать, что ты узнаешь Руми. Ты одна из самых умных, кого я знаю.

Смеясь над моим выражением лица, он протягивает руку и сжимает мое бедро.

— Я знаю, что у тебя есть вопросы, и ты сейчас очень злишься на меня, но должен тебе сказать, что я, честно говоря, никогда в жизни не чувствовал себя таким счастливым.

Я говорю: — Ты психопат.

— Нет.

Мой голос повышается. — Не хочу тебя расстраивать, приятель, но нормальный человек, который недавно убил четырех других людей, не чувствовал бы себя так бодро.

Он пожимает плечами. — Значит, я не нормальный. Но это не значит, что я психопат.

— Ладно. Ты серийный убийца.

Он имеет наглость выглядеть оскорбленным. — Теперь ты просто злая.

Когда я слишком долго молчу, вглядываясь в его профиль, он вздыхает. — Это просто моя работа, Оливия. Я очень хорошо ее выполняю, но это всего лишь работа. Это то, чем я зарабатываю на жизнь.

Он убивает людей, чтобы заработать на жизнь. Я знаю, что это не морская болезнь, из-за которой желчь поднимается к горлу.

С глубоким ощущением, что я провалилась сквозь трещину во вселенной и сейчас нахожусь в другом, неизвестном измерении, я говорю сдавленным голосом: — Ты... убийца?

Он морщит нос. — Я предпочитаю термин — инженер по борьбе с вредителями.

Я смотрю на него. Через мгновение я опускаю голову на руки и стону.

Джеймс начинает объяснять ситуацию, которая, очевидно, по его мнению, сделает все рациональным и приемлемым для меня, о чем свидетельствует его уверенный, бесстрастный тон.

— Я работаю фрилансером для правительств, международных корпораций и состоятельных частных лиц, которые нуждаются в, как я это называю, борьбе с вредителями. Я очень придирчиво отношусь к заказам, за которые берусь, и у меня есть несколько железных правил. Первое — никаких женщин и детей.

Я бормочу в ладони: — Такой герой.

Он игнорирует мой язвительный сарказм. — Второе — мишень должна быть мешком с дерьмом.

Я поднимаю голову и прищуриваюсь на него. — Не могу поверить, что я собираюсь спросить тебя об этом, но что, черт возьми, это должно означать?

— Я не берусь за работу, где мотивом является только жадность, ненависть или месть. Есть много других людей на моей работе, которых не интересуют причины, почему кто-то может желать смерти другому человеку — их интересует только зарплата. Но не меня. Я должен знать, что цель — это тот, кто причинил много боли и страданий другим людям, и без кого мир был бы лучше.

Я тщательно изучаю прошлое метки.

Он смотрит на меня. Его глаза темные. — Другими словами, если я появлюсь у твоей двери, ты этого заслуживаешь.

Я не могу закрыть рот. Я пытаюсь и пытаюсь, но моя нижняя челюсть просто бесполезно висит открытой.

— Третье и последнее правило, — продолжает он, — мне дают фотографии с похорон метки.

Мне удастся заставить мой рот работать, чтобы сформировать единственное, испуганное слово. — *Зачем?*

Черeda странных эмоций пересекает его лицо. Отвращение переходит в жалость, которая превращается в нечто похожее на сожаление. Его голос понижается на октаву. — Чтобы я мог видеть выражение лица его семьи. Даже у самой грязной собаки есть кто-то, кто ее любит.

Я рада, что в моем желудке ничего не осталось. Я говорю с презрением: — Это самая болезненная, самая отвратительная вещь, которую я когда-либо слышала.

Он качает головой. — Ты не понимаешь. Фото не для того, чтобы я над ними злорадствовал. Они для того, чтобы я их рисовал.

Когда наши глаза встречаются и я вижу в них страдание, я все понимаю. — Твоя коллекция. Те портреты в "Перспективах скорби".

Он медленно кивает. — Я не монстр, Оливия. Я знаю разницу между добром и злом. Каким бы благородным я ни пытался быть в своих первых двух правилах, я осознаю, что то, что я делаю, является аморальным. Поэтому рисовать горе людей, пострадавших от моих действий, — это мой маленький способ раскаяния.

— Возможно, это бесполезно, — он смеется, издавая низкий, полный ненависти к себе звук, — нет, это *определенно* бесполезно, но это мой маленький способ искупить вину. Все средства от продажи моих работ идут в благотворительные организации, которые помогают жертвам насилия.

— Так ты убийца с совестью, — горько говорю я. — Поздравляю. А еще ты патологический лжец...

— Я никогда тебе не врал, — вмешивается он, его голос становится жестким.

— Я бы посмеялась над этим, если бы мне не было так плохо, — отвечаю я, отворачиваясь и глядя в окно в пурпурно-синие сумерки.

Его голос становится настойчивым. — Назови хоть одну вещь, о которой я тебе солгал.

— О том, что ты художник!

— Я и *есть* художник. Просто это не единственное, чем я являюсь.

Я бормочу: — О, пожалуйста.

— О чем еще, по-твоему, я врал?

Когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, он наклонился ко мне, глядя на меня со вздернутыми бровями и обеспокоенным взглядом в глазах. Разъяренная, я развожу руками. — Обо всем!

— Например?

Меня охватывает гнев, мое лицо становится горячим, а руки дрожат. — Например, то, что ты знал, кем я была до того, как мы встретились.

— Нет, не знал.

— Твой телефон сказал мне другое!

Он сжимает руль так, будто собирается его вырвать. Сжав челюсти, он говорит:

— Когда я увидел тебя в кафе, я не имел никакого представления, кто ты такая. Все, что я знал, это то, что ты красивая, и я хотел познакомиться с тобой. Мне *нужно* было с тобой познакомиться. Меня тянуло к тебе так, как никогда раньше не тянуло к женщине. Так что после того, как я сел за твой столик и ты ушла от меня, я провел небольшое исследование.

— Чушь собачья. Ты нацелился на меня. Я просто пытаюсь выяснить, почему. Ты один из тех людей, о которых предупреждал Крис, безжалостных, которые хотят использовать меня против него?

Сделав паузу, чтобы лучше взять себя в руки, он мрачно сказал: — Это судьба свела нас вместе, Оливия. Ничто другое. Я снимал квартиру в этом доме *годами*, еще до того, как ты приехала сюда. Твоя подруга Эстель могла бы иметь квартиру в любом из тысяч других мест в городе, но у нее была квартира в моем доме. Судьба свела нас в кафе, а потом на вечеринке. Нам суждено было встретиться.

Все эти разговоры о судьбе и предназначении раздражают меня. Я складываю руки на груди и посылаю ему вызывающий взгляд. — Думаю, дальше ты скажешь, что никогда не встречал Криса до той ночи в моей квартире.

— Я *не* встречался с ним. — Он делает паузу. — Лично.

— Я так и знала!

Невероятно, но он разочарован моей вспышкой. Его голос становится громче. — Я знал о нем. Он знал обо мне. Мы никогда не встречались.

Когда я делаю нетерпеливое движение рукой, чтобы он продолжал, он продолжает. Осторожно. — Твой бывший муж...

— Просто выплюнь это. Это не может быть хуже, чем то, с чем мне уже пришлось иметь дело сегодня.

Его выражение лица говорит мне, что я могу быть удивлена.

Я предупреждаю: — Скажи мне прямо сейчас, или я выхвачу руль и отправлю нас в ту канаву.

— Ладно. — Он затаил дыхание. — Твой бывший муж — международный торговец оружием.

Проходит четверть мили извилистой сельской дороги, прежде чем я снова говорю. — На самом деле он посол США в ООН.

— Да, — соглашается он, кивая. — И он международный торговец оружием. Он использует свое политическое положение, чтобы облегчить свою торговлю. Ты думаешь, это совпадение, что он проводит так много времени на Ближнем Востоке, будучи послом в ООН? С таким же успехом он мог бы быть послом в Омане.

Я едва слышно протестую: — Это смешно, — но мой мозг роится от воспоминаний.

Крис тихо разговаривает по телефону посреди ночи, встает, чтобы закрыть дверь своего кабинета, когда я зову его в постель.

Крис встречается дома с остроглазыми мужчинами в черных костюмах и оправдывается, что избегает прессы, когда я спрашиваю, почему они не встречаются с ним в офисе.

Крис получает документы домой через курьера, которые он никогда не открывал в моем присутствии.

Крис учится говорить по-арабски, хотя это не было требованием его работы, и он никогда не проявлял интереса к арабской культуре.

Крис выучил элементарный турецкий... и русский... и чешский.

Крис никогда, никогда не говорил о своей работе, хотя она его поглощала.

Странное поведение Криса в кафе и его предупреждение, что он не может обеспечить мне безопасность в Европе, что у него есть влиятельные враги, и что если я не сяду на самолет до Нью-Йорка в течение двадцати четырех часов, он пошлет кого-то, чтобы это произошло.

Бессильный гнев Криса, когда Джеймс сказал ему: — Думаю, мы оба знаем, что со мной она в большей безопасности, чем с тобой.

Единственная причина, по которой мне было бы безопаснее с наемным убийцей, чем с бывшим мужем, — это если мой бывший муж является чем-то гораздо хуже.

Я с ужасом смотрю на точеный профиль Джеймса. — Откуда вы двое знаете друг друга?

— Не так много людей моего уровня занимаются тем, чем я занимаюсь. А твой бывший предлагал мне контракты, которые я рассматривал, но в итоге отклонил.

Ощущение тошноты усиливается, я прикрываю рот рукой.

Крис нанимал убийц. Что, косвенно, делает *его* убийцей.

Затем, с ощущением, что мое понимание — это луковица со слоями, которые быстро счищаются один за другим, я шепчу: — Ты знаешь, что случилось с моей дочерью, не так ли?

Он мрачно кивает. — Да. Мне очень жаль. И я знаю, что это не слишком утешит, но я его убью.

В ушах звенит пронзительный шум. Я начинаю дрожать. — Кристофера?

— Нет. — Джеймс поворачивает голову и встречается с моим взглядом. — Человека, который стрелял в толпу.

На мгновение мои легкие замирают. Я не могу дышать.

Джеймс знает, кто убил Эмми.

Мое тело разливается жаром. Меня покрывает холодный пот, а дрожь усиливается. Мой голос становится хриплым. — Остановись!

Джеймс смотрит на меня с большим вниманием. — Почему?

— Потому что если ты этого не сделаешь, меня вырвет на всю твою приборную панель.

Он быстро направляет машину на обочину. Он не успевает заглушить двигатель, прежде чем я открываю дверцу, выгибаюсь и неистово блюю в лавандовые сумерки.

Только когда утихают последние толчки, я начинаю плакать.

Прошел целый день, прежде чем я снова заговорила. День, который я провела, погруженная в размышления, бесцельно блуждая по лавандовым полям, окружающим красивый, многовековой, каменный загородный особняк Джеймса кремового цвета.

Низкое жужжание тысяч пчел-тружениц, собирающих щедрый нектар с душистых фиолетовых цветов, убаюкивает меня. Я прогуливаюсь между ровными линиями цветущих кустов, обхватив себя руками, чтобы унять периодический озноб, вызванный темной работой моего ума. Мой интеллект пытается приспособиться к этой новой реальности, но он постоянно спотыкается и падает.

Я вышла замуж за мужчину, который использует свое влиятельное положение для тайной продажи оружия. Я завела любовника, который убивает людей за деньги. И я ничего не заподозрила ни в одном из них.

Возможно, я хуже всех разбираюсь в людях из всех, кто когда-либо в жизни.

Помимо очевидных чувств глупости, предательства, отвращения, гнева, депрессии и вины, есть еще одна коварная эмоция, с которой я борюсь, и которая отнимает у меня больше всего времени, чтобы ее принять. Я отгоняю ее, когда прохожу по длинным волнистым рядам ярких фиалок, слушая успокаивающий хруст гравия под ногами и вдыхая тонкие, душистые облака, наполняющие воздух.

Мечь горькая и жгучая внутри меня. Ядовитая змея вонзила свои клыки глубоко в мое нутро.

Я не хочу признавать, что я из тех людей, которые верят в око за око в библейском понимании. Справедливость — это одно, а чистая жажда крови — совсем другое. Я образованная женщина, а не какая-то средневековая крестьянка, которая кричит, чтобы обвиненная городская ведьма сгорела.

Трудно смотреть в лицо собственной дикости. Но когда над лавандовыми полями снова спускаются сумерки, я наконец принимаю правду.

Я не только хочу, чтобы Джеймс убил человека, который застрелил мою дочь, я хочу, чтобы он убил этого сукиного сына самым медленным, самым ужасным и самым болезненным способом, который только возможен.

Я хочу, чтобы он страдал.

Я знаю, что это не вернет Эмми. Конечно, не вернет. Ничто не сможет. Но боль, которую я ношу в себе с момента ее смерти, — это живой, дышащий зверь внутри меня, и я до сих пор не понимала, как боль может в одно мгновение сбить тебя с ног, а в следующее — отрастить новые свирепые когти и зубы.

Глядя на изящный каменный особняк на фоне вековых сосен, который Джеймс называет своим домом, я думаю, как я смогу оправиться от этого. Как я смогу продолжать переступать с ноги на ногу в этом мире, когда все, что я думала, что знаю о жизни — и о себе — оказалось ложным?

Сапсан лениво наматывает круги в синей чаше неба над головой, которое становится все глубже и глубже. Я слежу за его полетом, любясь элегантным размахом крыльев, чувствуя его пронзительный крик в одиноком уголке моего сердца. Когда он резко берет курс и ныряет, словно ракета, между двумя густыми рядами лаванды, а через мгновение появляется, чтобы снова подняться в небо с маленьким, извилистым свертком, зажатым в

когтях, это кажется мне знамением.

Меня охватывает мрачное ощущение цели.

Я решу, что буду делать с Джеймсом, Кристофером и остальной частью моей разрушенной жизни, как только моя жажда мести утихнет.

Дороти, ты действительно далеко от дома.

Чувствуя странное спокойствие после этого решения, я медленно возвращаюсь в дом. Мои волосы и одежда пропитаны сладким ароматом лавандовых полей. Мелкая бледно-серая пыль прилипает к моим ботинкам. Я разуваюсь у входной двери, а затем босиком ступаю по прохладной, гладкой брусчатке к месту, где, я знаю, меня будет ждать Джеймс.

Когда я захожу в библиотеку, он поднимает глаза от книги. Наши глаза встречаются. То, что он видит в моих, заставляет его закрыть книгу и отложить ее в сторону.

Я могу прочесть название со своего места: "Праздник, который всегда с тобой".

Опять Хемингуэй. Я начинаю чувствовать тему.

Джеймс спрашивает: — Ты вообще спала?

— Достаточно.

Мы смотрим друг на друга через комнату. Одетый в темно-синий свитер и джинсы, которые так поношены, что выцвели почти до белого, он сидит босой, скрестив одну длинную ногу на другой, в побитом коричневом кожаном кресле. Напротив него стоит такой же диван. Между ними — деревянный журнальный столик, на котором стоит хрустальный графин, наполненный янтарной жидкостью, и два стакана на квадратном серебряном подносе.

Он занес меня в дом прошлой ночью, поскольку я не могла самостоятельно идти, когда мы приехали. Шок имеет свойство нарушать нормальную работу организма. Он положил меня в кровать полностью одетой, кроме обуви, накрыл одеялом и поцеловал в лоб перед тем, как выключить свет.

Он знал, что я не сбегу, не позвоню в полицию, не сделаю ничего из миллиона других вещей, которые я могла бы сделать. Думаю, таким же образом он, кажется, знает обо мне все остальное. Все мои тайные потребности и желания, все сокровенные мысли в моей голове.

Я говорю: — Я бы хотела поговорить.

Наклонив голову, он жестом показывает на диван напротив. — Конечно.

Когда я сажусь, примостившись на краешке, он спрашивает: — Виски?

Его тон вежливый. Лицо изысканное. Его свитер сделан из лучшего кашемира. Убийца с прекрасными манерами, красивым лицом и великолепным домом во французской сельской местности, который поклоняется моему телу, как религиозный фанатик, и собирается сделать для меня то, что не смог сделать никто другой. Ужасную вещь, которую необходимо сделать, если я хочу когда-нибудь выползти из этой адской ямы, в которой я живу последние два года.

Мой темный рыцарь в черных, окровавленных доспехах, поднявший свой меч ради меня. Он не мог бы быть более совершенным, даже если бы я создала его во сне.

— Виски было бы неплохо, спасибо.

Он наливает мне, делает паузу, чтобы взглянуть на мое лицо, затем наливает еще. Он передает мне стакан через стол, затем садится обратно в кресло и ждет, когда я начну.

Я потягиваю виски, смакуя его дымчатый привкус. Потом поднимаю глаза и смотрю на него.

— Этот человек, по твоим словам, сделал выстрел, который убил мою дочь. Откуда ты

знаешь, что это он?

— Он своего рода коллега.

Моя верхняя губа кривится, как у волка.

— Нет-нет, не так, — быстро говорит Джеймс, наклоняясь вперед, чтобы положить локти на колени. Его тон низкий и настойчивый. — Мы не работаем вместе. Я ни с кем не работаю. Но, как я уже говорил, есть только несколько человек, которые делают то, что делаю я, на моем уровне. Это небольшая, элитная группа, и все знают, кто есть кто. И если кто-то облагается, все это тоже знают.

Он делает паузу, чтобы оценить мое выражение лица.

— Продолжай.

— Пуля, которая попала в твою дочь, предназначалась для твоего бывшего.

Значит, телефон сказал правду. — Зачем кому-то убивать Криса?

— Сделка, которую он заключал, сорвалась. Химическое оружие должно было быть передано от одной группы к другой...

— Каким группам?

Джеймс делает паузу. — Имеет ли значение, если я скажу, что США Израилю? Или Россия Китаю? Или повстанческие группировки борцам за свободу в любой стране? По всему миру, каждый день, люди пытаются убить друг друга из-за различных идеологий. Религиозные, политические или другие. Меняются названия, меняются методы массового уничтожения, но цель остается неизменной: смерть.

Покрутив виски в своем стакане, я рассеянно говорю: — Нет, цель — власть. Смерть — лишь средство для достижения цели.

Через мгновение он отвечает. — И на этих средствах специализируется твой бывший муж.

— Как и ты. Видимо, у меня такой типаж.

Услышав мой сухой тон, он хмурится. — Между тем, чем я занимаюсь, и массовыми убийствами — миллион миль.

Откинувшись на удобные подушки дивана, я закидываю ноги на журнальный столик и делаю еще один глоток виски, мое странное ощущение спокойствия усиливается. — Это лишь вопрос меры, Джеймс. Ты можешь приукрашивать это как угодно, но ты убийца, такой же, как и он.

— Не такой, как он, — возражает он, его голос твердый. — Я никогда не буду таким, как он. Ему безразлично, кому он причиняет боль. Мужчинам, женщинам, детям, старикам, животным, кому угодно. Он продает оружие, которое уничтожает все, к чему прикасается, и делает это, не задумываясь о последствиях.

— И что ты думаешь, ты делаешь? Вырезаешь стадо? Отделяешь зерна от плевел? Служишь обществу?

На его полных губах играет едва заметная улыбка. — Одним словом... да.

— Приятно видеть человека, который гордится своей работой. Давай вернемся к тому, почему Крис был мишенью.

После еще одной паузы, чтобы изучить мое выражение лица, он возвращается к делу. — Проще говоря, он стал жадным. Поставка задержалась, люди, которые ее ожидали, начали нервничать, и Крис решил, что это возможность заработать больше денег. Он сказал своим клиентам, что сделка не состоится, если они не внесут больше денег — на взятки таможенникам, чтобы ускорить процесс, или так он сказал, — но они узнали, что он делает,

и им не понравилось, что их шантажировали.

— Они заказали убийство, чтобы сделать из него пример. Только киллер, которого они наняли, оказался небрежным.

— Небрежный, — повторяю я, требуя больше.

Джеймс беспокойно регулирует свой вес в кресле, скрещивая ноги и вздыхая.

— Метко стрелять из движущегося автомобиля чрезвычайно сложно даже при самых лучших обстоятельствах, но пытаться сделать это, когда мишень окружена толпой, просто глупо. Согласно профессиональному протоколу, нападающий должен был бы спрятаться в здании через дорогу и прицелиться с возвышенного, скрытого места с легким выходом. Но по неизвестной причине он решил поиграть в ковбоя и устроить беспорядок.

— Это была полная самодеятельность. Полная, блядь, катастрофа. Это чудо, что номер машины не попал на камеру. Единственная причина, почему этот идиот сейчас не в федеральной тюрьме — это чистое везение.

Везение. Это не то слово, которое я бы использовала, чтобы описать ситуацию.

Вдруг я вернулась в тот момент, в головокружительную панику бегущей толпы. Я стояла в шоке на коленях на холодной земле над неподвижным, молчаливым телом моей девочки, прижимая ладони к маленькой дырочке между второй и третьей пуговицей ее любимого розового бархатного пальто, в то время как темно-красное пятно расцвело вокруг моих рук, как цветок.

Глаза Эмми были широко открыты, когда она умерла. Они были ореховыми, как у ее отца. Великолепные, глубокие зелено-коричневые с золотистыми вкраплениями.

Я закрываю глаза и откидываю голову на спинку дивана, переполненная ужасными воспоминаниями, но почему-то более спокойная, чем когда-либо за последние годы. Возможно, это эффект лавандовых полей, которые успокаивают мой разум и нервы своим знаменитым головокружительным ароматом.

Или, возможно, я больше не контролирую свой разум.

Джеймс бормочет: — Мне жаль. Я не могу представить, как тебе, должно быть, трудно это слышать.

— Я хочу это услышать, — говорю я, закрыв глаза. — Мне нужно услышать все. Так будет лучше. По крайней мере, я больше не живу в темноте.

Через мгновение, когда единственным звуком, который я слышу, является далекий, нежный звон колокольчиков на шеях коз, пасущихся на полях на другой стороне долины, кое-что меняется в моей голове.

Я всегда любил тебя. Ты моя единственная слабость. Я готов заставить тебя ненавидеть меня, если это значит, что ты будешь в безопасности.

Это имеет ужасный смысл. Когда ты любишь кого-то, ты жертвуешь чем угодно, чтобы защитить его. Чем угодно... даже вашими отношениями.

Я открываю глаза и смотрю на Джеймса. — Крис думал, что развод со мной убережет меня от людей, которые хотели его смерти.

Он медленно кивает, его взгляд не отрывается от моего. — И он был прав.

— Те мужчины в отеле... кто они были?

Его прекрасные голубые глаза твердеют. — Не те мужчины, с которыми тебе бы понравилось проводить время, когда они перевозили бы тебя обратно в Штаты.

Значит, они были наемниками Криса. Наемники. Он выполнил свою угрозу. — Как они меня нашли? Портье зарегистрировал меня под вымышленным именем.

— Ты использовала кредитную карту?

Черт. Примечание для себя: в следующий раз, когда будешь спасать свою жизнь, используй наличные. — Зачем он их нанял, если не мог доверять им, что они будут хорошо со мной обращаться?

— Отчаянные времена требуют отчаянных мер.

— Я не понимаю.

Он на мгновение останавливается и смотрит на меня, выражение его лица не читается. — Теперь это не имеет значения. Они никогда не найдут тебя здесь. Никто никогда не найдет тебя здесь. Это единственное место на земле, где ты действительно в безопасности.

Я делаю еще один глоток виски, наблюдая за ним через край стакана. Когда я облизываю губы, он следит за движением моего языка горящими глазами. Я спокойно спрашиваю: — Я твоя пленница?

Его тон становится густым. — Только если ты этого хочешь.

— То есть я могу уйти отсюда прямо сейчас, и ты меня не остановишь?

— Да, конечно. Но ты не уйдешь.

Его уверенность вызывает вспышку раздражения в моем желудке. — Я могла бы.

Он издает тоненький, веселый смешок, затем встает со стула и подходит к окну. Сумерки раскрашивают его в палитру фиолетовых и золотых цветов. Глядя на лавандовые поля, он тихо говорит: — Ты могла бы... если бы не была влюблена в меня.

Он поворачивает голову и смотрит на меня. В его взгляде — вызов.

Когда я не отвечаю, он поворачивается ко мне, его острый взгляд не отрывается от меня. Потом он садится рядом со мной на диван, берет из моей руки стакан и ставит его на журнальный столик, а меня тянет к себе на колени.

Я не сопротивляюсь. Нет смысла отрицать, что я предпочитаю быть здесь, а не где-то еще, даже если он такой, какой он есть.

Убийца, каков он есть. Человек, который берет деньги за то, чтобы покончить с жизнью, а потом тешит себя тем, что рисует портреты и отдает вырученные деньги на благотворительность.

Я закрываю глаза и кладу голову ему на плечо. Его руки обнимают меня и крепко прижимают к себе. Я шепчу: — Это безумие.

— Это противоположность безумию. Это, — он сжимает меня, — единственное, что имеет какой-то смысл.

Слушая равномерный стук его сердца, я задаюсь вопросом, прав ли он. Неужели мир настолько сошел с ума, что в объятиях этого убийцы я в большей безопасности, чем где-либо или с кем-либо другим?

— Расскажи мне о той ночи, когда я застала вас с Крисом в своей квартире.

— Он не знал, кто я, когда открыл дверь, потому что никогда не видел моей фотографии, но я узнал его мгновенно.

— Ты говорил с ним обо мне?

— Я рассказал ему, кто я. Он предположил, что меня наняли, чтобы завершить работу, которую не смог сделать другой киллер. Когда он узнал, что это не так, ему не понадобилось много времени, чтобы понять, что на самом деле происходит. И он сошел с ума от этого.

Я помню, как разозлился Крис, когда спросил, трахаюсь ли я с Джеймсом.

Грусть пронзает мое сердце, как острие копья. Все эти годы я считала, что мой брак

распался из-за того, что мой муж не заботился обо мне достаточно.

Я подумала обо всей боли, которую я пережила, считая, что меня не любят, а правда была в том, что он настолько заботился обо мне, что ушел, а не остался из эгоистических соображений.

Он оставил меня, чтобы спасти мою жизнь.

Но ему не пришлось бы этого делать, если бы он не способствовал торговле химическим оружием от одних дикарей к другим. Если бы он этого не делал, ему не пришлось бы уходить.

И наша дочь была бы жива.

Какими бы хорошими ни были его мотивы покинуть меня, я никогда не смогу простить ему то, что случилось с Эмми. И все те ужасные решения, которые он принял и которые привели к этому.

После долгого времени, когда мы просто сидели молча, сумерки вокруг нас углублялись до мрака, а тени ползли все дальше и дальше вверх по стенам, Джеймс говорит: — Скажи мне, о чем ты думаешь.

— Мне просто интересно, как можно попасть на твою работу.

Его смех приятным басовитым грохотом проходит сквозь грудь. Я закрываю глаза, позволяя ему себя убаюкать. — Из-за длинной череды странных событий. Это началось, когда я был в армии. Очевидно, мои результаты тестов показали определенную моральную гибкость, которая заинтересовала правительство. Не буду утомлять тебя подробностями.

— Армия? Это было до школы искусств?

В его голосе появляется улыбка. — Я никогда не ходил в художественную школу. Это просто часть тщательно продуманной биографии на случай, если кто-то слишком внимательно посмотрит на то, кем я являюсь.

Я осознаю свою ошибку лишь несколько мгновений спустя: я никак не могла узнать о его липовом образовании в художественной школе, если бы не присмотрелась к нему слишком внимательно.

Он шепчет мне на ухо: — Я получаю сообщения каждый раз, когда кто-то исследует мое прошлое. Например, кто-то по имени Майк Хейнс, который работает в ФБР.

От страха за Майка и Келли все мое тело холодеет. — Это не его вина, — быстро говорю я. — Я попросила его сделать мне одолжение. Он муж моей лучшей подруги, и я лишь пыталась защитить себя...

— Все в порядке, — успокаивает он меня, приподнимая мою голову, подставляя пальцы под подбородок, так что мы смотрим друг другу в глаза. — Я знаю, почему ты это сделала, и им от меня ничего не угрожает. Они не узнали ничего такого, чего бы я не хотел, чтобы они знали.

Он делает короткую паузу, чтобы провести большим пальцем по моей нижней губе. — Что меня действительно интересует, так это то, почему ты решила продолжать встречаться со мной после того, как узнала, что в моей медицинской карточке.

Я уже собираюсь ответить ему правдиво, как вдруг чувствую, что пол ушел из-под ног. Потому что если его образование было фальсифицировано...

— Боже мой. Ты же не умираешь от амиотрофического склероза?

Он смеется. — Я здоров как лошадь. Но каждые пять лет или около того я убиваю себя.

Я смотрю на него, не понимая слов, которые он говорит.

— Чтобы сменить прикрытие, — объясняет он так, будто это обычное дело. — Это

обычная мера предосторожности в моей работе. Гораздо труднее выследить мертвого человека. Я меняю личности, как змея меняет кожу

Я не могу решить, злюсь ли я или чувствую облегчение. Мой мозг разводит руками, кажется, оставляя меня на произвол судьбы в этой мутной яме безумия, которая является моей жизнью.

Я поднимаюсь с колен Джеймса и стою, глядя вниз на его красивое лицо.

Затем я бью его по нему со всей силы.

Его голова откидывается в сторону, но он не двигается. Через мгновение он потирает челюсть. — Ауч.

Ужасно спокойная, я говорю: — Если ты еще раз соврешь мне, о чем угодно, неважно, насколько несущественно, это будет не единственный *ауч*, который я тебе сделаю. Понял?

— Понял. Подожди, это значит, что я должен сказать тебе свое настоящее имя?

Теперь я абсолютно уверена в эмоциях, пронизывающих меня, как лесной пожар. Это ярость, просто и ясно.

Я снова даю ему пощечину.

Когда он поднимает на меня глаза, его щека светится красным отпечатком моей руки, он улыбается. В его глазах появляется злой блеск. — Просто признай это, дорогая. Ты влюблена в меня.

— Если это любовь, то лучше бы у меня была дизентерия. По крайней мере тогда была бы веская причина для всего того дерьма, с которым я имею дело.

Он встает и обнимает меня. Его глаза горячие, а голос грубый, он говорит: — Ты обещала мне бесплатный проход. Я требую его.

Когда я просто смотрю на него с тонкими губами, он пытается подтолкнуть мою память. — Один бесплатный проход в страну Деликатных тем в обмен на то, что ты узнаешь о моей компетентности на воде. Помнишь?

Я недоверчиво качаю головой. — Мы уже так далеко за пределами Деликатной темы, что я даже не вижу береговой линии из воды.

Он настаивает: — Почему ты не ушла от меня, когда у тебя был шанс, Оливия? У тебя был идеальный выход. Мы поссорились. Я сказал, что если ты не позвонишь мне через два дня, я пойму. И тебе больше никогда не пришлось бы меня видеть. Все могло быть просто. Чисто. Считая, что я неизлечимо болен, считая, что наше время вместе будет ограничено либо концом твоего пребывания в Париже, либо концом моей жизни, почему ты продолжала встречаться со мной?

— Потому что я мазохистская дура.

— Попробуй еще раз, — шепчет он, проводя губами по моей челюсти, — И на этот раз скажи мне правду.

Мои руки лежат на его груди. Под моими ладонями его сердце бьется, как дикое.

— Тебе не кажется, что это немного иронично, что ты настаиваешь на правде?

— *Скажи мне.*

Я знаю, что он хочет от меня услышать. Я бы сказала, если бы была той женщиной, которой была всего двадцать четыре часа назад. Но сейчас мир перевернулся с ног на голову, и моим приоритетом больше не является ни моя личная жизнь, ни мое счастье, ни попытки сохранить хоть что-то, что могло бы напоминать психическое здоровье.

Все мои приоритеты сведены к голому желанию увидеть, как человек, убивший мою дочь, заплатит за содеянное.

Я отталкиваю Джеймса. Он позволяет это, опустив руки в стороны и молча глядя на меня. Его глаза полны настойчивости. Пульс на его шее колотится, как сумасшедший.

— Принеси мне голову этого ублюдка на тарелочке, — тихо говорю я. — Сделай это для меня, и я скажу тебе все, что ты хочешь.

Его улыбка темная и опасная. Он подходит ближе, берет мое лицо в руки и прижимает к моим губам нежный поцелуй. — Если я уйду сейчас, то смогу вернуться еще до восхода солнца.

— Вернуться?

— Из Германии, где он залег на дно. — Когда он видит шок на моем лице, маленькая улыбка Джеймса становится шире. — Я разыскал его с помощью нескольких моих коллег. Обычно мы не работаем вместе, но никто не хочет видеть этого детоубийцу живым.

Так что теперь я знаю правду о его таинственных поездках в Германию. Он ездил туда не для участия в клинических испытаниях... а чтобы найти крысу, которая пряталась в своем гнезде.

Если я еще не была влюблена в него, то теперь точно влюблена.

Мои эмоции, видимо, отражаются на моем лице, потому что в одно мгновение улыбка Джеймса исчезает, а его глаза начинают гореть.

Он подхватывает меня на руки и несет в спальню.

Этой ночью наши занятия любовью достигли отчаянного предела. Бешенство выпущенного на волю дикого зверя, которое утром оставляет мое тело болезненным и в синяках.

Мой разум — выцарапанный дочиста. Тыква, выдолбленная ножами, ждет свою хэллоуинскую свечу.

Джеймс ушел в темноте, прошептав прощальное слово, и поцеловал меня, когда я лежала голая под простыней, моя кожа все еще была мокрой от пота нашей страсти. После этого я не сомкнула глаз. Я просто слушала песню сверчков и одинокие голоса ночных птиц. Пьянящий аромат лавандовых полей проникал сквозь открытые окна, как самый успокаивающий бальзам.

Я сказала ему, что хочу пойти с ним на его смертельное задание, но его ответ был однозначным. Это было слишком опасно. Он не хотел рисковать. Но он *выполнил* другую мою просьбу.

Идея принести мне голову на тарелочке показалась ему приятно библейской.

Да, мы с ним отличная пара. Современные Саломея и Ирод, которые с радостью отрубают головы своим врагам. Мне следует начать искать компетентных семейных психологов, как только солнце выйдет из-за горных хребтов.

Но когда этот момент наступает, я уже не в постели. Я спешно одеваюсь, натягиваю джинсы и нетерпеливо дергаю футболку через голову, потому что слышу звук автомобиля, подъезжающего по длинной гравийной дорожке на улице. Горловое мурлыканье двигателя Mercedes не вызывает сомнений.

С сердцем, сжимающимся в груди, я босиком бегу через темный дом. Тяжелую деревянную входную дверь я открываю так, будто она ничего не весит. Затем, затаив дыхание, смотрю, как Джеймс паркует авто у невысокой каменной стены, окружающей круглую площадку для гольфа, и глушит двигатель.

Когда наши взгляды встречаются через лобовое стекло, мое сердце замирает в груди.

Фиолетовый синяк затмевает впадину под его левым глазом. Его нижняя губа разбита и распухла.

Он выходит из машины, закрывает водительскую дверь и идет к багажнику. Под ногами хрустит гравий. Багажник бесшумно поднимается нажатием кнопки. Затем Джеймс протягивает руку внутрь машины и достает кожаную сумку.

Она черная, закругленная с обоих концов, с двумя короткими изогнутыми ручками и молнией, проходящей между ними спереди назад. Ее можно носить через плечо, размером с большой кошелек. Это похоже на сумку, которую можно использовать для хранения шара для боулинга.

Джеймс закрывает багажник и поворачивается, чтобы посмотреть на меня. В сладковатом рассветном воздухе его голос разносится по подъездной дорожке. — Дорогая, я дома.

Он поднимает сумку, как трофей.

Я прижимаю дрожащие руки к своему колотящемуся сердцу.

Потом у меня подкашиваются ноги, и я падаю на пол на колени.

***

В конце концов, я не могла смотреть на то, что содержалось в сумке. Я сказала Джеймсу закопать ее где-то далеко в лавандовых полях, потом пошла в дом, приготовила кофе и омлет и стала ждать, когда он вернется.

Когда он вернулся, мы об этом не говорили. Мы больше никогда об этом не говорили.

Я осталась в Провансе до конца лета, сообщив Келли, что разорвала отношения с Джеймсом и нуждаюсь в смене обстановки, а Эстель — что Париж показался мне слишком переполненным и жарким. Я сказала, что вместо этого поехала в маленькую рыбацкую деревню на побережье, которая мне понравилась и куда я, возможно, захочу переехать.

Будучи хорошими подругами, они обе меня поддержали. Они не задавали много вопросов. Они просто хотели, чтобы я была счастлива, и могли сказать по моему голосу, что я была счастлива.

Джеймс договорился с Кристофером с помощью одного телефонного звонка. Я не знаю, что было сказано, но позже Крис прислал мне электронное письмо, в котором сообщил, что мое имя и лицо было удалено с компьютеров и камер наблюдения в отеле Saint Germaine, поэтому меня никогда не будут связывать с инцидентом, произошедшим там. Он сказал мне, что любит меня и всегда будет любить, и чтобы я связалась с ним, если мне что-то понадобится.

Я так и не ответила.

Сейчас сентябрь. Я почти закончила свой роман. Лавандовые поля уже собраны. Цветущие ряды фиолетовых и синих цветов вернулись к своим нормальным земляным оттенкам коричневого и зеленого. Они будут лежать под землей всю зиму и весну, пока снова не вспыхнут одним великолепным, кратковременным буйством цвета следующим летом.

Но не каждое поле в округе лежит под паром. Один небольшой участок оказался на удивление плодородным. На одном крошечном гектаре растет крошечный росток жизни.

— Ребенок? — шепчет Джеймс, широко открыв глаза, когда я показываю ему маленькую пластиковую палочку.

— Ребенок. — Я смеюсь, когда он расплакался. Всегда большие крутые парни самые мягкие внутри.

— Когда? — спрашивает он, взволнованно сжимая меня в объятиях. — Нам надо готовиться!

Мы на улице, в саду. Прекрасный осенний день: голубое небо, свежий воздух, герань в горшках цветет багровым цветом вокруг фонтана, который журчит. Я никогда не была счастливее.

— Еще рано, — бормочу я, обнимая его крепкие плечи. Я прижимаю поцелуй к его сильной шее — Я точно не знаю, какой у меня срок, но я запишусь на прием к врачу.

Он отстраняется и улыбается мне. Его глаза сияют. Щеки мокрые. Он такой красивый, что мне больно в груди.

— Давай посмотрим на календарь и попробуем разобраться!

— Я рада, что тебе это так нравится.

Он делает вид, что возмущен. — Ты думала, что я буду полным идиотом и спрошу, кто отец?

— Нет. Но... я не была уверена...

Весь его смех и дразнилки исчезают. Он спрашивает: — В чем ты не была уверена?

Избегая его взгляда, я расстегиваю верхнюю пуговицу на его рубашке. — Ну, если быть

до конца честной... — Я поднимаю взгляд и вижу, что он смотрит на меня с неистойивой интенсивностью. Мой голос понижается. — Я не была уверена, как ребенок впишется в твой образ жизни.

Он медленно выдыхает, затем притягивает меня ближе, обхватывая рукой мой затылок и кладя ее на свое плечо. — Если ты не заметила, дорогая, я был здесь с тобой каждый день.

Я хмурюсь. — И... что?

— Я не работал.

Он говорит это так, будто в его словах есть какой-то глубокий смысл. Если так, то я его не улавливаю. — Да, — говорю я осторожно, — было мило видеть тебя здесь.

Он откидывает голову назад и смеется, пугая меня. — Что тут смешного?

— Ты. — Все еще смеясь, он берет мое лицо в свои ладони. — Ты знаешь столько сложных слов, а мило — это то, что ты произносишь в девяти случаях из десяти.

Я сказала: — Мило — это хорошее слово.

Когда он улыбается, я хлопаю его по плечу. — Прекрати!

— Я уже прекратил. — Он нежно целует меня, растирая большими пальцами мои щеки.

— Прекратил что?

— Я прекратил.

— Прекратил что? — Когда он просто стоит и улыбается мне нежными глазами, я задыхаюсь от понимания. — Ты *прекратил*?

— Боже, ты такая медлительная. Ты уверена, что у тебя есть высшее образование?

Смотря на него с недоверием, я говорю: — Моя бабушка говорила мне, что я такая бестолковая, что умру с голоду с буханкой хлеба под мышкой.

Он скривился. — Похоже, она очаровательная женщина.

— Сицилийцы не выделяются. Вернемся к той штуке с прекратить.

Он снова целует меня, на этот раз чуть глубже. — Хм?

— Когда это случилось?

— Как только я понял, что хочу провести с тобой остаток своей жизни. После этого моя работа потеряла смысл. Если бы я был ответственным за то, чтобы заботиться о тебе, я не мог бы летать по всему миру, убивая плохих парней, которые иногда пытаются убить меня в ответ.

Я вспоминаю его разбитое лицо и рассеченную губу, когда он вернулся той ночью из Германии с кожаной сумкой, и вздрагиваю. — Так ты можешь просто уйти? Без всяких последствий?

Его лицо темнеет. Какое-то мгновение он просто молча смотрит на меня.

Я быстро говорю: — Просто скажи, буду ли я или ребенок в опасности.

— Нет, — мгновенно отвечает он, качая головой, — Но помнишь, я говорил тебе, что нарушу правила, чтобы ты была моей? Так вот, я их нарушил. Все правила. И за все в жизни надо платить цену. Однажды эта цена будет названа, и я не смогу от нее отказаться.

Черт, звучит плохо.

Он стоит и ждет, что я засыплю его вопросами, и я знаю, что он ответит на них, если я это сделаю. Но я научилась очень хорошо справляться с двусмысленностями. Теперь я эксперт по навигации в темных, опасных водах жизни, и я знаю, что когда бы ни была названа эта его *цена*, я с ней справлюсь.

Мы справимся с этим вместе.

Перейдя на более светлый тон, я говорю: — Надеюсь, ты не ждешь, что я тебя поддержу,

Ромео. Тебе все равно придется разделить со мной эту ношу, наемный убийца ты или нет.

Медленно его лицо расплывается в улыбке. — А я думал, что ты феминистка.

— Какое отношение имеет то, что я феминистка, к тому, что ты не лентяй?

— Я думал, что феминизм — это про равенство.

— И?

— А что, если я хочу сидеть дома и присматривать за ребенком, пока *ты* работаешь?

Этот человек так хорошо умеет говорить, что я смотрю на него с открытым ртом. Серьезно, это мастерство уровня джедаев.

Он смеется и крепко сжимает меня. — Я собираюсь найти календарь, чтобы мы могли выяснить, когда прибывает Джеймс Младший. — Он разворачивается и направляется обратно в дом, оставляя меня кричать ему вслед: — А что, если ребенок будет девочкой, шовинист?

Когда он исчезает в открытой французской двери, я слышу его смех. — Тогда мы назовем ее Джейми.

Слабо смеясь, я сажусь в одно из мягких кованых кресел, окружающих квадратный деревянный стол, за которым мы любим ужинать по вечерам. Оливковые деревья оживают от птичьего пения. Солнце греет мне голову. Я играю пластиковым тестом на беременность, улыбаюсь, как сумасшедшая, и качаю головой над тем, как вселенная сговорилась, чтобы привести меня сюда, к этому моменту.

Затащить меня через канализацию и проверить на прочность, прежде чем наградить такими прекрасными подарками.

Когда Джеймс возвращается, держа в руках настенный календарь, я насмехаюсь.

— Что случилось с твоим супершпионским телефоном?

Он закатывает глаза. — Твоя бабушка была права. Разве ты не заметила? Я не пользовался этим телефоном уже несколько недель.

— Еще раз встанешь на сторону моей бабушки, и этот ребенок будет последним, которого ты сможешь сделать, мой друг.

Он бросает календарь на стол передо мной, целует меня в макушку, а затем направляется к овощным грядкам, буйно растущим вдоль стены с одной стороны внутреннего дворика. Я смотрю на его ягодички — восьмое чудо света — когда он идет.

Когда я возвращаюсь к календарю, то замечаю, что его тема — осенние листья на Восточном побережье. — Красивые картинки, — кричу я Джеймсу, — Ты когда-нибудь видел, как меняются листья в Центральном парке в сентябре? Это волшебно.

Он говорит что-то, что я не могу разобрать из-за щебетания птиц, которое становится все громче. Без сомнения, они борются за последние дикие сливы в живой изгороди. В моих ушах тоже стоит далекое жужжание, механический шум, что-то далекое и немного раздражающее. Гадая, не пашет ли фермер одно из полей полбы неподалеку, я перелистываю календарь на страницу сентября.

Фотография месяца — яблоневый сад за пределами старинной деревни в Новой Англии. Деревья ярких оттенков красного, желтого и золотого. Под фотографией есть описание деревьев и места, где она была сделана, а также название группы, которая выступила спонсором календаря.

Психиатрический центр Рокленд в Оранжбурге, штат Нью-Йорк.

Дыхание выбивается из моих легких. Кожа по всему телу покрывается муравьями. Станный механический шум усиливается, пока я не слышу только его.

Я с ужасом шепчу: — *Нет.*

Когда я в панике поднимаю глаза, отчаянно ища Джеймса, он больше не наклоняется над грядками с овощами, собирая помидоры на ужин.

Он исчез.

Когда я оглядываюсь на деревянный стол, он тоже исчез. Как и стул, на котором я сидела, и дом, и внутренний дворик, и сад, и раскидистые поля лаванды, и вся красота и спокойствие Прованса. Все исчезло.

Остался лишь календарь в моей руке — календарь с большим красным кругом вокруг понедельника 23-го.

Первый день осени.

День, когда я должна была вернуться в Нью-Йорк после летних каникул в Париже.

Меня окружает белый свет, который становится все ярче и ярче, пока я не слепну. Я больше не вижу, но все еще чувствую, как моя кровь горячо пульсирует по венам, и все еще слышу странный, раздражающий механический шум, хотя он быстро заглушается чем-то гораздо более громким.

Высокий, дрожащий звук моего крика.

— Но если ты спросишь меня, детка, он был очень грустным человеком. Вся эта одержимость войной и смертью? Блядь. И не заставляй меня начинать про всю эту корриду. Это просто токсичная маскулинность. Можешь оставить себе своего любимого Эрнеста Хемингуэя, я остановлюсь на Николасе Спарксе. По крайней мере, он знает, как писать счастливые концовки.

Одетая в красивое летнее платье в цветочек, ее темные волосы собраны в низкий пучок у основания шеи, Келли закрывает книгу в руке и вздыхает.

Она сидит напротив меня на неудобном металлическом стуле. В комнате холодно, бело и резко пахнет антисептиком. Дверь в комнату открыта. В коридоре лысый мужчина, одетый в накрахмаленную белую униформу, толкает механический буфер по желтому линолеумному полу.

Звук, который он издает, громкий и раздражающий.

— Так или иначе, мне надо идти. Я вернусь завтра, в то же время, что и обычно. Надеюсь, мы справимся с этой историей, и я смогу прочитать тебе что-нибудь повеселее. — А сама себе под нос говорит: — Проклятые некрологи были бы веселее.

Потянувшись к объемной полосатой сумке на маленьком пластиковом столике рядом со стулом, Келли кладет туда книгу.

Я замечаю название — По ком звонит колокол — и издаю небольшой грустный звук.

Подняв голову, Келли смотрит на меня своими карими глазами с длинными ресницами. Глаза быстро становятся огромными от неверия.

Хриплым, тонким, как тростинка, голосом, который звучит так, будто им давно не пользовались, я шепчу: — Я — это ты, а ты — это я, и все одно — это другое. А теперь почувствуй. У тебя нет другого сердца, кроме моего.

Я начинаю рыдать. Глубокие, раздирающие грудь рыдания, которые невозможно остановить.

Келли вскакивает на ноги, истошно крича: — Доктор! Помогите! Медсестра, кто-нибудь, сюда! — Она бросается к двери, хватая санитару в коридоре за руку и дрожащим пальцем указывает на меня. — *Нам нужна помощь, немедленно!* — кричит она в его испуганное лицо.

На моих коленях лежит одеяло, которое, как я знаю, связала для меня Эстель. Я смотрю на свои руки, тонкие и белые, скрученные поверх одеяла в уродливые, изогнутые формы. Искаженные формы, похожие на когти.

Я пытаюсь пошевелить ногами, но не могу.

А стул, на котором я сижу, имеет большие резиновые колеса с обеих сторон.

Сквозь рыдания я снова начинаю кричать.

***

Лекарство, которое мне вводят через укол в руку, действует быстро. Высокая афроамериканская медсестра, которая делает мне укол, разговаривает со мной ласковыми тонами, нежно поглаживая мои влажные волосы со лба и обещая, что все будет хорошо, когда комната начинает вращаться, а затем темнеет.

— Ты в безопасности, дорогая, — шепчет он. — Не волнуйся, ты здесь в безопасности.

Когда я просыпаюсь через некоторое время, моя комната полна людей в белых

медицинских халатах. Все они смотрят на меня, затаив дыхание и с повышенным ожиданием, как будто я вернулась с того света.

Что, очевидно, так и есть.

— Оливия, — говорит один из них. — Привет. Как ты себя чувствуешь?

Он невысокий, пожилой и, кажется, главный. Его бабочка слегка сдвинута. У него отчетливый французский акцент.

— Дайте угадаю, — глухо говорю я. — Вы — Эдмонд.

Его улыбка выглядит довольной. Видимо, я хорошо угадываю.

— Да, я доктор Шевалье! Очень хорошо. *Очень хорошо.*

Все кивают и перешептываются, как это действительно хорошо.

Я думаю, что меня сейчас стошнит. Я хочу прикрыть рот рукой, но не могу. Желание сделать это и эффект, который это должно иметь, разобщены.

— Почему я не могу пошевелить руками или ногами?

Это заставляет всех замолчать на добрые тридцать секунд. Эдмонд делает знак, чтобы остальные вышли, что они и делают, перешептываясь между собой. Когда комната опустела, Эдмонд подходит к моей кровати — очевидно, меня переложили на кровать, когда я была без сознания, — и кладет руку на металлическое ограждение возле нее.

— Нам не обязательно говорить сейчас, Оливия. Почему бы тебе не отдохнуть немного? Мы можем поговорить позже.

Я смотрю на него, желая, чтобы его голова взорвалась. — Не надо мне, блядь, снисходительного отношения, Эдмонд. Я не в настроении, чтобы со мной обращались как с ребенком.

Если он обижен или удивлен моими словами, он не показывает этого. Он просто смотрит на меня с отцовской заботой, его хлопковый медицинский халат такой белый, что почти ослепляет.

Когда он спрашивает: — Можешь сказать, где ты находишься? — Я понимаю, что это проверка. Он волнуется, что я слишком хрупкая, чтобы разобраться с причиной моей парализованности.

— Все признаки указывают на Психиатрический центр Рокленд в Оранжбурге, штат Нью-Йорк.

Он делает паузу, чтобы оценить выражение моего лица. Что бы он там ни нашел, это должно его удовлетворить, потому что он улыбается. — Правильно. И ты знаешь, почему ты здесь?

Я ищу в памяти. В лучшем случае это нечетко. — Потому что... мне плохо?

Еще одна пауза, чтобы изучить мое лицо. Затем, с французским акцентом, который мягко перетекает в слова, он говорит: — У тебя были некоторые проблемы с психическим здоровьем, с которыми мы тебе помогаем.

Чувствуя, что мне снова плохо, я закрываю глаза. — У меня был психический срыв.

— Единичный, изолированный эпизод кататонического психоза, — отвечает он успокаивающим тоном. Как будто все не так уж и плохо, ведь это случилось лишь раз. — Ты с нами уже некоторое время.

— Как долго?

— Три месяца.

С начала лета. Я никогда не была в Париже. Эта поездка была только в моей голове.

Боль, которая образуется вокруг моего сердца, такая огромная, что я не могу дышать от

ее жжения.

Джеймс.

Я хочу убить себя, но без рабочих рук и ног я сомневаюсь, что это будет возможно.

— Твой муж придет к тебе сегодня вечером.

Мои глаза открываются. Я с ужасом смотрю на Эдмонда. — Муж?

Он осторожно отвечает: — Да. Кристофер. Ты помнишь его?

Боже мой. Я все еще замужем за Крисом. Я знаю, что если снова начну кричать, то получу еще один укол в руку, поэтому просто прикусываю язык и киваю, сосредоточившись на плакате, который кто-то прицепил на стену напротив моей кровати.

Лавандовые поля Прованса светятся неземным оттенком фиолетового и голубого, покрывая пышную долину, которая тянется далеко вдаль, пока не исчезает в тумане.

***

— Привет, Оливия.

С таким выражением лица, будто он пришел на похороны своего лучшего друга, Крис стоит в дверях моей комнаты. Его светлые волосы грязные и растрепанные. На футболке спереди пятно от еды, чуть ниже логотипа Budweiser. На нем потертые джинсы и пара рваных кед Converse, которые выглядят так, будто он носит их еще с колледжа.

Он также невысокого роста, с красным носом и бледным оттенком кожи, который появляется через годы пьянства.

Когда я улыбаюсь, думая, как смешно, что в своей галлюцинации я сделала его намного красивее и изящнее, его глаза сужаются.

Ему не нравится, когда я улыбаюсь ему. Интересно.

— Можно зайти?

Я пытаюсь жестом показать на уродливый металлический стул, на котором сидела Келли, но не могу. До сих пор никто в больнице не хотел сказать мне, что не так с моим телом. Думаю, они думают, что это было бы слишком сложно для меня, учитывая, что я только что вернулась из путешествия в Ла Ла Ленд.

Но я уверена, что скоро узнаю об этом от моего дорогого мужа.

— Садись.

Крис смотрит на стул, но, видимо, решает, что не останется надолго, потому что остается стоять. Он приближается на несколько футов к моей кровати. — Итак, ты проснулась.

А ты не посол США в ООН. Истерический смех грозит сорваться с моих уст, но я сдерживаюсь. Я не могу допустить, чтобы эти люди думали, что я полный псих, иначе я никогда не выберусь отсюда.

— Я проснулась. — Я смотрю, как он переминается с ноги на ногу. Его взгляд бежит по комнате, но не задерживается на мне дольше, чем на секунду.

Мне интересно, почему он такой беспокойный. Очевидно, что неожиданное пробуждение жены от кататонии было бы несколько шокирующим для любого, но нет ни объятий, ни слез, ни *я так по тебе соскучился, дорогая*. Его беспокоит что-то другое.

Мои воспоминания о наших отношениях туманны, будто мой мозг намеренно пытается их заблокировать.

Воспоминания или его.

Он спрашивает: — Ты все еще...? — Указательным пальцем он делает петлеобразное движение возле одного из ушей.

Очаровательно. Я пытаюсь быть вежливой, чтобы не ответить на его остроумный вопрос. — Я чувствую себя хорошо, спасибо.

— Ха. Ну, это замечательно. Просто замечательно.

У него снова это выражение, как на похоронах лучшего друга. Очевидно, мое неожиданное возвращение из Комавилля не совсем повод для вечеринки.

— Как *ты*, Крис?

Он посмотрел на мои когтистые руки, лежащие у меня на коленях, с едва заметным отвращением, но теперь его взгляд вспыхивает на моем. Он огрызается: — Это должно быть чертовски смешно, что ли?

Ах. Значит, багаж между нами тяжелый и полный расчлененных тел.

— Нет. Извини. У меня проблемы с памятью. Мы... — *Не существует деликатного способа сказать это. И тебе буквально нечего терять. Полный вперед.* — Мы отделились?

Он фыркает, как будто я сказала что-то чрезвычайно смешное. — *Отделились?* Больше похоже на незнакомцев. После того, что случилось с Эмми, ты совсем отстранилась.

Что случилось с Эмми.

Внезапно моя голова наполняется образами — образами слишком ужасными, чтобы их выдержать.

Я в машине, выезжаю из нашего подъезда. Это большая машина, машина Криса, старая модель внедорожника. Он мне никогда не нравился, но в мою спортивную маленькую Хонду за неделю до этого врезались сзади, и она была в ремонте. Поэтому в тот день я ехала в продуктовый магазин на шумном, громоздком Бронко.

Бронко, у которого не было зеркала заднего вида.

Или датчиков заднего хода.

Или хороших тормозов.

Сначала я подумала, что этот толчок — это мусорный бак. Был день вывоза мусора, и по какой-то неизвестной причине мусорщики всегда оставляли мусорные баки посреди подъездной дороги, когда их вывозили. Я не посмотрела, когда открывала гаражные двери, а Бронко был таким высоким, что я, наверное, все равно не смогла бы увидеть мусорные баки.

Но когда я услышала крик нашей соседки Бет и увидела ее с выражением ужаса на краю своего двора, когда она утонула в землю за машиной, я поняла, что я врезалась не в мусорный бак.

Потом, когда я бросила машину на парковке и выскочила, я обнаружила худшее. Невозможное.

Я переехала ребенка.

Моего ребенка.

Я думала, что она спит в доме. Крис был дома, это был субботний день, он должен был присматривать за ней. Но он пил пиво перед телевизором и не заметил, как она вышла.

Ее маленькое тело было раздавлено под большим задним колесом Бронко. Она была мертва задолго до приезда скорой помощи. Когда ее положили на каталку и закрыли дверцу, она уже похолодела.

Глаза Эмми были широко открыты, когда она умерла. Они были ореховыми, как у ее отца. Прекрасные, глубокие зелено-коричневые с золотистыми вкраплениями.

На этот раз, когда я начинаю кричать, милый афроамериканец-санитар должен сделать мне три укола, прежде чем заставить меня остановиться.

Пять недель спустя

□□□□ □□□□ □□□□

Удивительно, как быстро я привыкаю к унижению, которое сопровождает обладание никому не нужным телом. Например, сейчас я равнодушно наблюдаю, как милый санитар меняет мне подгузники.

Его зовут Эрнест. Какая ирония.

Он быстрый и эффективный, насвистывает, когда делает свою работу. Моя бледная, худощавая фигура для него просто еще один виджет, один из десятков, о которых он ежедневно заботится в этом заведении. Своими большими руками, защищенными синими латексными перчатками, он весело вытирает мою задницу детской салфеткой, пока я лежу на боку на больничной кровати.

— Надо следить за этим пролежнем, — говорит он, постукивая по месту на моей ягодице, — Становится больше. Мне нужно начать больше перекладывать твой вес по ночам.

— Хмм. — Я обращаю внимание на плакат Фрэнка Синатры, прикрепленный на стене возле двери шкафа. Он улыбается мне из-под крыльев фетровой шляпы, его знаменитые глаза цвета тропического летнего неба.

Или, знаете, как у художника/наемного убийцы.

Очевидно, Эрнест повесил плакат Синатры, хотя это Келли привезла плакат с лавандовыми полями Прованса. Я понимаю желание украшать: это место настолько стерильно, что мгновенно убило бы любую букашку, которая случайно забрела бы сюда.

— Мне обязательно идти сегодня в лаунж? Это место совершенно депрессивное.

Эрнест смеется. — Ха-ха. Депрессивное. Я понял. — Достав из коробки под кроватью свежий взрослый подгузник, он расстегивает его и начинает скучный процесс погружения меня в него, по одной бесполезной ноге за раз.

— Это значит да?

— Не я здесь устанавливаю правила, милая. Доктор говорит, что тебе полезно общаться с другими.

С другими. Я вздрагиваю, думая о разнообразии человеческих страданий, которые охватывает это слово.

— Но если тебе от этого станет легче, я возьму тебя на прогулку в сад перед групповым занятием. Договорились?

Если кто-то из нас не хочет вдаваться в детали, мы просто скажем: деликатная тема. Это будет наше кодовое слово. Безопасная фраза, технически. Договорились?

Вспоминая слова Джеймса, я должна закрыть глаза и на мгновение глубоко вдохнуть. Его воображаемые слова живут в моей голове, как прекрасные призраки.

Каждое мгновение, проведенное с ним, на самом деле, до сих пор живет в моей голове. Все наши разговоры такие яркие. Я до сих пор чувствую тепло его поцелуев на своих губах. Время, которое я провела с ним, кажется намного реальнее, чем эта, настоящая реальность.

Холодная, ужасная, реальная действительность, в которой я не только случайно убила своего ребенка и вышла замуж за мужчину, который любит пиво гораздо больше, чем меня, но и — подождите — я умираю.

От чего, спросите вы?

А вы не можете догадаться?

Закончив натягивать подгузники на бедрах, Эрнест поднимает меня и прижимает к груди, а сам тянется к свежему набору бледно-голубых скрабов, который он положил на тумбочке возле кровати. Я кладу голову ему на плечо, удивляясь, что болезнь, лишившая все мои мышцы силы, имеет наглость оставлять все мои чувства невредимыми.

Я все еще вижу, слышу, чувствую вкус, запах и прикосновения, как вот тепло плеча Эрнеста на моей щеке и его прикосновение к моей ягодице. И если не принимать во внимание некоторую нечеткость в долговременных воспоминаниях, вызванную моей кататонией, которая, как мне сказали, пройдет, мой разум работает прекрасно.

Это означает, что когда мышцы, управляющие моими легкими, парализуются на последних стадиях болезни, я буду полностью осознавать, что задыхаюсь до смерти.

С отработанной легкостью Эрнест приводит в порядок мои конечности и двигает меня туда-сюда, чтобы быстро надеть мягкий хлопчатобумажный халат, без надоедливых пуговиц, молний или шнурков, о которые пациенты могут пораниться. Затем он поднимает меня с кровати и осторожно сажает в инвалидную коляску, подпирая мои ноги на металлические подножки и кладя руки мне на колени. Он накрывает меня вязаным лоскутным афганом, заправляет его вокруг бедер, а затем оценивает свою работу.

Когда он недовольно сжимает губы, я говорю: — Только не говори, что моя помада размазалась на зубах.

Я не накрашена, но он подыгрывает мне, мрачно кивая. — Ты выглядишь так, будто съела мел.

— Мел был бы вкуснее того, что подавали на ужин вчера. Как ты думаешь, шеф-повар знает, что зеленая фасоль не просто так называется зеленой? Я никогда раньше не видела такого оттенка серого в овощах.

Эрнест хихикает. — *Шеф?* Это очень щедро. — Он хватает с тумбочки расческу с широкими зубцами и начинает проводить ею по моим волосам, осторожно расчесывая пучки.

Он же моет меня в душе. Намылывает меня и смывает с оживленной безличностью, как будто я машина, проходящая мойку в торговом центре вниз по улице.

Для душа есть другая тележка. Специальная водонепроницаемая, с отверстием посередине сиденья, чтобы Эрнест мог добраться до всех мелких мест, которые нужно вымыть.

Да, хорошие времена. Я продолжаю молиться, чтобы пришел очередной психический срыв и спас меня, но пока что мне чертовски не везет.

Убедившись, что мои волосы имеют презентабельный вид, Эрнест везет меня к главному месту скопления пациентов — дневной комнате, которую иронично называют комнатой отдыха, чтобы звучало расслабляюще. Однако уровень шума вовсе не расслабляющий. Люди, страдающие от психических заболеваний, не являются тихими людьми. А тот, кто ее оформлял, очевидно, вдохновлялся фильмом *Полет над гнездом кукушки*, потому что она выглядит именно как комната, которую одобрил бы злой медбрат Рэтчед.

Удивительно, как такое голое пространство может быть еще и таким уродливым.

Сначала — время приема лекарств. Эрнест подвозит меня к окошку диспансера. Оно напоминает окно кассира в банке, а за толстым плексигласовым защитным экраном сидит человек в униформе и изо всех сил старается улыбаться.

— Доброе утро, Бернадетт. — Эрнест здоровается с женщиной с плохой завивкой.

— Привет, Эрнест! — Улыбаясь, как сумасшедшая, она поворачивает ко мне свои блестящие зеленые глаза. — И вам доброе утро, мисс Оливия!

Эта женщина всегда бодра, как проклятый бурундук. Мне хочется пролезть сквозь маленькое отверстие в окне, где стоят лекарства, и схватить ее за горло.

— У тебя сегодня красивые волосы, — говорю я ей. — Ты только что сделала прическу?

Поглаживая свой отвратительный шлем кудрей, напоминающих шерсть пуделя — если пудель покрасил себя в вопиющий оттенок оранжевого, который не встречается нигде в природе — она смотрит на меня лучами. — О, да! Как мило, что вы это заметили!

— Твои кудри выглядят особенно тугими. И цвет очень... свежий.

Когда она благодарит меня и отворачивается, чтобы взять бумажный стаканчик с водой, чтобы запить лекарство, Эрнест тихо хихикает. Он говорит себе под нос: — Ты такая плохая.

Я притворяюсь невинной. — Что? Я делаю ей комплимент.

— Угу. А я Тейлор Свифт.

— Правда? Ты больше в жизни, чем я думала, Тэй. Я не знала, что ты мужчина. В твоих клипах этого не видно.

Эрнест цокает языком, пытаюсь выразить неодобрение, но я знаю, что он получает удовольствие от моих умных слов.

Воображаемо или нет, но мужчинам, кажется, нравятся умники.

Когда Эрнест протягивает мои антипсихотики, я послушно открываю рот для таблеток. Он кладет их мне на язык, потом помогает проглотить воду из бумажного стаканчика, внимательно следя, чтобы я не захлебнулась.

Мышцы моего горла постепенно ослабевают. Глотание — одна из тех вещей, которые мы воспринимаем как должное, пока не перестаем это делать.

Как ходить. Как подтирать собственную задницу. Как и все остальное в жизни.

Затем Эрнест катит меня к моему любимому месту в комнате, к окну, которое выходит на пышный зеленый газон на улице. Мое любимое, потому что оно как можно дальше от всех остальных.

Особенно от молодой блондинки, которая кричит так, будто у нее оргазм — за исключением того, что это происходит почти все время, — и высокого худощавого мужчины, который общается только хрюканьем.

Джиджи страдает параноидальной шизофренией. Голоса в ее голове говорят ей, что все хотят ее убить. Гаспар имеет тяжелое биполярное расстройство и клиническую депрессию. Он шесть раз пытался покончить жизнь самоубийством, прежде чем попал сюда.

Сегодня он просто смотрит на стену, время от времени бормоча в перерывах между похотливыми криками Джиджи.

Распорядок дня в психиатрическом центре регулируется жестким расписанием. После завтрака и часа отдыха я должна быть на группе общения. Это время, когда все пациенты собираются вместе, чтобы обсудить такие захватывающие темы, как строгая политика не прикасаться, кто украл (вставить нужное) из чужой комнаты, почему Форрест Гамп — переоцененный фильм, и качество еды, которая, по мнению всех, воняет.

После этого волнения наступает время обеда. Затем индивидуальная беседа с моим психиатром, чтобы оценить, как я чувствую себя, сплю, какаю и так далее, и не хочу ли я покончить с собой в данный момент. Если нужно, вносятся коррективы в прием лекарств. Затем измеряют мои жизненные показатели, и я иду в группу с социальными работниками,

где обычно дремлю в кресле, пока все остальные говорят о том, как бороться с негативными мыслями. Кто-то всегда плачет.

Затем рекреационная терапия, образовательная группа, час посещения, ужин, тихий час и отбой. Рутинa никогда не меняется.

Поэтому представьте мое удивление, когда после всего десяти минут, проведенных у окна, Эрнест снова появляется, чтобы отвести меня к доктору Шевалье.

— Почему он хочет меня видеть?

— Ты думаешь, мне кто-то что-то говорит? Я просто работаю здесь, дорогая.

Мы проходим мимо группы мужчин, играющих в шахматы. Один из них кричит мне — Битлджус! — Я машу рукой и улыбаюсь, потому что мне нравился этот фильм.

Когда мы прибываем в офис Эдмонда, он сидит за своим большим дубовым столом, изучая бумаги из открытой манильской папки. Он поднимает глаза и говорит: — Ах.

Я не знаю почему, но это звучит зловеще.

Эрнест ставит мой стул перед столом Эдмонда, а затем выходит, закрыв за собой дверь кабинета. Сложив руки над бумагами, которые он обдумывал, Эдмонд молча смотрит на меня.

Через минуту я не выдерживаю. — Как дела, док?

Он улыбается. — Мне будет не хватать твоего чувства юмора, Оливия.

Я поднимаю брови. — Вы уже планируете мои похороны?

— Ты едешь домой.

Такое чувство, будто над моей головой только что взорвалась атомная бомба. Я не могу дышать. Я ничего не вижу. Мои органы сморщиваются и умирают. — *Домой?*

— К мужу. Не смотри так шокировано. Ты знала, что этот день придет.

— Нет, я могу честно сказать, что понятия не имела, что этот день наступит!

Эдмонд выглядит так, будто пытается удержаться, чтобы не закатить глаза. — Мы много говорили о твоём возвращении в общество на наших сессиях.

— Я имела в виду, что не знала, что этот день наступит *сегодня!*

Он собирает бумаги и постукивает ими по столу, чтобы расправить, а затем аккуратно кладет их обратно в папку. Он закрывает папку и кладет на нее сложенные руки, что является его пассивно-агрессивным способом сказать мне, что дело решено.

Не все люди такие прямые, как мой воображаемый Джеймс. Если бы у меня были руки, я бы разорвала эту папку на куски и разбросала бы, как конфетти, по комнате.

Эдмонд говорит: — Давай поговорим о том, почему ты расстроена.

— Для начала, ты знаешь, что Крис навестил меня только раз. И ты знаешь, как хорошо это прошло. А теперь я должна жить с ним?

— Я говорил с ним много раз, в том числе и сегодня. Он очень хочет, чтобы ты вернулась домой.

У каждого есть признаки, когда он лжет: шаткие глаза, беспокойные руки, играющие с волосами. Эдмонд дергает свой галстук-бабочку.

Я смотрю, как он нервно регулирует его, а потом смотрю на свои кривые руки, лежащие на моих коленях, как мертвые голуби. — Кто там обо мне позаботится? Я знаю, что не он.

— Мы помогли ему найти круглосуточный домашний уход от замечательной компании, которая специализируется на пациентах с БАС.

— Круглосуточный уход? Звучит дорого.

— Это покрывается комбинацией Medicare и полисом, включенным в его рабочую

страховку.

Крис — механик, как я вспомнила после его первого визита. Это честная работа, и зарплата приличная, но он не является владельцем мастерской, и у него нет амбиций продвигаться вверх.

Я также помнила, что у него был роман с грудастой двадцатилетней секретаршей из магазина и что он планировал меня бросить.

Но это было до того, как мне поставили диагноз БАС — диагноз, который появился через несколько месяцев после смерти Эмми.

Я игнорировала постоянные подергивания в мышцах правого бедра, онемение ног, которое то появлялось, то исчезало, и то, что я время от времени роняла ручку или спотыкалась. Но во время расследования аварии, когда полиция исключила опьянение как возможную причину того, что я не успела затормозить, я случайно вспомнила, что в тот день меня беспокоила нога. Она покалывала, а потом онемела.

Я не успела вовремя затормозить.

Удар, который я почувствовала, был большим металлическим задним бампером, который ударил Эмми. От первого удара ее отбросило на несколько футов назад на подъездную дорогу. Если бы я остановилась сразу, она была бы в безопасности, но я нащупывала тормоза достаточно долго, чтобы перевернуть ее...

И остановилась прямо сверху.

Эдмонд нежно говорит: — Оливия.

Я поднимаю взгляд. Он выглядит страдающим, таким скорбным и сочувствующим. Мне становится жаль его. Он так старается. Он действительно хочет мне помочь. Но какую помощь можно предложить матери, которая убила собственного ребенка?

В аду есть особое место для таких людей, как я. И я прямо здесь, в нем.

— Ты все еще можешь иметь качественную жизнь, — тихо говорит он. — Возможно, у тебя еще есть годы...

Мой смех резкий и горький. — Не дай Бог.

— Ты можешь восстановить отношения со своим мужем.

Я смеюсь. — С мужчиной, который не бросил меня только потому, что не хотел, чтобы люди считали его полным мудаком, потому что он бросил свою умирающую жену? Да, это сомнительно.

— Ты могла бы стать вдохновением для других в твоей ситуации.

Я вздыхаю, закрывая глаза. — Я — поучительная история, Эдмонд. А не вдохновение.

— Ты могла бы написать книгу.

Книгу? Я всегда хотела написать книгу. Я открываю глаза и смотрю на него.

Ободренный моим вниманием, он подхватывает идею, кивая и наклоняясь вперед. — Да, ты могла бы написать о своем опыте. Здесь, в больнице, и с твоей болезнью, и как мать, переживающая потерю ребенка — это была бы захватывающая история. Просто *захватывающая*. Представь, что люди, которые имеют дело с трудностями в собственной жизни, могли бы извлечь из этого!

— Глубокую депрессию?

— Вдохновение, — отвечает он. — *Надежду*.

Думаю, в этом есть определенный смысл. Даже у худших трагедий есть свои уроки. И если бы моя история могла спасти хотя бы одного из родителей от потери ребенка из-за игнорирования странных медицинских симптомов... если бы хотя бы один несчастный

случай удалось предотвратить...

— Я ничего не знаю о написании романа. До того, как стать матерью-домохозяйкой, я была секретаршей.

Эдмонд проясняется. — Так у тебя есть опыт писать для бизнеса!

— Только переписка, — возражаю я, надеясь, что он не покажется слишком легким, потому что если я собираюсь это сделать, мне понадобится *огромная* моральная поддержка.

Я имею в виду, что не могу пользоваться руками! Как, черт возьми, я буду писать роман?

Но Эдмонд читает мои мысли. — Ты можешь надиктовать всю историю на диктофон. Я уверен, что есть много редакторов-фрилансеров, которых можно нанять, чтобы отшлифовать окончательный вариант. А если ты не можешь найти издателя, ты можешь опубликовать ее сама. Более того, это будет отличной терапией для тебя.

Мой тон становится сухим. — Сколько бы книг я ни написала, думаю, мы оба знаем, что я никогда больше не буду психически стабильной.

Он машет рукой в знак несогласия. — Разум — невероятно мощная вещь. Так же, как он может, скажем, навсегда остаться в психотическом состоянии, так же он имеет неограниченный потенциал к самоисцелению.

В ответ на слова Эдмонда я перестаю дышать. Кровь перестает циркулировать. Все внутри меня замирает.

Человек может находиться в психотическом состоянии вечно?

Навсегда?

Говоря о надежде.

Впервые я благодарна своему параличу. Иначе меня бы так трясло, что добрый врач позвал бы на помощь транквилизаторы, которых хватило бы, чтобы усыпить лошадь.

Я медленно говорю: — Знаете, я только что осознала, что мы никогда не говорили о деталях того, что со мной произошло. О логистике того, как на самом деле работает психический срыв.

Удивленный сменой темы, Эдмонд моргает.

— Я же говорила, что все это казалось мне таким реальным. Таким же реальным, как и сейчас, когда я сижу здесь, напротив вас. Возможно, если бы я лучше понимала процесс, это помогло бы мне подготовиться. Возможно, если бы я знала, через что проходит разум перед срывом, я могла бы уловить знаки. Как это было с моим БАС, когда я игнорировала признаки... Есть ли какие-то признаки неизбежного психоза?

Через мгновение он кивает. — Да, есть. И, честно говоря, Оливия, я рад, что ты хочешь это знать. Откровенный разговор со своими проблемами — это важный шаг к выздоровлению.

Так что начинай уже говорить! Я смотрю на него, внешне сдержанная. Внутри я как на рейв-вечеринке с кричащей толпой, мигающими огнями и оглушительной музыкой, а на меня надвигается спецназ.

Потому что если я узнаю, как я нашла Джеймса в первый раз...

Может быть, я смогу сделать это снова.

Я внимательно слушаю, как Эдмонд начинает описывать многомерное состояние, называемое психозом. Несколько минут он рассказывает о различных расстройствах личности, которые могут привести к этому диагнозу, включая шизофрению, бредовые расстройства и т. д., а также о различных вещах, которые могут усугубить его, например, злоупотребление нелегальными наркотиками. Далее он приводит клиническое описание того, что происходит с человеком, который переживает психоз: галлюцинации, нарушения мышления, бред, а иногда и кататония, когда человек полностью погружается в мир своих фантазий и не реагирует на внешние раздражители.

С чем я, конечно, уже знакома.

— Но у меня не было ни одного из тех расстройств личности, о которых вы упомянули, — перебиваю я, взволнованная. — Я никогда не злоупотребляла наркотиками. У меня никогда не диагностировали никаких медицинских проблем, психических или иных. Как такой человек, как я, мог стать психотическим? Что могло стать толчком?

В следующей тишине я могу сказать, что он тщательно подбирает слова.

— Возможно, у тебя не было официального диагноза депрессии, но ты, несомненно, была в депрессии. — Когда я молчу, он продолжает. — Ваши отношения с мужем были напряженными. Ты узнала, что у него был роман... с кем-то намного моложе тебя. До этого вы отдалялись друг от друга, и ты чувствовала себя очень одинокой. Ты сказала мне, что тебе было трудно смириться с мыслью о том, что через несколько лет тебе исполнится сорок, и что ты мечтала о еще одном ребенке, но не хотела иметь его с мужем, потому что считала его плохим отцом. *Невнимательный* и *холодный* — это были твои точные слова.

Две общие черты с его альтер-эго в моей галлюцинации.

— Продолжайте.

— Потом... произошел несчастный случай. — Он на мгновение замолкает во всей своей ужасности. — Вскоре после аварии у тебя диагностировали неизлечимую болезнь. — Его голос смягчается. — И когда болезнь в конце концов приковала тебя к инвалидной коляске, ты пережила то, что мы называем психическим срывом. Проще говоря, твой разум больше не мог справляться со стрессом и болью реальности, поэтому он перешел в режим самозащиты и отправил тебя в прекрасный отпуск.

Измученная, я закрываю глаза. За моими веками появляется образ Джеймса. Он невероятно красив. Его прекрасные голубые глаза горят так же ярко, как и всегда.

Я прошептала: — Мне казалось, что все то было более реальным, чем этот разговор сейчас. — Мне приходит в голову кое-что, и я открываю глаза. — Откуда я знаю, что *это* реально? Как я могу быть уверена, что *вы* мне не мерещитесь?

Эдмонд пожимает плечами. — Это законный вопрос. У меня никогда не было галлюцинаций, но все пациенты, с которыми я работал, рассказывают то же самое: не было заметной разницы между их галлюцинациями и реальной жизнью.

Надежда снова вспыхивает во мне. Мое сердце колотится, я с нетерпением говорю: — Так может, это все сон? Может, однажды я проснусь и вернусь во Францию с Джеймсом?

Эдмонд откидывается на спинку стула. Он тяжело выдыхает, потом проводит рукой по глазам. Когда он снова заговаривает, его голос звучит устало. — Я знаю, что верить соблазнительно. Но если я чему-то и научился за время своего пребывания на Земле, так это

тому, что если это кажется слишком красивым, чтобы быть правдой, то так оно и есть.

Да, я это уже слышала. — Это ничего не доказывает.

— Никто не может предложить тебе доказательство реальности, даже сам Эйнштейн. Но только потому, что это не может быть доказано, не значит, что солнце не взойдет завтра. Оно взойдет.

Когда я только смотрю на него с вызовом, недовольная его ответами, он выбирает другой подход.

— Давай поговорим о человеке, которого ты называешь Джеймсом.

То, как он произносит имя Джеймс, заставляет меня чувствовать желание защищаться. — Что с ним?

— Он хорош. По твоему собственному описанию, Адонис. Он душевный. Артистичный. Внимательный. Совершенный. Умный. — Эдмонд делает паузу. — Он также суровый, сильный, невероятно мужественный и сексуально опытный, но при этом очень удачно одинок... и годами соблюдает целибат. Но в тот момент, когда он увидел тебя, он влюбился. Прости, что я так говорю, но такое бывает только в любовных романах. Это не реальная жизнь.

Жалкая, я говорю: — Я никогда не говорила, что он влюбился, как только увидел меня.

Теперь Эдмонд игнорирует меня. — Этот красивый мужчина постоянно преследует тебя. У тебя с ним интенсивная сексуальная и эмоциональная связь, несмотря на то, что ты знаешь его очень короткое время. Он заставляет тебя чувствовать себя желанной, нужной и счастливой впервые за много лет.

Я застонала. — Ладно, вы добились своего! Я создала идеального мужчину!

— Настолько совершенного, что он становится темным рыцарем, который убивает дракона твоей вины. То, с чем не может смириться твое сознание: ты была причиной смерти своего ребенка. Зато смерть Эмми наступила от пули убийцы — пули, которая предназначалась твоему мужу. Таким образом, это оправдывает тебя и перекладывает вину на него.

Эдмонд замолкает. — А когда Джеймс убил убийцу, круг был замкнут. Справедливость восторжествовала. Ты жила долго и счастливо в прекрасном месте, и даже зачала ребенка от мужчины, который все исправил. От человека, который, по иронии судьбы, приносил смерть лишь тем, кто ее заслуживал. От убийцы с кодексом чести.

После очередной паузы Эдмонд добавляет: — Единственные убийцы, у которых есть моральный кодекс, моя дорогая, — это вымышленные убийцы. — Его голос становится жалостливо нежным. — Или плоды нашего воображения.

Я не осознаю, что плачу, пока комната не начинает расплываться.

Эдмонд нажимает кнопку на интеркоме на своем столе. — Кэтрин, попроси Эрнеста зайти в мой кабинет, пожалуйста.

Вставая, Эдмонд хватается салфетки из коробки рядом с телефоном и обходит свой стол, чтобы вытереть ими мои щеки. — Прости, Оливия, — бормочет он, — Я знаю, что это трудно. То, что ты чувствуешь — это нормально. Ты пережила потерю и скорбишь. Позволь себе скорбеть по потере Джеймса и времени, которое вы провели вместе, а потом направь все свое внимание и энергию на исцеление. И я имел в виду то, что говорил о написании книги: она не только может быть полезной для других, но я верю, что для тебя это будет хорошей терапией, чтобы выговориться.

Эрнест приходит, встревоженный, увидев меня в слезах. Он бросает укоризненный

взгляд на Эдмонда, потом хватает меня за ручки стула и ведет к двери.

— Подожди.

Эрнест наклонился ко мне и пытливо вскинул бровь.

— Мне нужно спросить его кое о чем, прежде чем мы уйдем.

С таким видом, будто он совсем не согласен с таким решением, Эрнест разворачивает мой стул так, чтобы я оказалась лицом к Эдмонду. Он снова за своим большим дубовым столом, сложив руки над манильской папкой, которая, как я предполагаю, содержит весь компромат на меня, который только можно найти.

Я говорю: — Вы не говорили мне о признаках психоза.

— А, да. Ну, обычно пациенты сообщают о таких вещах, как необычная чувствительность к свету и шуму, проблемы с памятью, уход от социальных отношений, повышенная подозрительность или агрессия, неуместный смех или плач...

Он продолжает. Я не припоминаю ни одного из симптомов, которые он перечисляет, случившихся со мной.

Раздраженная, я перебиваю его. — А что, если не было ни одного из этих симптомов? Может быть что-то другое? Как... как главная причина? Единственное событие, которое стало бы последней каплей, переполнившей чашу терпения?

Эдмонд смотрит на меня с глубоким сочувствием в глазах. — Я знаю, что было бы успокаивающе иметь единственный спусковой крючок, на который мы могли бы указать, но реальность такова, что начало психоза — это, как правило, медленное сползание вниз, а не резкий скачок. Сегодня я пришлю тебе домой список симптомов, чтобы твой муж мог обратить внимание на любое необычное поведение. Продолжай принимать лекарства и немедленно сообщи своему психиатру, если почувствуешь что-то странное.

Он берет ручку и начинает писать на листе бумаги, и вот так просто меня выписывают.

Когда Эрнест вывозит меня из кабинета в комнату отдыха, он начинает тихо напевать себе под нос. У него красивый ровный басовый голос, который идеально сочетается с душевной мелодией песни.

Все еще отвлекаясь на встречу с Эдмондом, я спрашиваю: — Что это ты поешь? Так красиво.

— Старая евангельская песня. Узнаешь?

Она звучит невнятно знакомо, но я не могу ее узнать. — А должна?

Он хихикает. — Альбом, из которого она взята, играют в гостиной каждое воскресенье с тех пор, как ты приехала, дорогая.

Так вот почему она звучит так знакомо. — Кто исполнитель?

— Легендарный госпел-певец, который умер около двадцати лет назад. Его звали Джеймс Блэквуд.

Я закрываю глаза и позволяю боли пронзить меня насквозь, пока внутри не останется ничего, кроме пепла.

***

Когда Крис забирает меня в приспособленном для инвалидной коляски фургоне, одолженном в автомастерской, где он работает, уже смеркается. Он не принадлежит мастерской: клиент оставил его на ремонт.

Мы обмениваемся приглушенными приветствиями, не встречаясь взглядами.

Другие пациенты смотрят из окон гостиной на третьем этаже, как Эрнест грузит меня в фургон на парковке, а Крис стоит рядом и смотрит с таким видом, будто ему нужен мешок

от удушья.

Когда я надежно пристегнута на заднем сиденье, а моя инвалидная коляска пристегнута ремнями, чтобы она не могла разворачиваться во время поездки, Эрнест наклоняется и целует меня в щеку. — Я буду скучать по вам, мисс Оливия. Береги себя, слышишь?

— Ты тоже, Эрнест, — говорю я, борясь со слезами. Мне ужасно хочется его обнять.

Потом задняя дверь закрывается. Я смотрю на окна третьего этажа, как санитар выводит бьющуюся и кричащую Джиджи прочь. В нескольких футах от меня Гаспар поднимает на прощание тонкую руку. Это первый раз, когда он меня узнал.

Он поворачивается и удаляется за пределы видимости окон. Крис заводит двигатель, и мы трогаемся с места.

Я сломаюсь только потом, гораздо позже, когда Крис будет храпеть на диване в гостиной, а я останусь одна в темноте главной спальни, лежа на грязных простынях, где он меня оставил, в испачканном подгузнике, который уже начинает пахнуть.

***

На следующий день начинается рутина, которую я называю *жизнью*.

В 8 утра приходит сиделка, которая разбудила Криса от крепкого сна. Он забыл, что она придет.

— Хорошо, что ты пришла вовремя, а то я бы опоздал на работу, — говорит он, почесывая живот, когда ведет ее в главную спальню. Он бросает на меня раздраженный взгляд: — Из-за вчерашних волнений я забыл завести будильник.

Крепкая немка по имени Мария, названная в честь поющей няни Джули

Эндрюс в "Звуках музыки" — клянусь, я не могла это придумать — имеет то, что я называю сильным характером. Это означает, что она чертовски запугивает Криса, который начинает избегать ее уже через секунду после того, как она жестоко отругала его за то, что он оставил меня одну на всю ночь в моем состоянии.

Она мне сразу понравилась.

Когда она спрашивает меня, как я жила до ее приезда, я говорю, что мой муж заботился обо мне. Она мрачно бормочет несколько слов на немецком, которые звучат страшно, возможно, потому, что они на немецком. Затем, на английском, она говорит, чтобы я не волновалась, потому что теперь Мария за все отвечает — как я узнаю, она любит говорить о себе в третьем лице — и отныне все будет прекрасно.

Я думаю, что это преувеличение, но я не спорю с ней. Сейчас мне нужны все друзья, которых я могу найти.

Мария меняет мне подгузники, купает меня, кормит и убирает в доме, и все это с мастерством, которым славятся немцы. Когда в полдень приходит Келли, мой дом сверкает, мой желудок полон, и я — осмелюсь сказать это? — в хорошем настроении.

Или, по крайней мере, не в суицидальном.

Келли бросает один взгляд на меня, сидящего, опершись на кровати, и мгновенно начинает плакать.

— Вот тебе мои антидепрессанты, — говорю я ей. — А теперь, пожалуйста, подойди сюда и обними меня, пока я тоже не расплакалась.

Она бросает сумку на пол и бежит ко мне. Меня охватывают объятия и облако ее цветочных духов.

— Прости, — говорит она, ее голос сдавленный, — Я не хотела быть такой плаксой. Просто я так рада тебя видеть.

Я знаю, что она имеет в виду, что рада видеть меня здесь, дома, а не в ужасной психиатрической больнице, куда она каждый день навевалась, чтобы почитать мне книги. Книги Хемингуэя, потому что моя реальная жизнь — это противоположная страна от моей бредовой жизни.

В этой жизни я люблю старого козла-мачо. Вот так.

— Я тоже рада тебя видеть. Ты принесла?

Шмыгая носом, она отступает, кивает и вытирает пальцами мокрые щеки. — Да. Хочешь, чтобы я его включила и оставила тебя в одиночестве, или мне остаться?

Я думаю об этом минуту. — Тебе не будет слишком странно слушать меня? Потому что, если ты думаешь, что сможешь выдержать все кровавые подробности моих грез, я хотела бы, чтобы ты была здесь. Моральная поддержка и все такое.

Она говорит мягко: — Конечно, дорогая. Я бы с удовольствием осталась.

— Помолчав, она добавляет: — Тебе можно пить алкоголь? Потому что я принесла закуски и бутылку розового. Я подумала, если ты хочешь, чтобы я была рядом, пока ты будешь записывать, нам обоим, наверное, понадобится немного выпивки.

Я смотрю на нее с удовольствием. Она такая хорошая, блядь, подруга. — Нет, мне нельзя пить. А теперь откупорь бутылку, налей мне большой стакан и устраивайся поудобнее, потому что я собираюсь рассказать тебе историю, которая просто. Разорвет. Твой. *Разум*. Кстати, ты в ней есть.

— О, Боже. У меня была плохая прическа?

У нее всегда была странная неуверенность в своих волосах, густых, блестящих и пышных. Почему-то она живет в страхе, что они все выпадут.

Я мягко улыбаюсь ей. — Я не могла сказать, потому что ты все побрила в акте радикального феминизма. А еще ты отрастила волосы под мышками и на ногах и перестала пользоваться дезодорантом.

Когда она яростно смотрит на меня, я вздыхаю и сдаюсь. — Я говорила с тобой только по телефону, но мне показалось, что у тебя потрясающие волосы. Счастлива?

Она хлопает в ладоши, потом вскакивает с края кровати, чтобы достать сумку, с которой пришла. Из нее она достает маленький диктофон, который ставит мне на колени. Затем она достает тарелку с сыром, крекерами и салями, гроздь зеленого винограда и бутылку розового вина.

— Ого. Мы на пикнике. Это круто, Келл.

— Откручивающиеся винные пробки — гениальное изобретение — гениальное изобретение, — говорит она, весело отбрасывая металлический колпачок в сторону. Он падает на пол и закатывается под кровать. Я улыбаюсь, представляя Марию на коленях, которая бормочет немецкие проклятия, поднимая ее.

Затем Келли останавливается. Оглянувшись, она говорит: — О, черт.

— Что случилось?

— Я не взяла соломинки!

Проходит секунда, прежде чем я понимаю. Потом начинаю смеяться. — Тогда тебе придется просто держать мой стакан и давать мне маленькие глотки, когда я этого потребую, не так ли, сестра?

Выражение лица Келли становится кислым. — Я думаю, что ты слишком наслаждаешься этой идеей, принцесса. — Она наливает немного вина в два пластиковых стаканчика, затем ставит бутылку на мою тумбочку.

— Вышьем, — говорит она, стуча стаканчиками друг о друга.

— Давай, сучка. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, детка. — Пытаясь быстро смахнуть влагу с глаз, она подносит одну из чашек к моим губам, чтобы я могла выпить.

Напиток холодный, терпкий и вкусный. Я глотаю, причмокивая губами. — Вкусно. Спасибо.

— Не за что. — Она запрокидывает голову назад и выпивает весь свой бокал вина.

Смеясь, я говорю: — Некоторые вещи никогда не меняются.

Пожав плечами, она наливает себе еще один бокал. — Надо пить розовое, пока оно не согрелось. Нет ничего более депрессивного, чем розовое вино комнатной температуры.

— За исключением, возможно, дневной комнаты в психиатрическом центре. — Келли замирает от ужаса, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

— Прекрати, — устало говорю я. — Если я не смогу шутить об этом, будет намного хуже.

Через мгновение она посылает мне неуверенную улыбку. — Значит ли это, что я все еще могу называть тебя сумасшедшей, как раньше, до того, как ты *технически* стала сумасшедшей?

— Я бы обиделась, если бы ты этого не делала. А теперь дай мне еще глоток вина и включи диктофон. Начнем.

***

Так началась диктовка моих мемуаров о кататоническом психозе.

Когда через пять недель они были закончены, я назвала их *До сентября*.

Потому что не только у судьбы темное чувство юмора.

Год спустя

□□□□ □□□□ □□□□

Когда раздался телефонный звонок, на улице шел дождь.

Я лежу на больничной кровати, которую Крис поставил в гостиной, потому что механическое жужжание моего вентилятора мешает ему спать. Я смотрю сквозь дверь во внутренний дворик, как дождь стекает по стеклу извилистыми серебристыми ручьями, похожими на слезы. Сумерки опускаются, но еще не совсем поглотили двор: трава отражает блики заходящего солнца. Шелковица мерцает и переливается.

Идет нежный дождь. Мягкий и меланхоличный, синий и туманный, идеальный фон для того, чтобы умереть.

По крайней мере, я надеюсь, что это произойдет сегодня вечером. Мне невыносима мысль о еще одном дне жизни.

Еще один день без Джеймса.

Понимаете, я так и не смогла разгадать код. Каким бы ни был спусковой крючок, толкнувший меня с обрыва в безумие, я не смогла его воссоздать.

С помощью Келли я провела двенадцать месяцев, исследуя известные причины психозов, просматривая тысячи случаев в медицинских журналах, читая все, что могла найти в Интернете на эту тему.

Но все, что я нашла, совпадало с тем, что сказал мне Эдмонд: психоз — это медленное сползание, а не резкий скачок. Почти всегда психотическому эпизоду предшествуют постепенные, прогрессивные изменения в мыслях и функционировании человека, которые могут длиться от нескольких месяцев до нескольких лет.

А в тех немногих случаях, когда психоз, казалось бы, происходил без внешних признаков или триггеров, причина оставалась загадкой.

Это ужасно, жить без надежды. Это худшее, что можно себе представить. Человек может пережить даже самую жестокую физическую или эмоциональную травму, если он верит — однажды, когда-то — что этому будет конец. Но когда нет света в конце тоннеля, когда каждый день — это холодная, черная, бесконечная дорога страданий, а надежда — лишь слабое воспоминание, которое ты когда-то имел, единственное, что может помочь — это смерть.

Для людей в моем положении смерть — это друг, которого мы ждем.

Милосердный друг, чье лицо мы хотим увидеть.

Я жду уже довольно долго. Я не помню, было ли это после того, как мои мышцы горла перестали работать и мне вставили питательную трубку в желудок, или после того, как мои легкие перестали работать и дыхательную трубку вставили в шею. Так или иначе, я жду смерти, которая придет и освободит меня от этого исхудавшего тела и отпустит в сладкое облегчение небытия.

Мария отвечает на телефонный звонок где-то в доме. Ее бормотание смешивается со стуком дождя. Потом она идет ко мне с беспроводным телефоном в руке.

— Тебе звонят, — тихо говорит она, наклоняясь над кроватью, — Хочешь ответить?

Я не могу кивнуть или покачать головой, потому что мышцы, которые контролируют эти движения, парализованы, но я все еще могу моргнуть. Наша система проста: одно

морганье — да, два — нет.

Я моргаю один раз. Какого черта, посмотрим, кому я нужна так поздно.

Мария нажимает кнопку громкой связи на телефоне.

— Я сейчас с Оливией, мисс Перкинс. Вы на громкой связи. Говорите.

Андреа Перкинс — литературный агент, которого Келли нашла, чтобы представлять мою книгу. Она знала парня, который знал парня, работавшего в литературном агентстве, и она спросила его, может ли кто-то в его компании быть заинтересован в том, чтобы взглянуть на мою историю. Оказывается, один из их агентов — Андреа — недавно продала правдивую историю женщины, у которой было воспаление мозга настолько сильное, что врачи думали, будто она страдает шизофренией, и положили ее в психиатрическую больницу.

Книга мгновенно стала бестселлером. Редактор издательства, которому Андреа продала ее, был в поисках следующего хита.

Поскольку я была совершенно неизвестной и не имела никакого издательского кредита, я не получила аванса. Крис ныл и стонал по этому поводу, но мне было все равно. Деньги никогда не имели для меня значения.

Важно было познакомить других людей с Джеймсом.

Я хотела, чтобы они тоже полюбили Джеймса, чтобы он жил в их памяти так же ярко, как в моей. Только так мы можем достичь бессмертия. Любовь — это то, что связывает нас навсегда, это единственное, что остается после смерти... или после окончания психотического эпизода.

И если вы будете смеяться, что я думаю, что моя любовь к Джеймсу такая же реальная, как и ваша любовь к вашему мужу или партнеру, просто помните, где действительно существует любовь — в голове.

— Привет, Оливия! Надеюсь, я звоню не слишком поздно.

Сегодня вечером мисс Перкинс кажется счастливой. Я не вижу ничего такого в ее светлом тоне, потому что она всегда такая. У нее характер терьера: умная, преданная и легко возбудимая. Она мне очень нравится.

— Я просто хотела поделиться невероятной новостью. Официально ты узнаешь об этом завтра, когда опубликуют списки, но... — Она вскрикивает от волнения. — *До сентября* — бестселлер Нью-Йорк Таймс! В первую же неделю выхода! Разве это не удивительно?

Да. Я хотела бы подпрыгнуть и начать кричать, но мое сердце делает это за меня, так что этого будет достаточно.

Мария громко восклицает на немецком. То ли она счастлива, то ли просто заметила пятно на ковре. Иногда трудно сказать.

Андреа говорит: — Я не буду надоедать, я просто хотела первой поделиться замечательной новостью. Фантастическая работа, Оливия! Мы так тобой гордимся.

Ирония судьбы в том, что она гордится мной за то, что я придумала грандиозную любовную интрижку, но она получает пятнадцать процентов от прибыли, так что, думаю, в этом есть смысл.

— Будем на связи. Спасибо, Мария. До скорого.

Мария нажимает кнопку "Завершить". Потом мы удивленно смотрим друг на друга, когда в комнату закрадывается ночь.

Крис выходит из гаража. Он разговаривает по мобильному телефону, наклонив голову, тихим голосом.

— Да, я знаю, дорогая. Я тоже тебя люблю. Еще немного. Нет, я же говорил тебе, я продам дом после того, как она...

Умрет.

Он не сказал этого, потому что только что понял, что мы с Марией в пределах слышимости. Он застывает от чувства вины, но слово все еще висит в воздухе.

Он на цыпочках идет по коридору в главную спальню, тихо закрывая за собой дверь.

Мария смотрит в ту сторону, куда он пошел. — Если хочешь, Мария задушит его во сне подушкой. — Она оглядывается на меня, ее глаза горят адским огнем. — Он очень маленький. Это не будет большой проблемой.

Боже, я люблю эту женщину.

Но я не хочу, чтобы ее арестовали за убийство, поэтому, очень намеренно, дважды моргаю.

Она вздыхает. — Пф. В любом случае, Мария тоже очень гордится тобой за твои достижения. — Она хлопает меня по руке. — Дальше ты напишешь детектив о парализованной женщине, которая использует контроль над сознанием, чтобы убедить свою сиделку забить своего никчемного мужа-изменщика до смерти, да? Да. Это будет еще один бестселлер.

Она разворачивается, чтобы уйти, но поворачивается. — Мария сегодня кое-что купила для тебя. Ты всегда смотришь на этот плакат, так что надеюсь, тебе понравится. Он в машине. — Она выходит через входную дверь, оставив телефон на кухонном столе.

Плакат с изображением лавандовых полей Прованса, который Келли принесла в мою палату в психиатрическом отделении. Я забрала его домой и попросила ее повесить его там, где я могла смотреть на него каждый день. Он приклеен к стене напротив моей больничной койки. Длинные фиолетовые ряды лаванды таинственно мерцают в сгущающихся сумерках.

Существует поле, за пределами всех понятий добра и зла. Я встречу тебя там.

Я вспоминала эти слова столько раз. Помнила нежный взгляд глаз Джеймса, когда он говорил их, помнила звук его голоса, такого богатого и полного любви.

Но до этого момента я никогда не думала об этих словах как о ключе к разгадке.

Существует поле, за пределами всех понятий добра и зла. Я встречу тебя там.

Я встречу тебя там.

Я встречу тебя... там.

На лавандовых полях Прованса.

Я знаю, что это не неисправность моего аппарата искусственной вентиляции легких, которая внезапно затрудняет дыхание.

Мария возвращается с улицы с большим пакетом в руках. Она ногой закрывает входную дверь, а затем направляется к моей кровати с широкой улыбкой на лице. — Тада! Куст лаванды. Что ты об этом думаешь?

Это большое растение с большим количеством эффектных фиолетовых бутонов, их стебли длинные и серебристые, пластиковый контейнер завернут в отвратительный неоновозеленый целлофан. Безошибочный аромат лаванды окутывает меня самым прекрасным, самым чувственным облаком.

Я закрываю глаза и позволяю нежному аромату наполнить мои легкие, мое сердце разрывается от радости, ибо оно знает, о, оно знает, что наконец, наконец, наконец ожидание кончилось.

Существует поле, за пределами всех понятий добра и зла. Я встречу тебя там.

Я искала во всех неправильных местах. Я искала спусковой крючок, в то время как то, что я должна была искать, намного проще.

Единственное, что может открыть запертую дверь.

Ключ.

Запах — это ключ, который открывает наши самые глубокие воспоминания. Одно дыхание определенных духов, свежее испеченного хлеба или даже плесени, которая росла в подвале дома нашего детства, может перенести нас во времени и пространстве, чтобы мы вернулись туда, в тайное место в нашей памяти, недоступное, кроме как через магию запаха.

Сладкий, сумеречный и выразительный, аромат бутонов лаванды переполняет меня.

Мои нервные окончания покалывают. Кровь горячо разливается по жилам.

Существует поле, за пределами всех понятий добра и зла. Я встречу тебя там.

Мария ставит куст на стол возле моей кровати, какое-то мгновение любуется экстравагантностью цветов, их лепестками, расположенными идеальными спиралями вдоль тонкого бутона, а потом опирается руками на бедра.

— Почти как эдельвейс. — Улыбаясь, она поворачивается ко мне. — Тебе нравится?

Я моргаю, один раз, долго и медленно.

— Хорошо, — говорит она, натягивая простыни на мою худую грудь, — Сейчас я принесу ужин, а потом дочитаю тебе книгу, которую оставила Келли. Я люблю этого автора, как его зовут? Николас Паркс. Баркс? Да, он очень романтичный писатель. Моя любимая — та, где у старой женщины болезнь Альцгеймера, муж читает ей историю их жизни, а потом они вместе умирают на ее кровати в доме престарелых. Ах, мое сердце!

Она хватается за свою широкую грудь, драматично вздыхает, а потом машет рукой на собственную глупость. — Жаль, что такое не случается в реальной жизни.

Жаль, что у меня нет голоса, потому что я бы ей ответила: *О, но это случается, Мария. Абсолютно точно случается.*

Во дворе под мерцающим дождем, под раскидистыми ветвями шелковицы, Джеймс стоит и ждет.

Он улыбается. Даже сквозь легкий вечерний туман я вижу, как ярко горят его глаза для меня. Этим прекрасным, горящим настоящим голубым цветом.

Мария спешит на кухню, чтобы начать готовить ужин. Я слышу гудение микроволновки, нежный стук дождя по крыше.

Встретившись взглядом с Джеймсом, я встаю с кровати.

Подхожу к двери внутреннего дворика, открываю ее и выхожу на улицу. Цемент шершавый и прохладный под моими босыми ногами. Ароматный вечерний воздух цепляется за мою кожу и волосы. Края моего платья волочатся по мокрой траве, когда я иду. Капельки влаги собираются в круг глубокого голубого цвета на подоле, синего, темнее самой ткани.

Я останавливаюсь на расстоянии вытянутой руки от Джеймса и смотрю на него с любовью и удивлением. Капли дождя увенчивают его темные волосы, окропляют широкие плечи, неспешными дорожками скользят по роскошным плоскостям его обнаженной груди.

Я пьяно говорю: — Я должна была догадаться, что ты не наденешь рубашку.

Его прекрасная улыбка углубляется. Он протягивает руку и собирает меня в круг своих теплых, сильных рук. — И я должен был знать, что ты наденешь это платье, которое чуть не довело меня до сердечного приступа, когда я впервые увидел тебя в нем, дорогая.

Глядя ему в глаза, я обнимаю его за плечи и улыбаюсь.

Дождь утихает. Над головой сквозь облака пробивается солнце. Я слышу низкое

жужжание рабочих пчел, которые заняты сбором нектара, и чувствую пьянящий аромат лавандовых полей, поднимающийся из плодородной земли вокруг.

Позади Джеймса, как выстроенные ряды военных, лавандовые поля сияют неземным фиолетовым и синим в косых солнечных лучах, пока их не поглотит туман.

Он шепчет: — Я — это ты, а ты — это я, и все одно — это другое. А теперь почувствуй. У тебя нет другого сердца, кроме моего.

В эйфории я тихо смеюсь. — Тебе надо придумать какие-то оригинальные реплики, приятель. Твои сценаристы в отпуске? Ты не можешь вечно полагаться на Хемингуэя.

Он хихикает. — О, да, я могу. — Его улыбка исчезает, а голубые глаза начинают гореть. Голосом, переполненным эмоциями, он говорит: — Навсегда, дорогая.

Он обнимает мою голову в своих руках и целует меня.

Я не оглядываюсь, чтобы увидеть себя слабую и неподвижную на больничной койке в гостиной. Я просто закрываю глаза и растворяюсь в поцелуе любимого, шепча слова, которые, я знаю, он ждет услышать в улыбающихся устах.

— Я люблю тебя.

Джеймс шепчет: — Я тоже тебя люблю. До конца времен.

Это клятва, торжественное обещание и осуществление каждой мечты, о которой я осмеливалась мечтать.

Держась за руки, мы поворачиваемся спиной к меланхолическому дождю и идем в ожидаемое тепло лавандовых полей.

Когда Оливия заходит в большой угловой кабинет Эстель, Эстель сидит за столом, вытирает глаза платком и шмыгает носом.

На столе лежит рукопись, открытая на последней странице.

Преисполненная внезапного страха, Оливия останавливается. За все годы их знакомства она никогда не видела, чтобы ее агент плакала. — Пожалуйста, скажи мне, что тебе понравилась книга, и это слезы счастья. Мне бы не хотелось думать, что я ехала поездом аж до Манхэттена только для того, чтобы ты могла уволить меня лично.

Высморкавшись в вышитый платок, Эстель машет им. От этого движения ее седой улей качается. — Садись. Ой. Дай мне собраться. — Она снова сморкается, гудит, как гусь. Потом бросает платок в верхний ящик стола, достает зеркальную косметичку, разворачивает ее и вздыхает, глядя на свое отражение.

— Ты испортила мне лицо. Посмотри на меня. Я енот.

Усаживаясь в удобное кожаное кресло напротив Эстель, Оливия улыбается. — Могло быть хуже. Ты могла бы выглядеть как Элис Купер. По крайней мере еноты милые.

— *Милые?* — Эстель насмехается, проводя рукой по щекам. — Разве они не разносят чуму?

— Ты имеешь в виду белок.

Эстель вздрагивает, закрывает пакет и кладет его обратно в ящик. — Я терпеть не могу белок. Они меня пугают. Эти глаза-бусинки и корявые руки. Они похожи на маленьких пушистых тираннозавров.

— Мы будем говорить о рукописи или о твоём страхе перед милыми грызунами?

С драматическим выдохом Эстель падает обратно в свое кресло, раскидывает руки по сторонам и смотрит на Оливию водянистыми красными глазами. — Да, мы поговорим о рукописи. И я начну с того, что скажу: ты — зло! *Зло*, слышишь меня?

Оливия знает, что это хорошая новость. Чем больше Эстель говорила о том, какой она ужасный человек, тем больше ей нравилась книга.

— О, Боже, что я делаю? — кричит Эстель, вскакивая со стула, — Я еще даже не обняла тебя!

Она обходит стол, покачиваясь на высоченных каблуках. На ней винтажный костюм от Chanel — сегодня розовый, — три украшения с жемчугом, очки с цепочкой на шее. Даже на каблуках она не достигает пяти футов ростом.

Оливия встает. Они обнимаются. Затем Эстель отстраняется, держит ее на расстоянии вытянутой руки и произносит: — Ты ужасный человек. Как ты могла так со мной поступить?

— Не воспринимай это лично. Я так поступаю и со всеми остальными.

Эстель разводит руками. — Когда я дошла до той части, где они в саду в Провансе и героиня смотрит на календарь, я думала, что умру!

Оливия, смеясь, качает головой. — Думаю, ты преувеличиваешь больше, чем я.

— Я не преувеличиваю, ты ужасный человек. Я буквально задохнулась вслух. Потом, когда она проснулась в психиатрической больнице, я кричала. Напугала до смерти мою секретаршу. Я чуть не наложила в штаны, а это была бы настоящая трагедия.

Она показывает на свои великолепно скроенные брюки от Chanel. — Если бы я это сделала, я бы прислала тебе счет за химчистку. Ты *монстр*! И не заставляй меня начинать

про финальную главу. Та сцена в конце, где они воссоединяются под дождем — Христос на костылях, Оливия, если бы ты не вошла, я бы сейчас лежала на полу лицом вниз, рыдая в ковер.

Восхищенная реакцией своего агента, Оливия улыбается. — Ты сейчас действительно отработываешь свои комиссионные, ты знаешь об этом?

Эстель дружески подталкивает ее. — Я должна получить прибавку за ту травму, которую ты мне причинила. А теперь садись и давай поговорим. У меня есть несколько вещей, которые, по моему мнению, мы должны обсудить, прежде чем я отправлю его.

Пока Оливия сидит, Эстель закрывает дверь своего кабинета, а затем переходит к элегантной антикварной витрине в другом конце комнаты. Она открывает шкафчик в нижней части и достает оттуда бутылку Blanton's и два хрустальных бокала. Закрыв шкаф ударом бедра, она возвращается к столу, садится и наливает по два пальца бурбона в каждый стакан.

Пока она наливает, она размышляет: — Знаешь, почему я люблю тебя?

Оливия на мгновение задумалась. — Потому что я зарабатываю тебе столько денег?

— Ха. Да, конечно. Кроме этого.

— Я в тупике.

Эстель закупоривает бутылку, отставляет ее в сторону и толкает один из стаканов через стол к Оливии. — Потому что ты единственный человек, которого я знаю, который считает разумным пить бурбон в одиннадцать утра во вторник. — Она поднимает свой бокал в тосте. — За ежедневное пьянство.

Оливия поднимает свой бокал и улыбается. — Если ты пьешь бурбон в течение дня, это не делает тебя алкоголиком. Это делает тебя пиратом.

Эстель кривится и говорит: — *Аpppгх!*

Оливия поднимает брови. — Это должна быть пиратская имитация? Потому что это было ужасно.

— Я что, играю главную роль в бродвейской постановке Пиратов Карибского моря? Очевидно, что нет. Актерское мастерство не моя сильная сторона.

Она с любовью смотрит на рукопись, положив на нее руку. — Книги — моя сильная сторона, куколка, а эта — просто жемчужина.

Они проводят некоторое время, обсуждая свою личную жизнь, а затем переходят к бизнесу. Они обсуждают разных редакторов, которым Эстель планирует отправить рукопись, какой аванс она планирует запросить, когда поступит предложение опубликовать ее, и другие детали. После более чем десятилетнего сотрудничества Эстель успешно продала все книги Оливии. Она знает, что эта книга быстро получит предложение.

Отставив бурбон в сторону и вернувшись к началу рукописи, Эстель подносит к носу свои очки и ссылается на некоторые заметки, которые она сделала на полях.

— Давай сперва перейдем к самому важному. — Она обвиняюще смотрит на Оливию сквозь оправу очков. — Когда я давала тебе разрешение вписать меня в эту книгу, я и не думала, что ты сделаешь из меня семидесятилетнюю еврейскую женщину.

Улыбаясь, Оливия отхлебывает бурбон. — Ты и есть семидесятилетняя еврейка.

— Именно так! — раздраженно говорит Эстель, — Давай сделаем меня больше похожей, скажем, на Шэрон Стоун.

Оливия смеется. — О, ты хочешь быть горячей.

— Очень горячей. На самом деле, Стоун может быть слишком старой. Двойник Шарлиз

Терон лучше. Нет, кто эта молодая Кардашьян, миллиардерша? Сделай меня более похожей на нее.

— Это было бы действительно переходом за пределы доверчивости — сделать моего агента двадцатилетней звездой реалити-шоу, ты так не думаешь?

Эстель сжимает губы. — Я сказала *выглядеть* как она, а не быть ею. И, очевидно, нам придется изменить мое имя. Я всегда хотела, чтобы меня звали Серафина. Пусть будет Серафина.

— Да, Серафина — это твердый отказ, но я придумаю другое имя. Я просто всегда использую настоящие имена, когда пишу персонажей, основанных на людях, которых я знаю. Это делает персонажей более реальными для меня, если их имена совпадают.

— Я понимаю, что это твой процесс, — говорит Эстель с кислым выражением лица, — но раз уж мы об этом заговорили, то тебе стоит начать называть своих героев как-то иначе, чем Джеймс. Ты хоть представляешь, как мне неудобно читать твои первые наброски, зная, что ты пишешь о своем Джеймсе?

— Почему тебе это неудобно?

— Алло? Сексуальные сцены?

— Можешь не волноваться, потому что они вымышленные. Я просто использовала свое воображение.

Эстель выглядит неуверенной. — Неужели? Скажи мне, что тот случай в книжном магазине в Париже был вымышленным.

Оливия с прямым лицом говорит: — Сексуальной сцены в Шекспире и компании никогда не было.

Когда Эстель сужает глаза, Оливия улыбается. — На самом деле это произошло в инди-книжном магазине в Квинсе.

— Я умываю руки. А тут еще все эти грязные разговоры. Как я смогу смотреть этому мужчине в глаза в следующий раз, когда мы будем ужинать, зная, какие вещи он говорит тебе в постели?

— Я не должна была тебе говорить, что всех своих героев я основываю на своем муже.

— Ты же не думаешь, что я бы не догадалась, учитывая, что все твои героини начинаются с темных волос, голубых глаз, расщепленного подбородка и члена, похожего на кролика Энерджайзера? *И всех их зовут Джеймс?* Будь реальной.

— Ладно. Я сделаю ему зеленые глаза и дам ему британский акцент. Тебе нравится?

— Британский акцент мне нравится. Хорошо вписывается в образ убийцы. Очень в духе агента 007. Как насчет его имени?

— Как насчет... Эдвард?

Эстель морщит нос. — Слишком *сумеречное*. Что ты думаешь о Броке?

Оливия едва не выплевывает глоток бурбона. — *Брок?* О, Боже мой. Откуда ты это взяла?

— Я подписана на одного здоровяка-модель в Инстаграме по имени Брок. У него самые роскошные сиськи.

Оливия фырчит. — По-моему, это называется грудные мышцы, Эстель.

— Какая разница, они великолепны.

— Вот что я тебе скажу. Я напишу роман в стиле Регентства специально для тебя с главными героями по имени Брок и Серафина. Но в эту книгу я не включу ни одного из них.

Эстель машет рукой, заканчивая эту часть разговора. — Я знаю, что ты что-нибудь

придумаешь.

Она снова сверяется со своими заметками, перелистывает несколько страниц, пока не останавливается и не постукивает наманикюренным ногтем по выделенному предложению. — Ты когда-нибудь объясняла татуировку на плече героя? Я предполагаю, что черные отметки под латинской фразой — это подсчет всех людей, которых он убил, но не думаю, что об этом было сказано прямо.

— Хм. Я не уверена. Я точно перевела латынь, но не помню, чтобы я уточняла про отметки. Я еще раз посмотрю.

Оливия ставит свой бурбон на край стола Эстель, достает из сумочки мобильный телефон и делает заметку о пометках. Кивнув, Эстель перелистывает еще несколько страниц. — А иностранный язык, на котором он разговаривал — один раз, когда они занимались сексом, а в другой раз она услышала его на заднем фоне, когда они разговаривали по телефону — что это было?

Оливия пожимает плечами, кладет телефон на стол и берет бурбон. — Я не знаю. Думаешь, это важно? Я просто подумала, что это часть его загадочной атмосферы.

— Одно-двух предложений, чтобы объяснить это, было бы достаточно, чтобы читатели знали, что ты не забыла об этом. Может, его группа убийц разговаривает только между собой на латыни, что-то вроде этого.

— Принято к сведению.

Они ходят туда-сюда еще несколько минут, пока Эстель не хихикает. — Я заметила, что ты сделала "До сентября" бестселлером "Нью-Йорк Таймс". Люблю амбиции, куколка.

Потом она протрезвела, глядя вверх. — О, чуть не забыла — твой бывший муж не может быть послом США в ООН.

— Почему?

— Потому что он посол США в ООН, а ты превратила его в торговца оружием. А потом в толстого автомеханика-изменщика с алкогольной зависимостью. Он подаст на тебя в суд за клевету.

— Ты шутишь? Он обожает, когда я пишу о нем в своих книгах. Это первый раз, когда я использую его настоящую работу, но ему все равно понравится. Этот человек не сможет нарадоваться себе в печати.

Эстель машет на нее пальцем. — Ничего не поделаешь. Я знаю, что вы с Крисом в хороших отношениях, но любой издатель будет настаивать на том, чтобы ты это изменила. Потенциальная ответственность слишком велика.

Оливия вздыхает. Она знает, что это не та битва, которую она может выиграть.

Эстель продолжает сканировать свои заметки. — Ссылка на красную/синюю таблетку из Матрицы не требует разрешения, поскольку ты не цитируешь фильм напрямую, так же как и строки из Достоевского, поскольку они являются общественным достоянием, или Встреть меня в поле Руми, поскольку он мертв уже много веков. Но тебе придется связаться с издательством Саймон и Шустер, чтобы получить разрешение на использование цитат Хемингуэя.

— Уже связалась. Они тоже были очень милыми.

Эстель удовлетворенно кивает. — Приятно слышать. Ладно, это все, что у меня есть.

Она закрывает рукопись, берет свой бурбон и улыбается. — Книга в книге. Мне нравится, как ты продолжаешь расширять арсенал твоих повествовательных инструментов.

— Я собиралась пойти по пути "Начала" и сделать это книгой в книге в книге, с другой

концовкой после того, как влюбленные снова встретятся под дождем.

Эстель выглядит заинтригованной. — Правда? И что бы это был за дополнительный финал?

— Мы, которые делаем то же самое, что делаем сейчас.

Эстель на мгновение растеряна, потом ее глаза расширяются, а рот образует форму буквы О. — Да. Сделай это! У Маргарет Этвуд в "Слепое убийце" произошло сразу три события, и он получил Букеровскую премию.

— Ты так думаешь?

Эстель энергично кивает, ее улей (гулька) качается. — Безусловно. Как думаешь, сколько времени понадобится на ее написание?

— Немного, если учесть, что в основном я буду записывать эту встречу и все, что будет происходить до конца дня.

Эстель говорит: — Стенографировать эту встречу? Думаю, тогда мне лучше придумать что-то интересное для себя, не так ли?

Она оглядывается по кабинету, будто в поисках идеи, но тут же опускает руки. — Нет. У меня ничего нет. — Когда она оглядывается на Оливию, на ее лице появляется осведомленная улыбка. — Думаю, тебе и твоему горячему мужу придется это наверстать.

— Ты же говорила, что тебе неприятно читать о моей сексуальной жизни?

— Так и есть, милая. — Она смеется. — Но что за способ закончить книгу.

Они пьют за счастливый конец и допивают остальные напитки.

***

После обеда в любимом азиатско-фьюжн-ресторане Эстель, что неподалеку от ее офиса, женщины прощаются, обнявшись. Эстель возвращается на работу, а Оливия — на электричку, которая отвезет ее домой в пригород.

Она работает во время поездки, снова читая свою рукопись на Kindle.

Она делает заметку, чтобы спросить мнение Эстель о том, как она обращается к аудитории напрямую на вы несколько раз, разрушая четвертую стену и рискуя, что читатель узнает о повествовании, а также делает несколько других заметок, чтобы изменить то или иное слово.

Каждый раз, когда Оливия перечитывает рукопись, всплывает что-то новое, что, по ее мнению, требует изменений. Это бесконечный процесс. Каждая книга, которую она написала, была опубликована с чем-то, чем она все еще не довольна, но с годами она поняла, что идеальной книги не существует.

В отличие от идеального мужчины, который определенно *существует*, несмотря на то, что ее герой Эдмонд сказал бы на эту тему.

Оливия не знает, это стечение обстоятельств, что она оказалась именно в этом ресторане в этот день со своими подругами, или это судьба вмешалась в ее судьбу. Все, что она знает, это то, что она подняла взгляд от яичницы и увидела прекрасного незнакомца, который смотрел на нее с другой стороны комнаты, полной людей... смотрел на нее самыми прекрасными голубыми глазами, которые она когда-либо видела.

Ее сердце мучительно колотилось, она смотрела в ответ.

Только когда ее подруга со смехом подтолкнула ее, Оливия поняла, что она и красивый незнакомец смотрели друг на друга, очарованно, в течение довольно длительного времени.

Каждая история любви имеет начало. Это было их начало. Один взгляд, и они оба были обречены.

До того волшебного момента она не верила, что любовь с первого взгляда существует. Она не верила в родственные души, или в то, что люди живут долго и счастливо, или во что-то такое идеалистическое, как настоящая любовь.

Потому что это по-детски — верить в сказку... пока вдруг не окажешься в ней в главной роли.

Позже ее муж, подмигивая и смеясь, рассказывал людям, которые спрашивали, как они познакомились, что Оливия сама бросилась к нему в объятия. Реальность была противоположной. После окончания бранча, когда она с подругами собиралась уходить, красивый незнакомец последовал за ней к парковке, где она ждала свою машину. На глазах у удивленных подруг Оливии он смело пригласил ее на свидание, даже не спросив ее имени и не представившись.

Собственно, он не пригласил. Он потребовал — Иди на свидание со мной, — вот его точные слова.

Потому что... властный.

Когда она ответила, что не встречается со странными мужчинами, у него был быстрый ответ. — Я не странный. Если только тебе это не нравится, в таком случае я точно странный.

Он улыбнулся. Она засмеялась.

Через две недели они съехались.

За все годы, прошедшие с тех пор, они не провели ни одной ночи порознь.

— Дорогой, я дома!

Голос Оливии раздается в пустом фойе их дома 1920-х годов, который они ремонтируют с тех пор, как переехали. Это бесконечный проект: как только что-то чинится, другое разваливается. Но она любит его так, как любят старого друга, и все его странности лишь добавляют ему шарма.

— Я тут!

Она идет на слабый звук голоса Джеймса мимо гостиной и кухни к задней части дома. Она должна была знать, что он все еще будет в своей мастерской. Обычно он не выходит, пока не наступит время ужина. Остановившись возле закрытой двери пристроенного гаража, который они превратили в рабочее место, она слегка постучала и просунула голову внутрь.

Джеймс стоит спиной к двери. В заляпанных краской джинсах, босиком, без рубашки, он стоит и смотрит на свою незавершенную работу — полотно, тянущееся на всю длину комнаты и почти до потолка. Это роскошный абстрактный всплеск цветов, но с точки зрения чистой красоты он не может с ним сравниться.

Его голая спина — это шедевр. А ягодицы...

Джеймс поворачивает голову и смотрит на жену через плечо. — Это был большой вздох. Твоя встреча с Эстель прошла хорошо?

Она улыбается. — Встреча прошла замечательно. И я не скажу тебе, по какому поводу я вздохнула, потому что не хочу, чтобы твое эго стало еще больше, чем оно уже есть.

Он улыбается, сверкая ямочкой на щеке. — Да, я знаю. Я неотразим. Тащи свою задницу сюда и поцелуй меня.

Притворяясь строгой, Оливия делает несколько шагов в комнату и скрещивает руки на груди. — Прости, Ромео, но я не собака. Я не подчиняюсь командам.

Джеймс разворачивается, кладет кисти на свой грязный рабочий стол, вытирает руки тряпкой и идет к ней. Его улыбка становится шире. Его голубые глаза сверкают озорством.

Подойдя к ней, он обнимает ее.

— Нет, ты точно не собака, милая, — говорит он, прижимаясь к ее губам мягким поцелуем. Его голос понижается, а глаза начинают гореть. — Но мы оба знаем, что ты *подчиняешься* командам.

Она обнимает его за плечи и изо всех сил пытается удержать улыбку на лице. — Только в постели. В которой мы сейчас не находимся. Так что прекрати командовать мной и будь вежливым.

Он выглядит смущенным. — Вежливым? Не знаю такого слова.

Он целует ее снова, на этот раз глубже, вплетая пальцы в массу ее темных волос. Когда он отрывается через несколько минут, они оба дышат тяжелее. Он шепчет:

— Кроватью может быть что угодно. Этот диван, например. Кресло в углу. Пол.

Хотя они занимались любовью на всех предметах мебели в комнате, пол — это совершенно новое предложение. Она хрипло смеется. — Я слишком стара, чтобы заниматься сексом на полу, большое спасибо. Я могу пораниться. Сломать бедро. Повредить персик.

Джеймс берет большую горсть ее задницы и сжимает. — Думаю, нам придется найти тебе матрас, чудачка.

Быстрым, отработанным движением он наклоняется и поднимает ее на руки.

Смеясь, Оливия цепляется за его плечи, когда он выходит из гаража к дому. — Ого, кто-то съел свои хлопья сегодня утром!

— Я соскучился по тебе, — говорит он, направляясь в спальню.

— Соскучился по мне? Меня не было четыре часа! Кстати, Эстель считает, что твоего персонажа надо назвать Брокком.

Джеймс бросает на нее испуганный взгляд. — *Брок?* Боже мой. Это твоя новая книга про гея-порнозвезду?

— Нет. Угадай, кем я тебя сделала.

По обоюдному согласию, Джеймс не читает ни одной из ее книг. Если бы она написала роман, в котором не было бы его версии как главного героя, он бы прочитал, но, в отличие от ее бывшего мужа, он считает идею читать о себе слишком странной.

Несмотря на свое гигантское эго, он на самом деле довольно скромный.

Он говорит: — Рок-звезда?

— Нет, глупыш. Я уже это делала.

— О, да. Ладно, гм... автогонщик?

— Что-то горячее!

— Горячее, чем гонщик? — Похоже, он поражен. — Видимо, я удовлетворяю свою женщину, если она превращает меня в вымышленного парня, который горячее гонщика.

Оливия закатывает глаза. — То, что ты одержим гонками Формулы-1, не значит, что все остальные тоже, дорогой.

Он поворачивается боком, чтобы пронести ее через дверь спальни. — Так ты уже сделала меня рок-звездой, охранником, крутым спецназовцем, итальянским модным магнатом, главой империи бурбона...

— О, посмотрите, кто такой наблюдательный!

Он улыбается от ее дразнящего тона. Остановившись на краю матраса, он опускает ее на кровать, а затем простирается сверху. Улыбаясь ей в глаза, он говорит: — Как насчет астронавта? Я всегда хотел быть астронавтом. Это было бы так круто.

— Астронавты были крутыми в пятидесятых.

— Брэд Питт будет астронавтом в своем новом фильме.

— Ох. — Она не может найти недостатков в этой логике. — Ладно, возможно, астронавты — это *круто*. Но то, что я сделала для тебя на этот раз, еще круче.

Он глубоко целует ее, устраиваясь между ее раздвинутыми ногами. Она запускает пальцы в его волосы и опускается на матрас, вздыхая от удовольствия.

удовольствия.
— Расскажи мне, — приказывает он, кусая ее нижнюю губу.

Она закрывает глаза, впиваясь ощущением его теплого рта, движущегося по ее челюсти и шее. Он ласкает ее декольте, вдыхая ее запах.

Когда он лижет верхний изгиб ее груди, она шепчет: — Наемный убийца.

Джеймс на мгновение замирает. — Ты сделала из меня парня, который убивает людей?

Она спешит объяснить. — Только плохих, которые этого заслуживают. И никаких женщин или детей. У тебя есть железное правило на этот счет. А еще ты художник, который отдает деньги благотворительным организациям для жертв насилия.

Кажется, это его удовлетворяет, потому что он расстегивает несколько верхних пуговиц на ее блузке и отодвигает бюстгальтер в сторону, чтобы получить доступ к твердеющему соску. — Я такой сложный. Были ли у меня какие-то удивительные татуировки?

Она задыхается, когда он втягивает ее сосок во влажное тепло своего рта, а затем хихикает. В реальной жизни он бы с удовольствием сделал татуировку, но мужчина смертельно боится игл.

Как-то медсестра сказала ей, что самые большие и самые страшные парни всегда испытывают тошноту при виде игл. Оливия находит сочетание развязного мачизма и мальчишеской ранимости совершенно неотразимым.

Наверное, поэтому она так любит Хемингуэя.

— Да, я сделала тебе потрясающую татуировку, дорогой. — Она стонет, чувствуя, как его зубы скребут по ее чувствительной коже. — И двенадцатидюймовый член.

Прижавшись к ее груди, он взрывается смехом. — *Двенадцать дюймов?* (~30 см)

— Что? Ты почти такой же большой.

Невероятно, он смотрит на нее сверху. — О, *нет*. Большое спасибо, я очень польщен, но у меня нет члена длиной в фут.

— Правда? — Оливия хмурится. — А мне кажется, что есть.

Он заливается смехом, прижавшись лбом к ее груди и смеется так долго, что Оливия начинает раздражаться. — Это не так уж и смешно!

— Да, это действительно смешно.

— Почему?

— Потому что ты всегда жалуешься на мое огромное эго, а потом ты берешь и говоришь что-то подобное.

Она говорит покорно: — Ладно. Отныне я буду давать тебе только крошечный, как венская колбаска, член. Три дюйма, не больше. Доволен?

Встревоженный, он поднимает голову. — Давай не будем увлекаться. Обычный член подойдет.

— Если ты думаешь, что моей аудитории интересно читать про обычный член героя, то у тебя совсем другое дело.

— Мысль.

Когда Оливия только улыбается, Джеймс говорит: — Правильно было бы сказать:

"Другое мнение".

— Так ты говорил мне, дорогой, — шепчет она, ее грудь расширяется от любви.

Он изучает ее выражение лица. — Почему у тебя сейчас вместо глаз маленькие красные сердечки из конфетти?

Она не говорит ему, что это потому, что ее реальная жизнь даже лучше, чем выдумка. Его это уже слишком велико. Вместо этого она решает отвлечь его. — Мне просто интересно, не попробуем ли мы те красивые секс украшения, которые ты подарил мне на нашу годовщину, которую мы еще не отпраздновали.

Улыбка Джеймса становится медленной и горячей. — Зажимы-бабочки? Я думал, ты боишься, что они перекроют доступ крови к твоим деликатным женским частям.

Опустив голову, она шепчет ему на уста: — Я знаю, что ты позаботишься обо мне.

Их поцелуй долгий и страстный. Она корчится под ним, раскачиваясь бедрами на его эрекции, издавая тонкие звуки потребности в глубине горла. Когда они отдышались, Джеймс спрашивает: — Медленно и сладко?

— Нет, — отвечает жена, протягивая между ними молнию, — Сначала жестко и быстро. Медленно и сладко мы сохраним для украшений.

Его член твердый и горячий в ее руке. Она не хочет тратить время на снятие трусиков, поэтому просто отодвигает их в сторону и впускает его в себя.

Они обмениваются стоном, затем еще одним поцелуем. Затем, обхватив руками ее лицо и толкаясь бедрами, Джеймс шепчет ей на ухо: — Ты уже определилась с названием для своего нового романа?

Оливия выгибает спину и закрывает глаза. — *Идеальные незнакомцы.*

Пройдет много времени, прежде чем они снова смогут связать слова в единое целое.

***

Вернувшись домой из школы через несколько часов, Эмми совсем не удивляется, когда слышит, как из-за закрытой двери их спальни доносятся звуки любви ее матери и отчима.

БЛАГОДАРНОСТИ

Этот роман был вдохновлен фотографией обложки. Я просматривала фото на одном фотосайте, взглянула на него и была поражена. В этом свете есть что — то такое неземное, будто он призрак? Ангел? Мечта?" — и интенсивность их эмоций просто выскочила и захватила меня. Я попросила своего дизайнера обложки добавить немного дождя, и вуаля. На обложке — сцена в конце третьего акта, когда Джеймс и Оливия воссоединяются и возвращаются к лавандовым полям в Провансе.

Сначала у Джеймса действительно должен был быть БАС, но потом в середине десятой главы Оливия спросила его о татуировке, и я подумала: — Подождите — ка. ПОДОЖДИТЕ МИНУТКУ. Что, если тайна, которую он скрывает, не в том, что он болен... а в том, что он убийца? Понятия не имею почему, просто так работает мой мозг. Так что я сделала это. Надеюсь, вам понравилось их очень запутанное путешествие.

И да, поскольку правда страннее вымысла, история о том, как Оливия и Джеймс пялились друг на друга через ресторан, он пошел за ней в машину и потребовал свидания, а через несколько недель они съехались, — это правда, только это случилось со мной.

Мои подруги думали, что я совсем сошла с ума, но когда ты знаешь, ты знаешь. Мы с мужем женаты уже почти двадцать лет и ни одной ночи не провели отдельно. Он — причина, по которой я пишу романы.

Спасибо тебе, Джей, за всё. Обещаю, что никогда не буду называть тебя Броком.

Спасибо Летиции Хассер за вашу замечательную работу и профессионализм. Я ценю, что ты приспособилась ко всем моим изменениям.

Спасибо моим замечательным читателям за вашу поддержку! Она действительно много для меня значит.

Большое спасибо также моей группе читателей на Facebook, за то, что с вами так весело общаться и вы проявляете столько энтузиазма в отношении людей, которых я создаю в своей голове.

При написании этой книги я использовала много разных источников, исследуя БАС и психоз, но два из них были наиболее полезными — это Ассоциация БАС и Национальный альянс по психическим заболеваниям. Однако это роман — следовательно, вымысел, и я не врач. Был использован художественный вымысел.